

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 20 (706)

LINGUISTICS

**CONTEMPORARY LINGUISTICS:
INTERPLAY OF PARADIGMS AND SCHOOLS**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 20 (706)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРАДИГМ И ШКОЛ**

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2014

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, проф. К. В. Голубина
(ответственный редактор)
д-р филол. наук, проф. Г. Г. Бондарчук
(зам. ответственного редактора)
д-р филол. наук, проф. Е. Е. Голубкова
д-р филол. наук, проф. Т. Н. Маляр
канд. филол. наук, проф. Л. А. Уралова
канд. филол. наук, доц. Е. В. Рыжкина
канд. филол. наук Г. В. Грачев
д-р филол. наук, проф. З. А. Харитончик (Республика Беларусь)
канд. филол. наук, проф. Янувлевичене Виолета (Литва)
канд. филол. наук, доц. Е. В. Александрова
(ответственный секретарь)

© Московский государственный лингвистический университет, 2014

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл. № ФС77-59634 Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(РОСКОМНАДЗОР)

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Над выпуском работали:

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВПО МГЛУ
Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

ОАО Агентство «Роспечать»
Подписной индекс – 18066
Подпис15,6 п. л. Формат 60x90/16
Сетевое электронное научное издание
Заказ № 1227

Перепечатка материалов Вестника МГЛУ
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Новое в лексикологических исследованиях английского языка

<i>Беляевская Е. Г.</i>	
Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике	9
<i>Авдеевич Н. В.</i>	
Профессиональная деятельность как мотивирующий фактор специализации производных значений фразовых глаголов	22
<i>Басинская М. В.</i>	
Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии	32
<i>Бирюкова А. М.</i>	
Особенности развития категории наименований питания в новоанглийский период	42
<i>Бондарчук Г. Г.</i>	
Разные школы о проблемах английского словосложения	50
<i>Волынец Ю. П.</i>	
Способы реализации аксиологического потенциала сегментированных цитат в англоязычном медиадискурсе	60
<i>Голубкова Е. Е.</i>	
Новый облик современной лексикографии: будет ли существовать словарь через 20 лет?	73
<i>Гусева О. А.</i>	
Вербализация невербальных реакций (к постановке проблемы)	81
<i>Канашина С. В.</i>	
Детабуизация в интернет-мемах на лингвистическом и тематическом уровнях	90
<i>Касатова И. А.</i>	
Эволюция политических эвфемизмов и дисфемизмов в английском языке (на примере лексемы «коммунист»)	102
<i>Кивилева Е. Б.</i>	
Динамический аспект каронимики как раздел ономастики	110
<i>Лаврова Н. А.</i>	
Контаминация в современном английском языке: о некоторых результатах и перспективах исследования	120

<i>Таранова Н. В.</i>	Применение процедур инференции при описании семантики фразовых отглагольных имен существительных (на материале единиц типа «drop-in», «playback»)	130
<i>Титкова О. И.</i>	Особенности формирования частной рекуррентности в маркетинговом дискурсе (на примере интернет-маркетинга)	136
<i>Аванесян Ж. Г.</i>	Онтологическая метафора в газетном дискурсе (на материале сопоставительного изучения онтологической метафоры в английском и русском газетном дискурсе)	146

Раздел II

Современные взгляды на проблемы английской фразеологии

<i>Дьячкова И. Е.</i>	Композиционная семантика английских фразеологических единиц с компонентом-антропонимом	155
<i>Зубкова О. В.</i>	«Ложные друзья» среди фразеологизмов	168
<i>Иевская М. С.</i>	Когнитивные механизмы формирования семантики фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в современном английском языке сквозь призму бинарной оппозиции «Норма / Нарушение нормы (Отклонение от нормы)»	179
<i>Рахматуллаева Н. Г.</i>	Номинативный потенциал структурно-семантической аналогии в английской фразеологии	187
<i>Рыжкина Е. В.</i>	Семиокультурный аспект фразеологической номинации по аналогии (на материале современного английского языка)	198
<i>Скворцова Н. С.</i>	Репрезентация концепта «успех» фразеологическими единицами современного английского языка	214
<i>Стебелькова Н. А.</i>	Концептуализация и формы языкового представления различных видов умственной деятельности в английском и русском языках	227
<i>Уралова Л. А.</i>	К вопросу о развитии категории фразеоматических сочетаний	238

CONTENTS

Section I New Venues to Lexicological Issues in English

<i>Beliaevskaya E. G.</i> Cognitive Methods of Analysing Lexical Semantics	9
<i>Avdevich N. V.</i> Professional Activity as a Stimulating Factor for Specialization of Derived Meanings of Phrasal Verbs	22
<i>Basinskaya M. V.</i> The Study of Lexico-Semantic Features of Ecological Discourse within the Framework of Language Ecology	32
<i>Biryukova A. M.</i> Peculiarities in the Development of the Category of Food Names in New English	42
<i>Bondarchuk G. G.</i> Different Schools on the Problems of English Compounding	50
<i>Volynets Yu. P.</i> Axiological Aspect of Scare Quotes in English Media Discourse	60
<i>Golubkova E. E.</i> The New Image of Contemporary Lexicology: Will There Be a Dictionary in 20 Years?	73
<i>Guseva O. A.</i> Verbalization of Non-verbal Reactions (perspectives of research)	81
<i>Kanashina S. V.</i> The Process of Detabooization in English Internet-Memes	90
<i>Kasatova I. A.</i> The Evolution of English Political Euphemisms and Dysphemisms (a Case Study of the Term «Communist»)	102
<i>Kivileva E. B.</i> Dynamic Character of Caronimics as Branch of Onomastics	110
<i>Lavrova N. A.</i> Contamination in Modern English: Preliminary Findings and Outlook for Further Research	120
<i>Taranova N. V.</i> Inference as a Means of Describing the Semantics of Nominalizations in English (drop-in, playback Type)	130

<i>Titkova O. I.</i>	
The Peculiarities of Particular Recurrence Forming in the Marketing Discourse (on the Basis of Internet-marketing)	136
<i>Avanesyan J. H.</i>	
Ontological Metaphor in Newspaper Discourse (on the Basis of Comparative Analysis of Ontological Metaphor in English and Russian Newspaper Discourse)	146

Section II

Modern Views on English Phraseological Problems

<i>Dyachkova I. Y.</i>	
Compositional Semantics of English Phraseological Units with Anthroponymic Component	155
<i>Zubkova O. V.</i>	
False Friends of an Interpreter among Idioms	168
<i>Ievskaya M. S.</i>	
Cognitive Mechanisms of the Semantics of English Phraseological Units with Somatic Components on the Basis of the «Norm / Breach of Norm» Binary Opposition	179
<i>Rakhmatullaeva N. G.</i>	
Nominative Potential of Structural-Semantic Analogy in English Phraseology	187
<i>Ryzhkina E. V.</i>	
Semiocultural Aspect of Phraseological Nomination (Based on the Material of Modern English)	198
<i>Skvotsova N. S.</i>	
Representation of Concept “Success” in English Phraseological Units	214
<i>Stebelkova N. A.</i>	
Conceptualization and Verbal Representation of Different Types of Mental Activity in English and Russian	227
<i>Uralova L. A.</i>	
Phraseomatic Units: Status and New Developments	238

Раздел I
Новое в лексикологических исследованиях
английского языка

УДК 81'1

Е. Г. Беляевская

профессор, доктор филологических наук
профессор кафедры стилистики английского языка факультета ГПН МГЛУ
тел.: 8 499 245 31 10

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье обосновывается положение о том, что наиболее известные теории когнитивной лингвистики – фреймовые семантики, современная теория метафоры, теория ментальных пространств – скорее следует рассматривать как методы лингвистического анализа языкового материала и, прежде всего, анализа лексической семантики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; лексическая семантика; методы лингвистического анализа; фрейм; концептуальная метафора; ментальное пространство.

Beliaevskaya E. G.

Professor, Doctor of Philology
Professor Chair of English Stylistics MSLU
tel.: 8 (499) 245 31 10

COGNITIVE METHODS
OF ANALYSING LEXICAL SEMANTICS

The paper discusses the possibility of interpreting the well-known theories of cognitive linguistics – theory of frame semantics, contemporary theory of metaphor and the theory of conceptual integration – as methods of linguistic analysis, especially the methods of analysing lexical semantics.

Key words: cognitive linguistics; lexical semantics; methods of linguistic analysis; frames; conceptual metaphor; mental spaces.

Анализ различных направлений и школ в истории языкознания приводит нас к выводу, что поиск новых подходов и новых научных

парадигм связан не столько с новой теорией языка и не с постановкой новой группы задач, сколько с разработкой новых методов изучения языковой системы.

Это положение нуждается в достаточно подробном доказательстве на примере отдельных самобытных школ и научных направлений, а также на примере работ отдельных выдающихся лингвистов, но, по-видимому, оно достаточно очевидно применительно к центральной парадигме лингвистического знания XIX в. (сравнительно-исторической), а также применительно к центральной парадигме лингвистических исследований XX в. (т. е. к структурной лингвистике).

Действительно, само формирование компаративистики, ставившей своей основной целью найти объективные доказательства родства языков, связано с поэтапной отработкой приемов сопоставления, вылившихся в формулирование положений сравнительно-исторического *метода*. Таким образом, вопрос о методе являлся в компаративистике определяющим с самого начала ее возникновения. Более того, можно сказать, что компаративистика возникла в результате поиска ответа на вопрос: *Как доказать происхождение двух разных языков из одного общего для них источника? Какая последовательность исследовательских процедур (т. е. какой метод) позволит это доказать?* Интересно отметить, что уже в XX в., когда большинство исследователей обратились к решению новых проблем в рамках структуральной парадигмы лингвистического знания, сравнительное языкознание не осталось в стороне от ведущих тенденций, что опять же это приняло форму разработки новых методов исследования – прежде всего *метода внутренней реконструкции*.

Аналогичную картину можно наблюдать и в структурной лингвистике. основополагающим в структурной парадигме лингвистического знания было «системное изучение языка, выделение лингвистических единиц и их отграничение, анализ структуры языка, его парадигматика и синтагматика и определение цепи взаимозависимостей, обеспечивающих функционирование языка в обществе» [7, с. 17]. Все исследователи отмечают, что в структурной лингвистике методам лингвистического анализа уделялось особое внимание. Фактически описание многочисленных и разнородных школ и направлений структурализма, как европейского, так и американского, часто сводится к описанию структурных процедур обработки языкового материала [12]. Кроме того, при некотором «несходстве»

исходных положений и существенных различиях в постановке исследовательских задач в разных течениях в пределах структурной парадигмы лингвистического знания обнаруживается явное сходство в используемых методиках. Во всех разновидностях структурализма можно усмотреть стремление к формализации методов изучения языкового материала независимо от рассматриваемого уровня языковой системы, а также присутствие дистрибутивного анализа (в разных версиях), компонентного анализа при рассмотрении семантических явлений и даже элементов трансформационного анализа и методов психолингвистики.

По-видимому, именно близость многих исследовательских методик заставила М. М. Гухман, которая особое внимание уделяла своеобразию различных «структуральных» школ и направлений, особо подчеркивать, что методы не играют определяющей роли в разграничении «традиционных» и «новых» научных тенденций: «При всей значительности ... особенностей методики лингвистического анализа для характеристики любой языковедческой школы, совокупность тех или иных исследовательских приемов сама по себе не является достаточным критерием для выделения лингвистического направления. Так, изучение лексики как системы, связанное с выделением лексических микросистем или семантических полей, используется в разных направлениях учеными, по-разному решающими вопрос о сущности языка, его соотношении с мышлением, его роли в обществе. Использование методов, связанных с выделением изоглосс и некоторыми приемами ареальной лингвистики, может оказаться основой лингвистического анализа в работах с разной направленностью, по-разному ставящих задачи исторического исследования. Тем более применение в современном языкознании так называемых формализованных методов, включая и математические методы и приемы, само по себе не может служить критерием при определении лингвистического направления. Методика исследования во многом зависит от уровня развития науки, а также от конкретных задач той или иной работы» [7, с. 8].

В этом высказывании обращают на себя внимание два момента. *Во-первых*, рассматривая методы лингвистического анализа, можно весьма условно разделить их на две группы: методы «технические» и методы «содержательные». Метод изоглосс фактически представляет собой метод сбора материала, который далее необходимо интерпретировать. К этой группе можно отнести метод сплошной выборки,

пришедший в лингвистику из математики и физики, который состоит в фиксации всех случаев реализации изучаемого лингвистического явления в исследуемом массиве текстов. «Содержательные» методы лингвистического анализа, например выделение семантических полей, которое М. М. Гухман рассматривает как особый прием лингвистического анализа, работают несколько иначе – как бы «в два шага». С одной стороны, «содержательные» методы, как и «технические методы», позволяют фиксировать анализируемое явление. С другой стороны, они позволяют сразу получить некоторый, по крайней мере, промежуточный результат анализа. Так, выделение какого-либо семантического поля – это не механическое отнесение к некоторому множеству всех элементов, обладающих некоторым свойством, как, например, в методе выделения изоглосс, это сложная процедура, требующая решения вопроса о том, как заданное свойство проявляется и какое место оно занимает в семантике анализируемых единиц. Поэтому «на выходе», т. е. после применения метода, мы получаем не только само семантическое поле, но и его разделение на центр и периферию (или несколько периферийных участков), что само по себе можно рассматривать как новое лингвистическое знание.

Во-вторых, то, что М. М. Гухман считает методом в другой интерпретации, могло бы фигурировать как *теория*. Действительно, структура семантического поля в языке, взаимодействие и взаимопроникновение разных семантических полей в одном языке, а также сопоставление соотносительных семантических полей в разных языках – все это самостоятельные результаты лингвистического исследования, которые непосредственно дают информацию для решения глобальных проблем языкознания, таких как соотношение языка и мышления, принципы устройства языковой системы и т. д.

Естественно, четкого разделения методов лингвистического анализа на «технические» и «содержательные» не существует и имеется много промежуточных случаев, однако это не влияет на наш общий вывод (точнее, предположение) о том, что методы и теории, по крайней мере, в лингвистике тесно связаны между собой, причем связаны так, что часто бывает трудно определить, имеем ли мы дело с теорией или с методом анализа.

Это парадоксальное заявление важно, по нашему мнению, для современного состояния когнитивной лингвистики – относительно новой парадигмы лингвистического знания, ставящей своей целью

моделирование того, каким образом язык обеспечивает получение, хранение, обработку и преобразование знаний о мире, а также их передачу в процессе коммуникации.

В отличие от сравнительно-исторического языкознания и структурализма, где вопрос о методах анализа является одним из основополагающих [10], в когнитивной лингвистике основное внимание уделяется демонстрации *результатов моделирования* семантики языковых единиц или высказываний как части решения двух основных проблем, составляющих предмет изучения в рамках когнитивного подхода к языковым явлениям, – концептуализации и категоризации. Если в структурной лингвистике постоянно отрабатывались и уточнялись последовательные процедуры анализа разных видов языкового материала (фонетического, морфологического, синтаксического), то вопрос о методах когнитивной лингвистики¹ у исследователей, работающих в этой области, никогда не считался особенно важным. Обычно в работах по когнитивистике фигурируют упоминания о двух основных методах этой парадигмы лингвистического знания – о методе моделирования и о методе концептуального анализа. Рассмотрение последовательности процедур, составляющих метод моделирования, который обычно связывают с кардинальной для когнитивной лингвистики проблемой моделирования языковой и коммуникативной способности человека, в настоящее время не проводится. Это же справедливо в отношении метода концептуального анализа, который в большинстве случаев принимает форму одной из версий компонентного анализа, правда, уже с измененной по сравнению с первоисточником терминологией.

Демонстрация результатов применения приемов и подходов когнитивной лингвистики к языковому материалу, прежде всего к изучению семантических особенностей языковых единиц и текстов, обусловила появление нескольких теорий, наиболее известными среди которых являются современная (когнитивная) теория метафоры, фреймвые семантики и теория ментальных пространств [13].

---

¹ Отметим, что когнитивная лингвистика рассматривает семантику языковых явлений (языковых единиц и текстов) в качестве основного предмета лингвистического анализа, поэтому, говоря о *методах лингвистического исследования* в когнитивной лингвистике, мы имеем в виду *методы семантического анализа*.

Далее мы постараемся показать, что *представление о концептуальной метафоре, фреймах и ментальных пространствах следует* (или, по крайней мере, можно) *рассматривать в качестве исследовательских приемов или методов анализа семантики в языковой системе, специфических для когнитивной лингвистики*. При этом мы на данном этапе оставим в стороне вопрос о том, можно ли считать эти концепции полноценными научными теориями, т. е. формами научного знания, гипотетическими логическими построениями, раскрывающими суть закономерностей, лежащих в основе явлений и процессов действительности.

Как известно, исследовательские методы могут обладать разной степенью эффективности, и поэтому мы постараемся оценить рассматриваемые приемы изучения языкового материала по следующим критериям:

- языковой материал, к которому приложим данный метод;
- круг исследовательских задач, которые данный метод позволяет решить;
- ограничения метода (т. е. языковой материал и исследовательские задачи, где данный метод оказывается неэффективным).

Начнем рассмотрение с фреймовых семантик, которые исторически явились первой демонстрацией возможностей применения принципов когнитивной лингвистики к языковому материалу. Фрейм представляет собой объединение первоначально лексических единиц, далее шире – объединение языковых средств разных уровней, необходимых для фиксации и передачи в процессе коммуникации информации или знаний о некотором объекте, некоторой ситуации или некотором множестве объектов. Имеются разные определения фрейма даже у Ч. Филлмора, который ввел это понятие в научный обиход¹, однако во всех определениях подчеркивается существование «внутренней» структуры фрейма. В отличие от внутренней структуры семантических полей, с которыми фреймы часто соотносят, фреймы структурируются не по принципу центра и периферии, а в соответствии со схематизированным представлением о том объекте, вокруг которого организуется фрейм.

---

¹ Подробнее об определениях фрейма и его соотношении с такими понятиями когнитивной лингвистики, как «схема», «сцена», «сценарий» и «модель» см. в [4].

Логически рассуждая, можно придти к выводу о том, что любой объект (реальный или придуманный), а также любая группа объектов или ситуаций соотносится со знанием об этом объекте, группе объектов, о процессе или о ситуации, существующих в данное время в данном социуме, и, следовательно, можно говорить об особых структурах, обеспечивающих систематизацию, хранение и переработку этого знания для последующего использования в процессе коммуникации. Соответственно можно сделать вывод о широкой применимости понятия «фрейм». Фреймовый анализ можно применить к многозначному слову [1], к изучению проблем формирования и понимания текста [8], к принципам формирования предметных категорий [6] и т. д.

Соотнесенность фреймов с реальными или мыслительными объектами действительности, следовательно, со структурами памяти, позволяет сделать некоторые выводы о методологии фреймового анализа, а также о круге исследовательских задач, к которым эта разновидность анализа языковых явлений применима.

Прежде всего, фрейм представляет собой многослойную когнитивную структуру, которая включает в себя не только все языковые средства, необходимые для речевой передачи информации о некотором объекте действительности (собственно *фрейм*), но также и схематизированное представление об этом объекте, включенное в общую систему знаний человека о мире (*схему*). Схема лежащая в основе фрейма, является тем когнитивным конструктом, который отличает его, например, от таких понятий как ментальное пространство или домен. Это означает, что реконструировать фрейм в ходе лингвистического анализа следует не на основании семантики (лексических) единиц, составляющих фрейм, а на основании предварительного конструирования знания о соответствующем фрагменте действительности посредством логической инференции (см. образец в [4]). Иными словами, сначала нужно установить логическую матрицу, отражающую фрагмент действительности, и только затем определять, какие «клетки» матрицы заполнены единицами данной языковой системы, а какие – нет. В противном случае, т. е. если идти путем семного анализа, который используется для выделения семантических полей, возможны искажения и привнесения в получаемый результат произвольного видения исследователя.

Благодаря своей внутренней структуре – концептуальной схеме, лежащей в основе фрейма, – фрейм получает то свойство, которое

с самого начала считалось для него основополагающим, а именно способность выступать в качестве общего для всех говорящих на данном языке стереотипа, в качестве своеобразной точки отсчета, с которой можно сравнивать значения синонимов, обозначающих один фрагмент действительности, сходные по объекту описания отрезки художественных произведений разных авторов (например описания ночи), интерпретацию явлений в научных концепциях разных ученых и т. д.¹ Вариативность реализаций одного и того же фрейма в разных языковых единицах и в разных текстах обеспечивается способностью фрейма к фокусировке – к перемещению центра внимания с одного участка фрейма на другой его участок [3]. Гибкость фреймов и их способность к фокусировке позволяет вынести на первый план любую составляющую фреймовой структуры в зависимости от коммуникативного задания.

Определение круга исследовательских задач, к которым применим фреймовый анализ, также основывается на рассмотренных выше свойствах фреймовых структур. Совершенно очевидно, что представление о фрейме применимо к уже готовым единицам языка и текстам. Фреймовый анализ позволяет заглянуть во внутреннее устройство семантики этих языковых сущностей, но не дает возможности проследить процесс их формирования. Таким образом, для решения проблем, связанных с многочисленными аспектами теории номинации,

---

¹ Об эффективности применения фреймовых семантик свидетельствует и то, что необходимость учета фреймовых структур возникает достаточно часто, когда в центре внимания исследователей находятся другие концептуальные структуры, например концептуальная метафора или ментальное пространство. Так, рассматривая концептуальную метафору в политическом дискурсе в английском и русском языках, А. П. Чудинов вводит в анализ представление о фрейме и/или о сценарии [11]. Только обращение к фреймам дает возможность свести воедино, в единую целостную картину разрозненные, но интуитивно воспринимаемые как родственные концептуальные метафоры. Например, при рассмотрении концептуальной метафоры РЕШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ – это путешествие необходимо учитывать целый ряд более частных метафорических представлений, таких как: УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТА – это путешественники, сложности в решении проблемы – препятствия на дороге, способ решения проблемы – траектория движения и т. д. Совершенно очевидно, что в совокупности все эти частные метафорические концепты формируют единую целостную картину, подобную фрейму и его динамическому аналогу – сценарию.

требуются другие методы когнитивной лингвистики, в частности весьма эффективным здесь может оказаться обращение к концептуальной метафоре.

Метафорические концепты, обычно для удобства называемые концептуальными метафорами, фиксируют существующие в языке устойчивые смысловые переносы, обеспечивающие представление одной предметной области (домена) в терминах другой предметной области (домена). Из самого определения концептуальной метафоры следует, что она является одним из важнейших средств интерпретации мира и знаний о мире [5]. Однако необходимо также обратить внимание на то, что по самой своей сути концептуальные метафоры воспроизводят процесс номинации. Действительно, они отражают познание объекта, на который указывает целевой домен метафорической проекции, например жизнь, гнев и т. д., и представление знания об этом объекте в языковой форме – сквозь призму области источника метафорической проекции, например представление жизни как *освященного контейнера*, гнева как *высокой температуры* и т. д.

Если рассматривать концептуальную метафору не как объект исследования, а как метод или способ изучения языкового материала и решения исследовательских задач, то совершенно очевидно, что можно рассматривать и систематизировать концептуальные метафоры, лежащие в основе семантики фразеологизмов [2], семантики эвфемизмов [9], а также в основе процессов развития семантической структуры многозначного слова. Фактически в сферу изучения (и когнитивного моделирования) попадают все формы вторичной номинации в языковой системе. При этом концептуальная метафора может выступать в качестве метода изучения не только системных явлений, но и дискурса. Иными словами, концептуальная метафора может рассматриваться не только как механизм продуцирования языковых единиц, но и как механизм продуцирования разных видов дискурса. Как известно, выделение разных функциональных стилей и разных дискурсивных практик связано с различиями в использовании языковых средств в коммуникативных ситуациях, различных по тематике и способам реализации авторского замысла. Это означает, что в разных видах дискурса в центре внимания автора находятся разные объекты и явления. В художественной литературе описываются различные ситуации, имеющие место в жизни человека, реакции людей на разные жизненные обстоятельства; в поэзии – внутренний мир

человека, его эмоциональные состояния и проявления; в аргументативном дискурсе автор концентрируется на некоторой научной или общественно значимой проблеме, которая подвергается анализу с целью получения логически обоснованных выводов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждая разновидность дискурса различается по целевым доменам метафорической проекции, и, следовательно, можно говорить о том, что в разных дискурсивных практиках реализуются разные наборы концептуальных метафор, несмотря на то что области-источники этих концептуальных метафор могут совпадать. Например, в художественном дискурсе *жизнь человека* может представляться как *путешествие*, а в аргументативном дискурсе в качестве *путешествия* репрезентируется сам процесс логического вывода (*we start our consideration with ...; now we pass over to ...; we arrive at the conclusion that...*).

Относительно ограничений метода «концептуальных метафор» можно отметить, что часть их (этих ограничений) уже заложена в том, что мы отмечали выше, а именно в нашем утверждении о том, что рассмотрение концептуальных метафор наиболее эффективно при анализе *процессов порождения языковых единиц и текстов*. Поэтому изучение проблем категоризации посредством этой техники лингвистического анализа ограничивается кругом тех языковых категорий, в организации которых большую роль играет образная составляющая. Это, в основном, категории, представленные такими абстрактными номинациями, как *время, эмоции* и др.

Из всех уровней языковой системы меньше всего случаев использования приемов и методов когнитивной лингвистики для анализа процессов словообразования, особенно, суффиксации. Это, как очевидно, связано с тем, что процессы формирования языковых сущностей, сопряженные с взаимодействием двух составляющих, требуют особых методов лингвистического анализа. В этом плане может помочь еще одна теория когнитивной лингвистики, при ближайшем рассмотрении больше напоминающая метод исследования языкового материала, – теория концептуальной интеграции. Основоположник этой теории Ж. Фоконье вводит (в основном, для анализа различных дискурсивных практик) представление о когнитивных структурах, подобных фреймам, но отличающихся от последних своей динамикой и тем, что они создаются говорящим и слушающим *ad*

hoc в процессе коммуникации, причем структурируются так, чтобы отражать видение объекта, характерное для данной конкретной коммуникативной ситуации [14]. Иными словами, в отличие от фреймов ментальные пространства определяются как «онлайновые» концептуальные структуры, которые вступают в концептуальное взаимодействие в процессе формирования дискурса. Соответственно это взаимодействие описывается как совмещение (*blending*) двух исходных ментальных пространств (*input spaces*), которые формируют новую когнитивную сущность – концептуально интегрированное пространство (*blended space*).

Теория концептуальной интеграции первоначально иллюстрировалась примерами формирования поликодовых текстов, т. е. текстов состоящих из вербального текста и визуальной составляющей (фотографий, диаграмм, карикатур, коллажей и т. д.) или рассмотрения семантических процессов образования сложных слов. В настоящее время сфера применения теории концептуальной интеграции расширилась: исследователи перешли к рассмотрению того, каким образом информация для двух ментальных пространств, которые при широком понимании конструирования могут включать несколько доменов, интегрируясь, формирует новые концептуальные структуры, например, концептуальные метафоры [13]. Подобная реализация принципа концептуальной интеграции относится к демонстрации возможностей *теории*, однако если подходить к этому принципу как к методу, то можно оценить его как весьма эффективный способ анализа процессов формирования языковых единиц и дискурсивных структур в том случае, когда в процессе принимают участие две (семантические) составляющие. Большее количество составляющих обычно анализируется попарно, однако здесь возникают некоторые ограничения, поскольку ни данный метод, ни соответствующая ему теория не содержат указаний на порядок такой последовательной «попарной» интеграции нескольких исходных ментальных пространств.

Как и рассмотренные выше методы, концептуальная интеграция таким образом имеет некоторый ограниченный круг лингвистических задач, к решению которых она может быть применена.

Мы рассмотрели основные формы приложения некоторых теорий когнитивной лингвистики к решению исследовательских задач, где эти теории действуют не столько как теории, сколько как методы

лингвистического анализа. Для того, чтобы уточнить конкретные методические процедуры и операциональные возможности этих методов, необходимы дальнейшие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 401 с.
2. *Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. трудов к 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева = Aktuelle Probleme der modernen Lexikologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I. I. Černyšova zum 100 Geburtstag. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 13–30.
3. *Беляевская Е. Г.* Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. – Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Минобрнауки РФ, РАН, Ин-т языкознания РАН, Тамб. Гос. ун-т им. Р. Г. Державина. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Р. Г. Державина, 2011. – С. 59–69.
4. *Беляевская Е. Г.* Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 18–28. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 20 (680). Сер. Языкознание).
5. *Болдырев Н. Н.* Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. – Вып. XV: Механизмы языковой когниции: Минобрнауки РФ, РАН, Ин-т языкознания РАН, Тамб. Гос. ун-т им. Р. Г. Державина. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Р. Г. Державина, 2013. – С. 12–22.
6. *Бондарчук Г. Г.* Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 48 с.
7. *Гухман М. М.* Исторические и методологические основы структурализма // Основные направления структурализма. – М.: Наука, 1964. – С. 5–45.
8. *Дроздова Т. В.* Проблемы понимания научного текста: монография. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. – 224 с.
9. *Порохницкая Л. В.* Концептуальная метафора в эвфемии. – М.: Спутник+, 2013. – 370 с.

10. Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – 379 с.
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург : Урал. гуманитар. ин-т, 2004. – 206.
12. Основные направления структурализма. – М. : Наука, 1964. – 360 с.
13. *Croft W. & Cruse D. A. Cognitive Linguistics.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 356 p.
14. *Fauconnier G. Mapping in thought and Language.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

УДК 81'37

Н. В. Авдевич

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: avdevich@rambler.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье с позиций фундаментальных парадигм антропоцентризма и когнитивизма рассматриваются некоторые аспекты функционирования таких специализированных значений фразовых глаголов, как профессионализмы. На конкретных примерах показано, что их появление обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами, в том числе особенностями профессионального общения участников корпоративных отношений.

Ключевые слова: фразовый глагол; когнитивная лингвистика; когнитивно-дискурсная парадигма; семантический потенциал; специализация; профессионализм.

Avdevich N. V.

Ph. D, Assistant Professor,
Chair of English Lexicology MSLU
e-mail: avdevich@rambler.ru

PROFESSIONAL ACTIVITY AS A STIMULATING FACTOR FOR SPECIALIZATION OF DERIVED MEANINGS OF PHRASAL VERBS

From the standpoint of fundamental paradigms of anthropocentrism and cognitivism the article looks into some aspects of the functioning of such specialized meanings of phrasal verbs as professionalisms. The illustrative examples demonstrate that their emergence is primarily conditioned by extralinguistic factors, in particular, by the peculiarities of professional communication of the members of corporate relations.

Key words: phrasal verb; cognitive linguistics; cognitive-discursive paradigm; semantic potential; specialization; professionalism.

Словарный состав английского языка, которым повседневно пользуются его носители как средством познания и средством общения,

диахронно и синхронно трансформируется и пополняется, отражая происходящие в жизни людей изменения. Условия для модернизации вокабуляра создает общество, в котором язык функционирует и которое стимулирует языковые процессы, приводящие к удовлетворению общественных потребностей. Эти процессы оказываются возможными как за счет экстралингвистических факторов, так и благодаря заложенным в языке потенциям внутреннего характера, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального «толчка». В связи с этим невозможно не согласиться с Брайаном Фостером, который пишет: “It is evident that numberless new words and expressions are required in order to deal with the great and ever increasing complexity of modern life encompassed as it is by the rapidly increasing social and technical conditions of our time. Inventions and discoveries in the scientific domain create whole vocabularies of their own and inevitably certain expressions, taken from such sources, find their way into current speech. Language faithfully reflects the spirit of the age, so that words of long standing can readily modify their meaning in accordance with the latest outlook of a given society” [14, p. 11].

Постоянно претерпевая изменения, английский язык накапливает свои ресурсы для адекватного выражения смысла происходящих в обществе перемен. В соответствии с этим происходят семантические и семантико-стилистические преобразования во многих лексических пластах языка, в том числе и в такой специфичной сфере английского лексикона, как фразовые глаголы. Эти комплексные номинативные единицы профессор А. В. Кунин в рамках теоретических концепций его фразеологической школы определил как свойственные только английскому языку сращения особого рода и как устойчивые обороты [10].

Новые горизонты для выявления и анализа природы и функциональных особенностей фразового глагола открыла возникшая во второй половине XX века на базе современных парадигм когнитивизма и антропоцентризма когнитивная лингвистика, представляющая собой «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [8. с. 55]. Примечательно, что авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», подчеркивая особую важность того, что когнитивная лингвистика (КЛ) имеет немало точек соприкосновения

с когнитивной психологией (КП), указывали: «если КП занимается всеми когнитивными способностями человека и их взаимодействием, а КЛ занимается только такой когнитивной способностью, как язык, последняя все равно связана с КП, описывающей интеграцию разных когнитивных способностей в *разных типах деятельности человека* (прежде всего – в коммуникативной)»¹ [8. с. 55].

Проведенные в русле обоснованной Е. С. Кубряковой когнитивно-дискурсивной парадигмы изыскания позволили исследователям сделать вывод о том, что, будучи центральным узлом свернутой ситуации, фразовый глагол (ФГ), как и простой глагол, открывает определенные валентности для других участников ситуации или описываемого события [5]. А поскольку ФГ является семиотически производной конструкцией, то и он понимается как любая вторичная, т. е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков, единица номинации со статусом слова независимо от его структурной сложности. Развивая эту мысль, Е. С. Кубрякова рассматривала словообразовательные значения как аналоги готовых концептуальных структур, как формулы перевода определенных наборов концептов в реальные языковые формы [7; 9].

Более того, возможность распространить одни и те же комплексные знаки на все новые и новые ситуации потенциально предопределяет богатый семантический потенциал фразовых глаголов, их способность к полисемии, существование которой в естественном языке – это одно из основных средств концептуализации нового опыта, возможность расширять когнитивные представления о мироздании и умение выражать это понимание словами. Но поскольку словарный запас не бесконечен, человек приспособливает «старые» знаки для распространения их на другие, новые ситуации, когда новые значения слова подстраиваются под уже имеющиеся модели значений благодаря процессу аналогии как когнитивной операции, способствующей распространению формы, взятой в качестве образца, на другие создаваемые в том же ряду формы [3]. Этот процесс лингвисты-когнитологи называют процессом языкового расширения.

В нашем случае это означает, что применение во вторичной функции комплексных знаков, маркирующих переосмысленные значения базового глагола и постпозитивной частицы, позволяет образовать широкий спектр смысловых вариантов многозначных фразовых

---

¹ Выделено нами. – Н. А.

глаголов, в том числе и мотивированных профессиональной и социальной деятельностью носителей языка в самых разных сферах делового и корпоративного общения. Будучи особой разновидностью специальной лексики, они могут быть определены как профессионализмы, которые, в отличие от терминов, не являются строго узаконенными, научно сформулированными названиями тех или иных действий и процессов, связанных с профессиональной, научной, производственной и социальной деятельностью людей. Такие производные глагольные единицы используются чаще всего в речевой практике представителей тех или иных профессий и занятий, за счет чего как бы приобретают узкую специализацию, определяемую их принадлежностью к определенному дискурсу.

Рассмотрим для примера производные варианты фразового глагола *cast off* с исходным значением «сбрасывать, скидывать» и общепотребимыми значениями «выкидывать за ненадобностью»; «бросать, покидать, рвать отношения»; «освобождаться» и др. Вот как приобретается и изменяется их специализация в следующих примерах [6. с. 91]:

- (1) Don't cast off the boat till everyone is on board.
- (2) At the end of the row, cast off seven stitches.
- (3) I've cast off your book and think it should come to about 400 pages when it's printed.

В первом предложении *cast off* имеет значение «отдавать швартовы, отваливать», во втором – «спускать петли», в третьем – «определять по рукописи объем печатной работы». Как видим, эти лексико-семантические варианты, ставшие узкоспециализированными, относятся соответственно к профессиональной лексике моряков, мастеров вязания и издателей.

При этом, если в первых двух случаях вполне отчетливо наблюдается образование новых производных значений как результат метонимического переноса по сходству физического действия, обозначенного исходным номинантом, с сохранением концепта ПОТЕРЯ КОНТАКТА, то в третьем случае уловить смысл произошедшего переноса не так просто. Однако можно предположить, что новое производное значение получено на базе вторичного ЛСВ *сбрасывать кожу* (о змее) как за счет метафоризации (издатель на основе своих профессиональных знаний и умений мысленно как бы сбрасывает рукописную оболочку текста, чтобы увидеть под ней и оценить «тело» печатной книги), так

и за счет перекатегоризации, когда вместо прямого физического действия глагол маркирует умственную, ментальную, интеллектуальную деятельность.

Обратим внимание еще на одну особенность последнего ЛСВ. Если первые два рассмотренных варианта значений достаточно прозрачны и могут быть поняты и даже использованы в речи не только профессионалами, но и другими носителями языка, то третий известен и используется только в узком корпоративном кругу издателей. Иначе говоря, это значение фразового глагола является в чистом виде профессионализмом.

Как и отраслевые термины, профессионализмы возникают в силу необходимости для определения появляющихся в общественной практике понятий и действий, связанных с результатами научных открытий и технического прогресса. Однако в отличие от терминов, смысловая структура которых обычно ясна и логична, а потому достаточно общедоступна, профессионализмы чаще всего являются коммуникативным средством людей, связанных определенным родом занятия. При этом в основе их возникновения лежит семантическая специализация, а смысловая структура затемнена образным представлением, в котором выделяемые признаки могут быть весьма случайными и произвольными, зависимыми от не всегда объяснимой новационной креативности носителей языка. Примеры фразовых глаголов-профессионализмов можно обнаружить во многих отраслях производственной и социокультурной деятельности.

Так, благодаря активным процессам последних десятилетий прошлого века по внедрению в общественную практику компьютерной техники возникли такие специализированные фразовые глагола, как:

log in и log off – выполнять действия, позволяющие начать использование компьютерной системы и выходить из компьютерной системы;

read out – выводить данные на монитор;

bang on – проводить проверку системного блока и программного обеспечения компьютерной системы;

back up on – подготовить вторую копию файла, программы и т. п., чтобы можно было использовать их, если основные пропадут или понадобится экстренная помощь;

hook up – подключать (что-л.) к компьютеру, обеспечивать связь (между городами и т. п.) при помощи компьютера [4; 11].

Нетрудно догадаться, в чьей речевой практике часто используются значения фразовых глаголов:

break out – вспыхивать (об эпидемии);

bring up – вызывать рвоту;

flare up – внезапно обостриться (о заболевании);

get down – проглотить таблетку, принять лекарство;

go down – спадать (об опухолях);

go under – терять сознание от лекарства, газа и т. п.;

heal over – излечивать, заживлять, затягиваться (о ране);

put sth out – вызвать обезболивание / вывихнуть;

take smth off – ампутировать конечность;

lay down – о болезни: начать проявляться, возникать, закладываться (с определенного возраста); проследиваться; относиться (к какому-л. периоду) [4].

Вполне понятно, что относятся они к лексикону работников медицины.

Примерами профессионализмов, используемых в военном деле, могут служить такие фразовоглагольные ЛСВ, как:

get down – сбивать;

muster in – вербовать на военную службу, мобилизовать, набирать войска;

muster out – увольнять со службы в запас, демобилизовать;

take off – выстреливать; убивать;

take over – перехватить военную инициативу;

turn in – докладывать о дисциплинарном проступке военнослужащего с целью наложения взыскания [2].

В сфере профессиональной деятельности юристов и других работников правоохранительных органов задействованы производные значения фразовых глаголов типа:

charge with – привлечь к суду, объявляя виновным в каком-л. правонарушении;

serve on и serve with – вручить судебную повестку;

bring in – задерживать в полицейском участке;

remand in – держать (подозреваемого) под стражей во время следствия, держать в следственном изоляторе;

remand on – держать (кого-л.) под стражей до суда [1].

Фразовоголаговые профессионализмы в значительной мере присущи и специализированному лексикону сообществ экономистов, финансистов и бизнесменов, что зафиксировано объемным словарем фразовых глаголов и идиом в сфере экономики и бизнеса [13]. Это, например:

come out – быть в итоге, составлять сумму;

knock down – снизить, сбить цену;

assign to – отправлять (кого-л. куда-л.) в целях профессиональной деятельности, включать в состав определенной группы;

be around – не обанкротиться, продолжать существовать (о компании);

bit on – предлагать выполнить (работу) за определенную плату; выступить с предложением о заключении контракта;

borrow against – брать деньги в долг, под залог;

bounce around – меняться в незначительной степени то в сторону повышения, то в сторону понижения (о ценах и т. п.), колебаться вокруг (какого-л.) показателя;

branch out – открывать новые отделы, филиалы, начинать новую сферу деятельности.

Обратим внимание, что лишь некоторая часть рассматриваемых профессионализмов имеет однословные глагольные эквиваленты, тогда как для понимания смысла большинства из них требуются либо многословные словосочетания, либо даже целые предложения. А это значит, что в этих производных значениях фразовых глаголов сконцентрирована емкая информация, что доказывает их очень важное достоинство быть высокопродуктивным средством языковой экономии за счет насыщения имеющегося знакового комплекса новым содержанием, отражающим специфику выработанных корпоративным сообществом представлений и понятий. Соответственно, такие специальные языковые единицы, как и весь язык в целом, выполняют самые существенные его функции: отражение действительности и хранение знания (эпистемическая функция), получение нового знания (когнитивная функция), передача специальной информации (коммуникативная функция). Выполняя эти разные, но одинаково важные функции, язык профессионального общения, частью которого являются и рассматриваемые нами смысловые варианты фразовых глаголов, сам становится функцией человека в процессе его деятельности и оценивается как «основная социально-ролевая функция человека, реализация которой предоставляет ему средства для существования, но требует от него

соответствующих знаний и умений, приобретаемых в результате обучения, а также опытом и привычкой» [14, с. 30–31].

Важным в лингвистическом изучении и интерпретации смысловых значений фразовых глаголов-профессионализмов является обращение к контексту. Рассмотрим для пояснения следующее предложение, взятое из юридического дискурса:

After a person has been arrested and charged with a crime, the police make the first decision about whether the accused person should be remanded on bail, or remanded in custody, until the case goes to court [1. с. 102].

В данном случае только из ситуационного контекста будет ясно, что *charged with* может быть понято отнюдь не как общераспространенное значение «наполнять, начинять что-л. взрывчаткой и т. п.» или как идиому «вменять кому-л. в обязанность, возлагать на кого-л. ответственность», и даже не как специализированное «привлечь (кого-л.) к суду, объявляя виновным (в чем-л.)», а как еще одно, более узкое специализированное значение «предъявить в досудебном порядке обвинение в совершении уголовно наказуемого правонарушения».

Однако в нижеследующем отрывке, взятом из дискурса иного рода, ситуационного контекста будет явно недостаточно:

The negotiators have to *back down* on their own interests even if they are *at odds over* how to come to a win-win decision. If they don't, the deal is said to *be done for*. Sometimes it is hard to know whether the disagreement is down to inability of partners to understand / hear each other... [11. с. 32].

Дело в том, что выделенные идиомы *back down on*, *be at odds over*, *be done for* и *be down to* являются настолько специализированными, что для их интерпретации необходимо обращаться к социокультурному контексту, который можно определить как фоновое знание, объединяющее как материальные достижения того или иного корпоративного сообщества, так и его когнитивные установки и представления. В дискурсе переговорных отношений названные идиомы имеют соответственно значения: *to take back a demand, an opinion, etc. that other people are strongly opposed to*; *to be different from sth when the two things should be the same*; *to be in a very bad situation / to be certain to fail*; *to be caused by a particular person or thing* [11].

Из сказанного следует, что семантические значения анализируемых единиц могут быть должным образом изучены с учетом прагматического смысла и ситуационного, и социокультурного параметров, ибо,

как полагает К. Крамш, говоря о профессионально-ориентированном умении общения в языке специальности, «значение создается не только посредством того, что говорящие сообщают друг другу, но и через то, что они делают со словами, чтобы отреагировать на требования окружающей среды»¹ [15, с. 26].

Подводя итоги проведенного наблюдения, следует признать, что нами затронуты лишь некоторые аспекты, как нам представляется, многосложной, но очень интересной темы, связанной с образованием и функционированием тех значений фразовых глаголов, которые можно определить как профессионально ориентированные, или профессионализмы. Нельзя не отметить, что даже краткий анализ представленного материала показывает актуальность и перспективность дальнейшего, более детального изучения этого пласта фразового глагольной лексики, рассмотрение которого может быть более успешным при неременной опоре на взаимозависимые концепции антропоцентризма и когнитивизма, в том числе когнитивно-дискурсивной, лексико-семантической и социокультурной парадигм.

В заключение хочется, вслед за И. Г. Ольшанским, вспомнить мудрое напутствие А. В. Кунина: «Важной задачей лингвистов, работающих в области фразеологии, является объединение усилий и нахождение точек соприкосновения в интересах как теории, так и практики преподавания иностранных языков» [10, с. 7]. Думается, что это пожелание в полной мере может быть адресовано и всем нам, принимающим участие в изучении тенденций развития и состояния англоязычной лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английский язык для юристов / отв. ред. Н. М. Головина. – Ч. 2. – М.: Проспект, 2014. – 208 с.
2. Англо-русский военный словарь / под ред. Г. А. Судзиловского и др. – М.: Военное изд-во, 1968. – 350 с.
3. *Бондарчук Г. Г.* Механизмы аналогии в синхронии и диахронии. – М.: Типография Сарма, 2004. – 92 с.
4. *Вольфберг Д. М.* Фразовые глаголы в медицинских текстах: учебное пособие для врачей-слушателей. – СПб.: СПбМАПО, 2000. – 152 с.
5. *Голубкова Е. Е.* Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М.: ГЕОС, 2002. – 175 с.

---

¹ Перевод наш. – *Н. А.*

6. *Кортни Р.* Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. – М. : Русский язык, 2000. – 767 с.
7. *Кубрякова Е. Е.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
8. *Кубрякова Е. С., Демьяненко В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак-т МГУ, 1996. – 245 с.
9. *Кубрякова Е. С.* Формальные и содержательные характеристики производного слова // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 1990. – С. 3–12.
10. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – 2-е изд., перераб. – М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.
11. *Маньковская З. В.* Идиомы и фразовые глаголы в деловом общении (англ. яз.): учебное пособие. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 184 с.
12. *Ментруп В.* К проблеме лексикографического описания общенародного языка и международных языков // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1983. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – С. 21–40.
13. *Солодушкина К. А.* Modern Dictionary of Phrasal Verbs and Idioms in the Language of Business – Современный англо-русский словарь фразовых глаголов и идиом в сфере экономики и бизнеса. – СПб.: Антология, 2008. – 800 с.
14. *Foster B.* The Changing English Language. – London: Mackmillan, 1981. – 263 p.
15. *Kramersch C.* Language and culture. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 134 p.

УДК 81'37

М. В. Басинская

соискатель кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
преподаватель кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: janet_avan539@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ

В статье поднимается вопрос изучения языкового представления экологических проблем современности и к вопросам взаимодействия человека с окружающей средой. Автор рассматривает основные лексико-семантические характеристики экологического дискурса как объект исследования нового раздела лингвистики – языковой экологии.

Ключевые слова: эколингвистика; языковая экология; экологический дискурс; лексико-семантические характеристики.

Basinskaya M. V.

Post-graduate Student at the Chair of English Lexicology MSLU
e-mail: janet_avan539@mail.ru

THE STUDY OF LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF ECOLOGICAL DISCOURSE WITHIN THE FRAMEWORK OF LANGUAGE ECOLOGY

The article is devoted to the study of the role played by language in representation of ecological issues and environmental problems. The article aims at outlining the main lexico-semantic features of ecological discourse investigated within the framework of language ecology.

Key word: Ecolinguistics; language ecology; ecological discourse; lexico-semantic features.

На современном этапе развития науки особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования. Прежде всего, речь идет о синтезе естественно-научного и гуманитарного подходов [1]. Одним из таких молодых направлений является *эколингвистика* – новая отрасль языкознания, объединяющая методы познания экологических процессов и современные подходы в области лингвистики [2].

В рамках эколингвистики сложилось несколько направлений, одно из которых носит название *языковой экологии* (*language ecology* или *linguistic ecology*). Традиционно считается, что начало языковой экологии положил доклад английского лингвиста Майкла Кирквуда Хэллидея «New Ways of Meaning: the Challenge to Applied Linguistics» в 1990 году. В своем докладе Хэллидей поставил перед лингвистами несколько теоретических вопросов: насколько языковые структуры и единицы текстов задействованы в освещении вопросов, связанных с проблемами окружающей среды; может ли язык сделать эти проблемы более понятными, доступными и близкими для человека. По его мнению, основной задачей лингвистики является изучение языкового конструирования реальности. Хэллидей подчеркивает ту особую роль, которую язык играет в формировании нашего сознания, следовательно, и то влияние, которое он оказывает на наш образ жизни, поведение, систему ценностей, взаимоотношения с другими людьми и окружающим миром [11]. Таким образом, языковая экология занимается изучением связи между языком и вопросами экологии, анализом отражения в языке проблем взаимодействия человека с природой и окружающим его миром [6].

Объектом нашего исследования является прежде всего *экологический дискурс*, под которым обычно понимаются тексты различных функциональных стилей и жанров как выражение в языке экологических тем и проблем. Это связный, устный или письменный текст, обусловленный ситуацией общения на экологические темы [3]. По мнению исследователей, работающих в данном направлении, опираясь на теоретические принципы эколингвистики, возможно проанализировать и оценить языковое представление современного экологического кризиса. Следовательно, целью данной статьи является анализ основных лексико-семантических характеристик экологического дискурса как объекта исследования нового раздела лингвистики – языковой экологии.

В рамках языковой экологии анализу подвергаются различные тексты экологического дискурса, начиная от политических выступлений, посвященных проблемам экологии и заканчивая «зеленой» рекламой. Например, внимание исследователей данной области привлекают такие явления, как: отказ от активного залога в статьях об экспериментах над животными; стремление компаний, употребляя определенные лексические единицы, создать «экологичный» корпоративный имидж;

использование эвфемизмов в обсуждении вопросов атомной энергии. Некоторые лингвисты сужают рамки экологического дискурса до текстов, в которых затрагиваются проблемы негативного влияния человека на экологию и последствия такого отрицательного воздействия на окружающую среду для самого человека. Критический дискурсивный анализ, проводимый лингвистами данного направления (П. Мюльхойслер, Э. Гоатли, В. Трампе, М. Шлеппегрелл, М. Кан, Т. Берман, М. Юнг), позволяет выделить важные лексико-семантические характеристики экологического дискурса.

1. Широкое употребление слов с неопределенной семантикой.

Прежде всего, данный тип дискурса характеризуется наличием слов с затемненной семантикой, т. е. не имеющих прозрачной семантической структуры и однозначного перевода. Проблема семантической неясности тесно связана с проблемой понимания таких терминов и может привести к значительной неточности или неправильности их толкования. Например, *disposal* может пониматься как «временное, неокончательное, небезопасное размещение отходов» или напротив «окончательная утилизация путем сжигания или захоронения»; *wastewater* может означать либо «сточные воды, подвергшиеся очистке» либо «вода, потребленная населением»; *safe water* – «безопасная по санитарным нормам вода; питьевая вода» или «не питьевая вода, которая может быть использована для различных бытовых нужд кроме приготовления пищи». Еще одним примером слова с неопределенной семантикой, получившем широкое распространение в экологическом дискурсе, является слово *sustainable*. Прилагательное *sustainable* (экологически безопасный, учитывающий потребности будущих поколений) имеет чрезвычайно широкую сочетаемость, начиная от таких абстрактных существительных, как *development*, *environment*, *planet*, *ecosystem*, *society*, *future*, и заканчивая словосочетаниями типа *sustainable catch* (экологически обусловленный улов); *sustainable products* (продукты, которые обеспечивают экономические, социальные и экологические выгоды, при одновременной защите здоровья человека и окружающей среды на протяжении всего жизненного цикла, от добычи сырья до окончательного удаления отходов); *sustainable goods and services* (товары и услуги, которые производятся и оказываются без негативного воздействия на окружающую среду, общество и будущие поколения). Как мы видим, такая широкая сфера употребления и тенденция к приобретению все новых оттенков значения

в зависимости от контекста затрудняет понимание данных словосочетаний и требует развернутых пояснений.

Таким образом, в экологическом дискурсе сложилась богатая и в то же время запутанная терминология. Процесс интерпретации некоторых лексических единиц настолько сложен, что требует широкого контекста употребления или дополнительных пояснений. В то же время, язык экологического дискурса должен быть доступен максимальному числу носителей языка, чтобы способствовать взаимопониманию и социальному взаимодействию в сфере экологии.

2. Употребление эвфемизмов. Вторая особенность текстов экологической тематики заключается в тенденции к употреблению эвфемизмов. Эвфемизмы характерны для всех трех основных сфер экологического дискурса [16]:

а) обсуждение вопросов ядерной энергии: *burial ground* (место захоронения радиоактивных отходов); *coffin* (контейнер для транспортировки радиоактивных веществ). В данных примерах высокоактивные вещества ассоциируются с «мертвыми», следовательно, неопасными материалами;

б) разрушение естественной среды обитания и вымирание видов: *extinct* (вымерший) вместо *exterminated* (истребленный, уничтоженный); *decline of species* (вымирание видов) вместо *decimation of species* (истребление видов); *population decline* (сокращение популяции) вместо *destruction of populations* (истребление, уничтожение популяции);

в) загрязнение окружающей среды: один из ключевых терминов экологического дискурса *environmental pollution*, по мнению некоторых авторов, представляет собой эвфемизм, так как значение «загрязнение», заключенное в существительном *pollution*, не вызывает ассоциаций с серьезной угрозой. Кроме того, данное выражение подразумевает, что природные условия (*environment*), необходимые для жизнедеятельности человека, являются чем-то внешним по отношению к нему. Однако, с точки зрения экологии, мы не «окружены» природной средой, а являемся ее частью.

Таким образом, за счет употребления эвфемизмов в экологическом дискурсе:

1) отсутствует языковое выражение реальной экологической угрозы. Выбор лексических единиц в полной мере не отражает реальные масштабы современного экологического кризиса. Новые слова

и словосочетания, появляющиеся в экологическом дискурсе, часто изначально являются эвфемизмами, не имеющими не эвфемистических эквивалентов;

2) эвфемизмы способствуют сокрытию нелицеприятных фактов, в частности, за счет намеренного отказа от употребления таких слов, как *death*, *destruction*, *extermination* или *poison*. Так, например, вместо *poison* (яд, инсектицид) предлагается словосочетание *plant protection device*, *breeding institutions* (животноводческие предприятия); заменены *improvement institutions*, *pharmaceuticals* (лекарственные препараты, применяемые в промышленном животноводстве) словосочетанием *aids for animal production*;

3) эвфемизмы используются с целью снятия с себя или переложения на другого моральной ответственности и для достижения эффекта эмоционального дистанцирования, например в текстах об экспериментах над животными. Примерами могут служить следующие слова и словосочетания: *wild animal control* (контроль за дикими животными); *wildlife managers* (специалисты по контролю за дикими животными); *thin out* (сокращать поголовье, популяцию); *harvest* (отлов диких животных); *test animals* (подопытное животное). Кроме того, для текстов, посвященных экспериментам над животными, типично употребление таких выражений, как *house*, *dose* и *process* вместо *cage*, *poison*, *manipulate*.

3. Использование приема номинализации. Наряду с эвфемизмами достичь эффекта эмоционального дистанцирования и снять ответственность позволяет использование именных конструкций. Например, в описании охоты использование таких выражений, как *slaughtering operation*, *killing methods*, *killing techniques*, а *humane death* делает необязательным упоминание животных, на которых идет охота. Таким образом смысловой акцент смещен с объекта, над которым совершается действие, на само действие. Следует также отметить, что приведенные выше выражения являются примерами эвфемизмов, скрывающих непривлекательную сторону процесса охоты.

Кроме того, экологические проблемы часто представлены в виде именных словосочетаний, где не упоминается действующее лицо: *habitat loss*, *extinction of species*, *ozone destruction*, *destruction / depletion of the rainforest / of aquifers / protective ozone layer*; *degradation of cropland / forests / grassland / the environment*; *overcutting forests /*

overstocking grasslands. Подобное языковое представление экологических проблем позволяет не упоминать действующее лицо, оказывающее негативное влияние на окружающую среду, следовательно, снять с него ответственность.

4. Использование слов из семантических полей «экономика» («economy») и «промышленное производство» («industrial production»). Использование слов из данных семантических полей является примером языкового выражения антропоцентризма, т. е. потребительского отношения человека к окружающей среде, рассмотрения природы с точки зрения экономической, коммерческой выгоды для человека. Примерами могут служить следующие словосочетания: *environmental engineer* (специалист по охране окружающей среды, инженер-эколог); *environmental planning* (планирование природопользования, планирование с учетом экологических факторов); *test for environmental compatibility* (проверка на совместимость с окружающими условиями); *waste management plan* (план по утилизации отходов); *wildlife management* (регулирование ресурсов живой природы; использование и воспроизводство диких животных); *environment tax* (налог на загрязнение окружающей среды).

Кроме того, язык экологического дискурса характеризуется тенденцией к овеществлению живых существ, а также процессов, связанных с ними. Живые существа рассматриваются с точки зрения экономической выгоды и становятся объектами потребления, в отношении которых употребляются слова: *use, produce, manage, optimize, utilise, meat production, livestock, live material, harvesting of natural resources*.

5. Широкое использование неологизмов. В текстах, поднимающих проблемы экологии, особо отметим широкое употребление неологизмов. Так, в английском языке недавно появились слова: *ecozen* (человек, считающий себя не только членом общества, но и членом экологического сообщества, частью экосистемы наряду с другими живыми организмами); *ecocide* (преднамеренное разрушение среды обитания организмов); *ecosophy* (философия экологической гармонии и баланса); *ecomagination* (способность находить новые, творческие пути преодоления современного экологического кризиса); *trashion* (предметы гардероба и интерьера, созданные из использованных, выброшенных или переработанных материалов); *upcycling* (вторая жизнь вещей) в отличие от *recycling* (предметы не перерабатываются,

а просто используются не по назначению, например плафоны из банок, рассада в банках из-под чая); *downcycling* (переработка отходов с получением продукции низшего качества по сравнению с исходной продукцией).

Среди причин появления новых слов в экологическом дискурсе можно назвать две основные:

1) отсутствие точного языкового выражения для ряда новых понятий экологического дискурса;

2) попытка противостоять неэтичному отношению к живой природе, используя языковые средства.

В первом случае, речь идет о способности языка отвечать потребностям его носителей. Приведем примеры понятий экологического дискурса требующих адекватного языкового выражения:

1) a not economically useful, un-marketable, un-gardenable plant contributing to natural balance (in other words, «a positive weed»)

2) someone who does not recycle their bottles, papers, etc.

Такая ситуация связана прежде всего с тем, что темпы изменений в языковой системе не совпадают с изменениями в общественной и других сферах, особенно в период глубоких социальных и технологических преобразований [14].

Во втором случае реакция защитников живой природы на проявления языкового антропоцентризма может выражаться в языковом творчестве, что привело к созданию таких словосочетаний, как *wild field plants* вместо *weed*; *animal companion* вместо *pet*. Более радикальная позиция предполагает переименование некоторых понятий: *pet* / *captive*, *meat* / *corpse*, *ham* / *sliced pig*, *work animal* / *slave*.

Подводя итог, еще раз отметим, что в рамках языковой экологии прежде всего критически рассматриваются проявления языкового антропоцентризма. Языковой антропоцентризм как лингвистическое выражение потребительского отношения человека к окружающей среде, находит свое отражение в:

- наименовании с точки зрения полезности для человека (*utility naming*);
- эмоциональном дистанцировании (*emotional distancing*) за счет употребления эвфемизмов и субстантивных конструкций;
- овеществлении живых существ (*reification*).

Кроме того, критике подвергается отсутствие языкового выражения реальных масштабов экологической угрозы, в том числе за счет намеренного «затемнения» языка с помощью эвфемизмов и слов с неопределенной семантикой, а также различные лингвистические способы снятия ответственности за негативное влияние на окружающую среду. Попытка противостоять данным негативным тенденциям заключается в языковом творчестве, что обуславливает широкое употребление неологизмов в экологическом дискурсе.

Как говорилось ранее, язык активно участвует в формировании нашего сознания. Зафиксированная в языке понятийная система, отражающая наш опыт и одновременно упорядочивающая воспринимаемую нами реальность, управляет нашей повседневной деятельностью. По словам Хэллидея, «язык – это теория нашего опыта, служащая одновременно руководством к действию» [11, с. 195]. Использование определенных языковых средств в экологическом дискурсе характеризует позицию человека по отношению к природе, определяет способы взаимодействия с живой и неживой природой.

По мнению некоторых исследователей (Э. Гоатли, Т. Берман), критический анализ экологического дискурса должен быть нацелен прежде всего на выявление языкового проявления антропоцентризма, как выражение доминирующей в обществе системы взглядов, которая способствует дистанцированию человека от природы [7; 9]. В свою очередь, эколлингвистика предлагает эоцентрическую модель сознания, основанную на признании человека не в качестве собственника природы и ее центра, а в качестве одного из ее полноправных членов, и делающую акцент на взаимозависимости и взаимодействии всех элементов окружающего мира [4].

В рамках критического направления эколлингвистики поднимается вопрос «экологической корректности», т. е. попытки намеренно повлиять на языковую практику с целью устранения «неэкологических» элементов. В то же время, по мнению некоторых лингвистов, язык будет меняться по мере формирования общественного экологического сознания. Подобная «глубокая экологизация» языка противостоит «поверхностной экологизации» дискурса [8, с. 50], заключающейся в широком употреблении лексических единиц экологической тематики, например в современной рекламе и политических выступлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова Е. В.* Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2007. – № 13. – С. 32–36.
2. *Иванова Е. В.* Эколингвистика и метафорическая картина природы в медийном экологическом дискурсе // Перевод и сопоставительная лингвистика: Периодический научный журнал / под ред. А. Б. Шевнина. – Екатеринбург: Урал. гуманитарный ин-т, 2007. – С. 119–126.
3. *Иванова Е. В.* К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. – С. 134–138.
4. *Ионова С. В.* Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков: Вестник Волгоград. ун-та. Серия Языкознание. – Волгоград, 2010. – № 1(11). – С. 86–93.
5. *Кислицына Н. Н.* Эколингвистика – новое направление в языкознании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip>)
6. *Полухин А. А.* Современное языкознание и экологическое мышление. Опыты-2008: сб. науч. работ преподавателей и студентов факультета филологии / сост. Н. М. Димитрова. – СПб. : РИО ГПА, 2009. – С. 65–73.
7. *Berman T.* The Rape of Mother Nature? Women in the Language of Environmental Discourse // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 258–260.
8. *Fill A.* State of the Art // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 43–57.
9. *Goatly A.* Green Grammar and Grammatical Metaphor, or Language and Myth of Power, or Metaphors We Die By // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 203–226.
10. *Goatly A.* A Response to Schleppegrell: What Makes a Grammar Green? // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 229 – 231.
11. *Halliday M. A. K.* New Ways of Meaning: The Challenge to Applied linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 175–203.
12. *Jung M.* Ecological Criticism of Language // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 270–285.

13. *Kahn M.* The Passive Voice of Science: Language Abuse in the Wildlife Profession // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 241–244.
14. *Mühlhäusler P.* Talking about Environmental Issues // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / E. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 31–42.
15. *Schleppegrell M.J.* What Makes a Grammar Green? A Reply to Goatly // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 226–228.
16. *Trampe W.* Language and Ecological Crisis: Extracts from a Dictionary of Industrial Agriculture // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.–N. Y.: Continuum, 2001. – P. 232–241.

УДК 811.111'373

А. М. Бирюкова

соискатель кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: hazybird@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ НАИМЕНОВАНИЙ ПИТАНИЯ В НОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена актуальной проблеме – расширению границ категории, которую автор рассматривает на примере развития категории английских наименований питания в новоанглийский период. Особое внимание уделяется роли отдельных номинативных способов, участвующих в данном процессе.

Ключевые слова: категоризация; номинация; сложное слово; заимствование; семантическая деривация; аббревиация; аффиксация.

Biryukova A. M.

Post-graduate Student at the Chair of English Lexicology MSLU
e-mail: hazybird@mail.ru

PECULIARITIES IN THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF FOOD NAMES IN NEW ENGLISH

The article is looking into the acute problem of extension of the category, which the author tackles on the example of the development of the category of English food names in New English. Special attention is paid to the role of different nominative means that take part in the given process.

Key words: categorization; nomination; compound; borrowing; semantic derivation; abbreviation; affixation.

В последние десятилетия в центре внимания лингвистов, работающих в русле когнитивной парадигмы знания, находится проблема категоризации человеческого опыта¹, расширения границ категории (extension of the category) и ее эволюции. Рассматриваются пути развития отдельных категорий, их устройство, при этом подчеркивается необходимость дополнения когнитивного анализа развития отдельных категорий за счет диахронических данных.

Цель данной статьи – рассмотреть развитие одной из основных категорий английской предметной лексики – категории наименований

---

¹ См., например [1].

питания – в новоанглийский период, обращая особое внимание на роль отдельных номинативных механизмов в данном процессе.

Как показало исследование, в новоанглийский период ведущим способом создания наименований питания в английском языке была семантическая деривация. Образование новых лексических единиц проходило на основе разного типа содержательных связей значений слов – импликационных и квалификационных¹. Примерами могут служить:

импликации

р.-н. англ. **stork** «A large wading bird of the genus Ciconia, allied to the ibis and heron; characterized by having long legs and a long stout bill» > «The bird or its flesh as an article of food»;

п.-н. англ. **game** «Wild animals or birds such as pursued, caught or killed in the chase» > «The flesh of such animals used for food»;

п.-н. англ. **twist** «The twisting of threads into a cord, etc.» > «A loaf made of one or more twisted rolls of dough; a small twisted roll of bread»;

гиперо-гипонимии

р.-н. англ. **stuffing** «The material with which a receptacle is stuffed» > «Cookery. Forcemeat or other seasoned mixture used to stuff meat before cooking»;

п.-н. англ. **sweet** «A sweet food or drink» > «A sweet dish forming a separate course at a meal»;

п.-н. англ. **turn-over** «Any part or thing which is turned or folded over ...» > «A kind of tart in which fruit or jam is laid on one half or the rolled out paste, and has the other half turned over it»;

гипо-гиперонимии

р.-н. англ. **breakfast** «That with which a person breaks his fast in the morning» > «A meal»;

п.-н. англ. **lollipop** «A kind of sweetmeat, consisting chiefly of sugar or treacle, that dissolves easily in the mouth» > «Sweetmeats in general»;

имиляции

р.-н. англ. **shoeing-horn** «A curved instrument of horn, metal, etc., used to facilitate the slipping of the heel into a shoe by placing it between shoe and heel» > «An appetizer for food and drink»;

---

¹ Описание семантических средств номинации приводится по работе Н. В. Никитина [2].

n.-n. англ. **slice** «A spatula used for stirring and mixing compounds» > «One or other of several flattish utensils (sometimes perforated) used for various purposes in cookery, etc., or a fish-slice»;

n.-n. англ. **sky-blue** «A pure blue colour like that of the sky in daylight» > «Thin or watery milk, having a bluish tint».

В предшествующие новоанглийскому периоду века исконные средства номинации были оттеснены заимствованием на второй план. В ранненоанглийский период в связи с образованием нации, развитием национальной культуры вырабатывается, видимо, более сознательное отношение к родному национальному языку, он начинает подвергаться сознательной обработке, в центре внимания оказываются исконные способы словообразования и в первую очередь **словосложение** [3].

Сложные слова в категории питания в новоанглийский период создавались по уже использовавшимся ранее моделям:

- **n + n** → **N¹** для создания названий разнообразных блюд (*turnip pie, spice-cake, apple-pie, rook-pie, oven cake, queen-cake, turtle-soup, spring-pottage, Suet pudding, Savoy biscuit*), продуктов питания (*gingerbread-nut, pea-flour*), напитков (*peach-brandy*).
- **v + n** → **N** были образованы существительные *breakfast, skim-milk, washbrew, rot-gut*.
- **a + n** → **N** – слова *whitebait, cool tankard, German sausage, mock turtle, short-bread, slip-cheese, slapjack*.

Вместе с тем, параллельно с процессом увеличения интенсивности использования словосложения продолжалось расширение модельного фонда данного номинативного способа. Так, в новоанглийский период ряд сложных слов из категории наименований питания был образован по моделям:

- **n + a** → **N** – *Alegar* (*ale sb + egre eager adj = fr. aigre sharp, sour*); *Beeregar* (*beer sb + egre*);
- **n + v** → **N** – *Taplash* (*ap sb + lash v*);
- **v + v** → **N** – *Spatterdash* (*spatter v + dash v*);
- **a + v** → **N** – *hard-bake*.

Также в результате стяжения: *milk-and-water, stirabout, pickle-herring om pickled-herring, mincemeat minced meat, half-and-half, pick-me-up*.

---

¹ Одна из наиболее распространенных моделей, известная с древнеанглийского периода.

Производные слова в рассматриваемой категории в новоанглийский период образовывались также при помощи суффиксации. Наиболее интенсивно использовался исконный суффикс **-ing**, причем он встречался не только в уже использовавшейся ранее модели **v + -ing** → **N** (например, *mincing, farcing, potting, sweeting, sugaring, spelting, icing, canning, ruching*), но и в новой модели **n + -ing** → **N** (*salading*).

Продолжал использоваться и другой исконный суффикс **-el / -le**. Например, с его помощью на базе французской основы *trufe, truffe* было создано слово *truffle* – *трюфель настоящий*.

Интенсивно использовался при образовании суффиксальных дериватов уже упоминавшийся ранее исконный суффикс **-er(e) / -ar(e)**. Наиболее часто в рассматриваемый период он встречался в модели **v + -er** → **N** (*reviver, pickler, castor*). Несколько слов с данным суффиксом были созданы на основе модели **n + -er** → **N**, в их числе *tambler, bumper*.

Как и в среднеанглийский период, в новоанглийский период в образовании наименований питания принимал участие суффикс романского происхождения **-ry / -ery**, использовавшийся по-прежнему в модели **n + -ry / -ery** → **N** (*pastry* от существительного *paste*).

Наряду с расширением инвентаря моделей с уже использовавшимися до новоанглийского периода суффиксами, имело место привлечение к образованию суффиксальных дериватов в изучаемой категории новых суффиксов, например: суффикса **-kin** в модели **n + -kin** → **N** (*Cannikin*: *can* + *-kin*; *Ciderkin*: *Cider* + *-kin*; *pumpkin* на базе усеченной основы слова *pumpion* + *-kin*; *pannikin*); суффикса **-a + -ie** → **N** (*sweetie*: *sweet a* + *-ie*), суффикс **-y** более поздняя форма суффикса **-ie** в модели **a + -y** → **N** (*goody*: *good a* + *-y*) и в модели **n + -y** → **N** (*confectionery*). Использовались и суффиксы романского происхождения, в их числе суффиксы **-ness** и **-ty** в модели с прилагательным (*edibleness, bareness; edibility, alibility*), **-ment, -tion, -age** в модели с глаголом (*engorgement; manducation, recoction; brewage*); уменьшительные романские суффиксы **-et** в моделях **n + -et** → **N** (*sippet, pipkinet, lappet, carcanet, smicket*) и **v + -et** → **N** (*succate, совр. sucker: suck v + -et*), суффикс **-ade** участвовал в образовании названия напитка *Orangeade* (*Orange sb + -ade*) по аналогии с существительным *Lemonade*.

Как и в предшествующие периоды, для образования членов изучаемой категории использовался прием конверсии. При этом

существительные конвертировались и от глаголов (*brew, enamel, batter, champ, peel, tipple, stew, sip, jam, pound, mince, jerk, gorge*) и от прилагательных (*mild, hasting, edible, nectarine, portable, parmesan, olitory, sour-sweet, eatable, savoury, saccharine, rare-ripe, nut-brown, nutrient, lush, flecten, alcoholics*).

В новоанглийский период широко использовался способ апелляции и сокращения. Прием апелляции стал широко применяться для именованья различных напитков и вин либо по месту их производства (*Alicant, Tokay, Sauterne, Champagne, Glenlivet, Curacao, Gloucester, Calcavella, Bucellas, Tarragona, Saumur, Orvieto*), либо по имени изготовителя (*Negus* в честь Francis Negus), а также сортов овощей и фруктов (*Savoy* – сорт капусты от названия области Savoie на юге Франции; *Orleans* – сорт сливы от названия французского города; *Colmar* – сорт груши от названия города в Эльзасе; *Shaddock* – вид грейпфрута по фамилии нашедшего его капитана Shaddock; а также *Chaumontel, Seckel, Murphy*), различных блюд (вид соуса *Worcestershire* от названия графства в Англии; *sandwich, Sally Lunn, bechamel, tabasco, wiltshire, Camembert*) и некоторых других.

В результате процесса сокращения в новоанглийский период были созданы не только различные виды усечений, например, синкопа *farl* от *fardel*; апокопы *jin* от *Geneva*, *whisky* от *Whiskybae*, *skilly* от *skillygalee*, *sham* от *Champagne*, *lolly* от *lollipop*, но и существительные, образованные в результате процесса субстантивации, такие как *slip-coat* от *slip-coat cheese*, *stout* от *stout ale / stout beer*, *stilton* от *stilton cheese*, *proper* от *porter('s) ale / beer*, *polony* от *polony sausage*, *Ribston* от *Ribston pippin*, *Williams* от *William' Bon Chretien*, *Bosch* от *Bosch butter*.

Наряду с описанными выше стали использоваться и некоторые другие способы образования единиц менее регулярной мотивации – звукоподражание (*bum* – a child's word for drink), обратное словообразование (*peas* от *pea*).

В новоанглийский период интенсивность использования заимствования по сравнению с другими номинативными механизмами несколько уменьшилась, при этом основным источником заимствования остался французский язык. По замечанию Р. Берндта, для английского языка это был важный источник заимствований в новый период (по крайней мере до 1900 года). В это время французская кухня сохраняла

свою привлекательность для английского общества [4], о чем свидетельствуют многочисленные названия из категории наименований питания, воспринятые из французского языка. К ним относятся *chocolate* от французского *chocolat*, *cuttle* от *coutel*, *carrot* от *carotte*, *browet* от *brouet*, *jar* от *jarred*, *julienne*, *antrecote*, *soup maigre*, *candy*, *salmi*, *chowder*, *tartine*, *soufflé*, *mayonnaise*, названия напитков *orgeat*, *chambertin*, *noyau*, *moet*, *eau-de-vie*, *vermouth*.

Как не раз отмечалось в теоретической литературе, в новоанглийский период словарный состав английского языка пополнился значительным количеством заимствований из латинского языка. В основном это были глаголы из специальных областей (критики, истории, философии и т. д.), понятных только тем, кто имел классическое образование, а в обиходной речи не употреблявшиеся. Однако некоторая активизация заимствования из латинского ощущалась и в категории наименований питания. Так, в числе слов латинского происхождения из категории питания существительные *pollen* от латинского *pollen*, *mulse* от *mulsum*, *coction* от *coctionem*, названия напитка *morat*, вида рыбы *gadean*, сорта фруктов *pero* и др.

Следует отметить, что в новоанглийский период значительно расширилась география заимствований в сфере предметной лексики английского языка: в этот период английский язык заимствовал слова более чем из 50 языков мира [4]. Помимо латинских и французских заимствований категория английских наименований питания обогащается в это время за счет заимствований из языков передовых стран XV–XVII вв., в частности итальянского, испанского, голландского, русского.

В данный период англичане часто путешествовали в Италию и привозили оттуда, наряду с итальянскими манерами и модой, рецепты блюд итальянской кухни и их итальянские названия, такие как *macaroni* – макароны, *vermicelli* – вермишель, *broccoli* – брокколи.

Испанское влияние было особенно ощутимо в связи с открытием Америки и связанным с этим экономическим и политическим ростом Испании. Кроме того, значительное количество слов через испанский язык пришло из языков американских индейцев, например: *banana* – банан, *cocoa* – какао, *maize* – маис, *tomato* – томат, помидор.

В XVI–XVII вв. благодаря развитию политических и торговых связей между Россией и Англией в английский язык проникает ряд

русских заимствований, относящихся к сфере питания: *kvass* – квас, *vodka* – водка и др.

Среди заимствований из голландского языка следует упомянуть такие слова, как *cookie* – печенье, *gherkin* – сорт огурцов, *borecole* – сорт капусты.

В более позднее время, когда Англия становится мощной колониальной державой, английский язык обогащается словами из самых различных языков народов, населяющих Азию, Африку, Северную и Южную Америку и Австралию. Одной из причин этих заимствований является рост торговых связей Англии со всеми частями мира, и поэтому значительная часть заимствований представляет собой названия иностранных изделий, попавших в Англию вместе со словами, которые их обозначают. Часть этой лексики получила всеобщее распространение в силу важности выражаемых ими понятий, например: *ketchup* – кетчуп, *tea* – чай (из китайского), *lemon* – лимон (из персидского), *coffee* – кофе, *salep*, *turkey* – индейка (из турецкого), *pepper* – перец, *curry* – карри, *punch* – пуниш (из языков народов Индии), *pone* – кукурузная лепешка / хлеб, *persimmon* – хурма (из языков североамериканских индейцев), *tamarind* – тamarинд, индийский финик, *shrub* – фруктовый сок с водкой, *cabob* – кебаб (из арабского).

Ряд слов появился в категории наименований питания в новоанглийский период в результате фонеморфологического варьирования, например: *collard* от col'ort, *colewort*; *caddy* от catty; *craft* от carafe; *revalenta* от ervalenta.

Этимология ряда слов из категории наименований питания в английском языке, не прослеживается. Среди них названия некоторых блюд (*mugget*, *marchpane*, *whig*, *burr*, *jumbal*, *rasher*) и напитков (*swig*, *stire*, *punch*, *morello*, *sollabub*, *nippitate*, *mungo*).

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что развитие категории английских наименований питания в новоанглийский период представляло собой постоянно протекающий процесс пополнения ее новыми членами и носило неравномерный характер. При этом становится очевидным, что эволюция изучаемой категории проявляет зависимость как от экстралингвистических факторов (главным образом исторических и прагматических), так и от собственно языковых факторов (главным образом тех средств номинации, которые участвуют в ее формировании).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
2. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова (структура комбинаторика). – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
3. *Смирницкий А. И.* История английского языка (средний и новый период). Курс лекций. – М. : Изд-во МГУ, 1965. – 380 с.
4. *Berndt R.* History of the English Language. – Leipzig : Leipzig University Press, 1982. – 240 p.

УДК 81'373:37

Г. Г. Бондарчук

доктор филологических наук,
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
тел.: 8 499 245 31 21

РАЗНЫЕ ШКОЛЫ О ПРОБЛЕМАХ АНГЛИЙСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые взгляды ведущих ученых разных направлений и школ лингвистики на английское словосложение, в частности на классификацию сложных слов и разного рода связи, существующие внутри английского сложного слова. Автор приводит свое видение проблемы, а также обращает внимание на современные методы ее решения, предлагаемые в русле когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: сложное слово; метафора; семантические связи; синтаксические связи; когнитивная лингвистика; категоризация; концептуальная интеграция.

Bondarchuk G. G.

Doctor of Philology, Professor
Chair of English Lexicology, MSLU
тел.: 8 499 245 31 21

DIFFERENT SCHOOLS ON THE PROBLEMS OF ENGLISH COMPOUNDING

The article presents views of some leading linguists belonging to different schools on English compounding, in particular on the classification of compounds and various relations that exist within an English compound. The author states her view on the problem and draws our attention to modern methods of research used within the framework of cognitive linguistics.

Key words: compound; metaphor; semantic relations; syntactic relations; cognitive linguistics; categorization; conceptual integration.

В настоящее время не без основания считается, что многие основополагающие проблемы современной лингвистики были впервые поставлены еще в Античности. Некоторые из них так и не получили исчерпывающего решения и время от времени вновь ставятся лингвистами, но уже в новом ракурсе, часто с позиций новой парадигмы лингвистического знания. Характеризуя подобное положение дел,

типичное для истории лингвистики, Р. де Богранд неслучайно дает ему специальное обозначение – *ancestor-hopping*, имея в виду неожиданный интерес в современной лингвистике к тому, что уже когда-то рассматривалось нашими «предками» [7]. К таким проблемам, наряду, например, с аналогией, несомненно, относится **словосложение**, в частности **английское словосложение**.

Действительно, ученые обратили внимание на сложные слова и начали их изучать еще в древности. Не будет преувеличением сказать, что на всем протяжении истории лингвистики этому способу словообразования уделялось большое внимание. Тем не менее, несмотря на значительное количество теоретических работ по данной проблематике, на сегодняшний момент можно констатировать, что основные вопросы английского словосложения пока полностью не решены, изучение английских сложных слов продолжается и в центре внимания современных лингвистов, как ни странно, стоят все те же вопросы, которые будоражили умы наших предшественников на протяжении веков, а именно:

- определение самого понятия «сложное слово»;
- критерии отграничения сложных слов от словосочетаний;
- классификация сложных слов;
- выявление разного рода связей, существующих внутри сложно-го слова, в частности семантических и синтаксических.

В данной статье мы коснемся лишь двух последних вопросов, вспомним попытки их решения представителями разных школ и направлений лингвистики, поскольку данные проблемы имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение как для преподавания и освоения английского языка и перевода, так и для достижения успешной коммуникации, в частности среди самих носителей английского языка.

Не ставя перед собой целью описывать многочисленные существующие классификации сложных слов, напомним лишь, что первую классификацию сложных слов разработали грамматик, изучавшие санскрит. Как известно, она оказалась настолько успешной, что ей (полностью или частично) продолжают пользоваться и в настоящее время. По ее примеру создавались другие классификации, которые частично повторяли ее, отсюда и частое использование санскритских терминов наряду с английскими для обозначения некоторых групп сложных слов, в том числе и английских.

Известный лингвист Лори Бауэр (Laurie Bauer) в своей фундаментальной работе по английскому словообразованию «English Word-formation», вышедшей как учебник в издательстве Кембриджского университета в 1983 году, в качестве основных характеристик английских сложных слов отмечал, что:

– большинство английских сложных слов образуются по модели N+N;

– между их компонентами существуют различные *семантические отношения* и различные *синтаксические связи* [6, с. 2–3].

Л. Бауэр разработал наиболее традиционную на сегодняшний день классификацию английских сложных слов, опирающуюся именно на первую древнюю классификацию, согласно которой на основе семантических критериев сложные слова разделялись на четыре группы: *endocentric* (эндоцентрические), *exocentric* (экзоцентрические), *appositional* (аппозиционные) и *dvandva* (двандва) сложные слова.

У сложных слов, принадлежащих к первым трем группам, правый элемент называют «grammatical head», он основной в грамматическом плане, так как указывает на число существительного. В языках, в которых существительные имеют грамматическую категорию рода, правый компонент указывает на род; в то время как левый компонент сложного слова уточняет правый компонент и называется «modifying element». Примерами слов из первых трех групп могут служить существительные: *beehive*, *armchair*, *redskin*, *highbrow*, *maidservant* [6, с. 30].

Но между словами данных трех групп существуют определенные различия:

1) **эндоцентрическое** сложное слово является **гипонимом** своего правого (т. е. основного в грамматическом плане) компонента (“...the compound is a hyponym of the grammatical head: a beehive is a kind of hive, an armchair is a kind of chair” [6, с. 30]). В английском языке это наиболее продуктивный и многочисленный тип сложных слов;

2) **экзоцентрическое** сложное слово (или a bahuvrihi compound, в терминологии на санскрите) не является гипонимом своего основного в грамматическом плане компонента (“a redskin is not a type of skin, nor is a highbrow a type of brow” [6, с. 30]). Экзоцентрическое сложное слово является гипонимом некоего невыраженного, но основного в семантическом плане компонента (“a hyponym of some unexpressed semantic head” [6, с. 30]). В случае слов *redskin* (*индеец, краснокожий*) и *highbrow* (*высокомерный человек*) таким невыраженным компонентом является *person* (*человек*).

Поскольку основной семантический компонент в таких словах не выражен, их часто называют словами, образованными на основе метафоры (*metaphorical*) или синекдохи (*synecdochic*).

В настоящее время, по мнению Л. Бауэра, это не очень продуктивный тип сложных слов в английском языке. Одними из последних слов, появившихся на момент написания указанной книги, были существительные *hatchback* (*легковой автомобиль тина хэчбэк*) и *skinhead* (*бритоголовый*);

3) **аппозиционные** (*appositional*) сложные слова [6, с. 30]. Такое сложное слово является гипонимом по отношению и к первому, левому, и ко второму, правому, компонентам. Например, слово *maidservant* (*служанка*) является гипонимом и слова *maid*, и слова *servant*. Данный тип сложных слов очень продуктивен, особенно для образования слов, в которых первый, левый, элемент означает половую принадлежность человека, например: *boy-friend*, *man-servant*, *woman doctor* и т. д. Он является продуктивным и при образовании названий животных: *she-goat*, *he-cheetah*. Хотя образуются названия и из других областей, например: *jazz-rock*, *owner-occupier*; *chair-bed* – *кресло-кровать*; *child-wife* – *жена-девочка*; *poet-laureate* – *поэт-лауреат* [2, с. 53–54];

4) сложные слова, относящиеся к четвертой группе, обычно называют санскритским термином «*dvandva*», хотя иногда используется и английский термин «*copulative compound*», т. е. «соединительное / связующее сложное слово». Такие сложные слова не имеют основного компонента, они сами не являются гипонимом ни к одному из своих элементов. Каждый из элементов в этом случае обозначает отдельную сущность. Соединившись в сложное слово, они начинают обозначать некую новую сущность, например: *Alsace-Lorraine*, *Rank-Hovis*.

По мнению Бауэра, такое сложение слов никогда не было типичным для английского языка, хотя в настоящее время число их увеличивается. Так, создаются слова из двух имен нарицательных (*panty-hose* – *колготки*) и целый ряд *dvandva* сложных слов из имен собственных в силу слияния деловых фирм (*Canberry-Schweppes*, *Rank-Hovis-McDougal*, *Rowntree-Makintosh* и др.).

Из рассмотренных четырех групп нам представляются чрезвычайно интересными в силу разнообразия своих внутрисинтаксических связей **эндоцентрические сложные слова**, которые являются в настоящее время наименее изученными.

Несомненно, проводились теоретические исследования, авторы которых предпринимали попытку создать наиболее исчерпывающую, подробную классификацию слов указанной группы. На наш взгляд, к наиболее серьезным работам подобного плана относится монография доктора филологических наук, профессора Е. А. Дюжиковой «Метафора в словосложении» [2], изданная во Владивостоке в 1990 году – в период расцвета структурализма. Как следует из названия книги, автора в основном интересовали явления метафоры и процессы метафоризации языковых выражений. В русле ономаσιологического подхода Е. А. Дюжикова рассматривает, «как, на какой основе формируется метафора и каковы условия ее осуществления в сложном слове» [2, с. 3]. Тем не менее значительное место в данной работе уделено и изучению особенностей смысловой структуры неметафорических сложных существительных.

Автор установил десять типов отношений между ономаσιологическим базисом и ономаσιологическим признаком. В силу исключительной важности данной классификации для изучения английских сложных слов приведем ее полностью:

1) **изготовлено из ...** Ср.: *fish-oil* – *рыбий жир*; *fish-liquor* – *рыбий бульон*; *cacao-butter* – *масло какао*; *date-wine* – *вино из сока финиковой пальмы*; *barley-candy* – *ячменные леденцы*; *wax-flower* – *восковой цветок*;

2) **место для ...** Ср.: *cart-house* – *навес для телят*; *bee-house* – *пчельник*; *fruit-store* – *плодохранилище*; *duck-pond* – *пруд для домашних уток*;

3) **признак...** Ср.: *bread-corn* – *хлебное дерево*; (*особ.*) *рожь*; *door-bell* – *дверной звонок*; *drop-hammer* – *падающий молот*; *date-palm* – *финиковая пальма*; *door-handle* – *дверная ручка*; *dust-brand* – *бот. пыльная головня (на злаках)*;

4) **тот, кто / который...** Ср.: *Bible-clerk* – *студент, в обязанности которого входит читать Библию перед едой (в Оксфорде)*; *drag-tan* – *рыбак, ловящий рыбу бреднем*; *opera-girl* – *танцовщица кордебалета*; *day-girl* – *ученица, не живущая при школе*; *day-boy* – *ученик, не живущий при школе*; *wine-merchant* – *торговец винами, виноторговец*;

5) **то, что предназначено для...** Ср.: *bathrobe* – *купальный халат*; *bed-cap* – *ночной колпак или чепец*; *drawing book* – *альбом для рисования*; *horse-block* – *колода, подставка (для посадки на лошадь)*;

dust-ran – совок для мусора; *dog-box* – отделение для собак в багажном вагоне; *diamond-wheel* – гранильный круг для обточки твердых камней; *balance-room* – помещение для взвешивания, весовая; *breast-pin* – булавка (для галстука); брошь; *butter-print* – штамп для масла; *brick-kiln* – печь для обжига кирпича; *butter-knife* – нож для масла; *band-stand* – эстрада для оркестра; *book-rest* – пюпитр, подставка для книг;

6) **емкость для...** Ср.: *brandy-bottle* – бутылка для бренди; *ale-barrel* – бочка для пива; *clock-case* – футляр для часов; *ard-case* – футляр, коробка для визитных карточек; *blood-bank* – хранилище крови и плазмы (для переливания);

7) **то, что служит для...** Ср.: *deer-fence* – высокая ограда, окружающая олений вольер; *carpet-rod* – прут для укрепления ковра на лестнице; *ox-fence* – изгородь для рогатого скота; *deerpark* – олений заповедник;

8) **что-то есть что-то...** Ср.: *needle-book* – книжечка-игольник; *reticule-basket* – сумка-корзиночка; *chair-bed* – кресло-кровать; *bar-room* – бар-закусочная, буфет (в гостинице и т. п.); *prison-house* – тюрьма;

9) **кто-то есть кто-то...** Ср.: *child-wife* – жена-девочка; *fellow-heir* – наследник; *nurse-mother* – (редко) приемная мать; *poet-laureate* – поэт-лауреат;

10) **что-то, работающее на...** Ср.: *oil-lamp* – масляная лампа; *oil-ship* – теплоход, танкер; *watersail* – водяной парус; *water-turbine* – водяная, гидравлическая турбина; *cotton-mill* – хлопкопрядильная фабрика [2, с. 53–54].

В итоге Е. А. Дюжикова делает теоретически важный вывод о том, что «отношения между ономаσιологическим базисом и ономаσιологическим признаком могут быть самыми разнообразными. За отношениями двух существительных в составе сложного слова скрываются связи между называемыми этими существительными объектами реальной действительности (предметами, явлениями и т. д.), поэтому сложные слова состава n+n являются емким средством номинации, позволяющим отразить многообразие отношений между явлениями окружающего мира» [2, с. 54].

Синтактико-ориентированный подход к словосложению, в основе которого лежит процесс восстановления встроенного предиката, не раз подвергавшийся критике в теоретической литературе (см.,

например, критический обзор синтактико-ориентированного словосложения [4, с. 25–64], позволял тем не менее восстановить предполагаемый источник деривации, т. е. мотивирующую конструкцию, и предложить правила перехода от нее к реальному композиту. При этом становилось очевидным, какие звенья исходной конструкции должны быть опущены, а какие – сохранены/унаследованы. Данный подход позволял также выявить, какие мотивирующие конструкции играют особую роль, выступая в качестве концептуальных оснований для создания сложных слов в изучаемой сфере. Наконец, при обращении к перифразе выявилась семантическая неоднородность сложных слов, что позволило по-новому подойти к классификации сложных слов. Следует отметить, что данный подход к исследованию английских сложных слов успешно используется и в настоящее время.

Вместе с тем в рамках рассматриваемой проблемы существуют, естественно, и другие вопросы, которые ждут пока своего разрешения, например, вопросы о том, *почему* синтаксические сложные слова обладают семантической неоднородностью, *от чего зависит* степень такой неоднородности, или, другими словами, на чем основывается глубина их семантической структуры, степень их компрессии?

Традиционно приводимые в этом случае объяснения, ставящие степень мотивированности слова в прямую зависимость от естественности/легкости реконструкции опущенной части мотивирующей структуры или объясняющие невысокую степень мотивации слова его отдаленностью от мотивирующего суждения, подчеркивающие необходимость инференции при интерпретации подобных слов, представляются совершенно справедливыми.

Чрезвычайно важно проводить дальнейшие исследования с целью найти ответы на указанные вопросы, поскольку в последние десятилетия в английском языке наблюдается *возрастание роли* словообразования на *синтаксической основе*, появляются десятки сложных слов с компрессивной семантикой, или, иными словами, с более сложной глубинной семантической структурой. Синтаксические связи между элементами таких сложных наименований в большинстве случаев можно реконструировать с помощью соотносительных с ними фраз или предложений, поскольку «дефиниционное словообразование предполагает мотивацию не словом, а суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета» [3, с. 36].

При обращении к перифразе сложных слов в сфере одежды выяснилось, что они **семантически неоднородны**, т. е. модель $n+n \rightarrow N$, по которой большинство из них образовано, неоднородна по типу синтаксических отношений, устанавливаемых между частями композита. Так, среди них есть целый ряд композитов, значения которых относительно легко выводимы из значений их составляющих, они интерпретируются стандартной, типовой перифразой, или, другими словами, характеризуются свойством семантической «прозрачности», особенно если мы уже знаем несколько слов из данной или смежной сферы с подобной же схемой дефиниции.

Ранее нами были предприняты попытки найти ответы на поставленные выше вопросы. Так, например, мы классифицировали сложные слова по создавшим их типам **аналогии** и в результате подтвердили различия этих типов, в частности, тем, что для их восприятия и интерпретации нужны разные типы знания, а следовательно, и разные стратегии их распознавания [1].

Рассматривая вопрос о декодировании английских синтаксических сложных слов, мы обращались и к другим областям лингвистического знания, в частности к **семиотике**, которая, на наш взгляд, позволяет предложить несколько иные ответы на поставленные выше вопросы.

Так, если подходить к вопросу о семантической неоднородности английских сложных слов с семиотической точки зрения, используя, в частности, **принцип иконической мотивированности**, становится очевидным, **почему** данные слова обладают разной семантической глубиной. Компоненты таких сложных слов называют самые разные понятия, которые, естественно, в жизни удалены друг от друга на разное концептуальное расстояние. По этой причине синтаксические сложные слова семантически однородными быть просто не могут [1].

Полагаем, что семиотический подход помогает более детально объяснить и вопрос о **степени семантической компрессии** таких композитов, которая, несомненно, зависит от семиотического характера мотивирующих суждений, лежащих в их основе и обладающих диаграмматической иконичностью: чем длиннее фраза, лежащая в основе синтаксического сложного слова и чем дальше удалены в ней лексические единицы, являющиеся компонентами его поверхностной структуры и обозначающие определенные понятия или предметы жизни, тем выше степень компрессии значения слова и тем сложнее декодировать его значение.

Представляется, что, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что синтаксические сложные слова в английском языке наследуют сложность суждений, лежащих в их основе. При этом степень мотивированности значений таких слов, являющихся аналогическими образованиями, согласно принципу диаграмматической иконичности обратно пропорциональна длине суждения и удаленности в нем друг от друга номинаций обозначаемых понятий.

В последние годы в связи с развитием когнитивной лингвистики стали изучаться когнитивные основы образования новых сложных слов, в частности сложных существительных в современном английском языке. В русле данного подхода появление нового слова рассматривается как результат сложного взаимодействия механизмов категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний. Подчеркивается, что этот процесс приобретает еще более сложный характер по мере усложнения структуры слова, так как значение целого не сводится к простому суммированию значений составляющих его элементов, а предполагает их интеграцию в единое целое [5]. И чтобы понять, как именно происходит взаимодействие исходных компонентов интегрированного значения, когнитологи в качестве инструмента исследования применяют теорию концептуальной интеграции. Исследование интегрированного значения английских сложных слов, в частности, показало, что когнитивной основой их образования является механизм концептуальной интеграции, в ходе которой создается новая интегрированная концептуальная структура, представленная в языке формально интегрированной структурой – сложным словом, при этом характер взаимодействия компонентов сложного существительного может быть различным [5].

В целом становится очевидной необходимость проведения дальнейших исследований в указанном направлении. Об актуальности поднимаемых на протяжении ряда лет представителями разных лингвистических школ и направлений вопросов, связанных с английским словосложением, говорит и тот факт, что сами носители английского языка часто сталкиваются с серьезными трудностями при попытке понять новые (окказиональные на тот момент) сложные слова, а ведь их, как известно, в бурном потоке новой лексики большинство. Такое «непонимание», несомненно, в любом случае нежелательно, поскольку может привести к ухудшению качества языковой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарчук Г. Г.* Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 324 с.
2. *Дюжикова Е. А.* Метафора в словосложении. – Владивосток: Изд-во Владивосток. ун-та, 1990. – 155 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
4. *Мешков О. Д.* Словосложение в современном английском языке. – М.: Высшая школа, 1985. – 187 с.
5. *Шток Н. А.* Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 199 с.
6. *Bauer L.* English Word-formation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311 p.
7. *Beaugrande R. de.* Linguistic Theory: The discourse of fundamental works. – London–N. Y.: Longman, 1991. – 403 p.

УДК 811.111'42

Ю. П. Волынец

аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: jpvol@bk.ru

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕГМЕНТИРОВАННЫХ ЦИТАТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Автор статьи рассматривает аксиологический аспект усеченных цитат в английском медиадискурсе. Основное внимание в статье уделяется анализу способов выражения оценки, которую реализует цитирующий автор для оказания речевого воздействия на читателя.

Ключевые слова: медиадискурс; цитация; сегментированные цитаты; аксиология; способы выражения оценки.

Volynets Yu. P.

Post-graduate Student of the Department of English Lexicology, MSLU
e-mail: jpvol@bk.ru

AXIOLOGICAL ASPECT OF SCARE QUOTES IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

The present paper targets at the analysis of axiological aspect of scare quotes in English media discourse and subjects to conscious scrutiny evaluation tools the authors employ to exert influence on the reader.

Key words: media discourse; quotation; scare quotes, axiological meaning, evaluation means.

Цитация, являясь структурно-содержательным компонентом газетного текста, широко используется в СМИ, так как позволяет авторам решить целый ряд задач: наиболее точно передать определенную фактическую информацию, опосредованно выразить свое отношение к ней и таким образом оказать воздействие на формирование позиции адресата¹.

М. М. Бахтин первым обратился к цитации как лингвистической проблеме, подчеркивая необходимость изучения данного явления,

---

¹ Над этой проблемой работали: М. И. Булах, И. Р. Гальперин, К. Н. Даирова, И. В. Алещанова, С. Ю. Зайцева, Г. И. Вальц, Е. А. Земская.

его места и роли в структуре текста. Ученый утверждает, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста»¹. Возросшая популярность лингвистики текста в лингвистической науке объясняет возникновение интереса к структурному аспекту цитации и изучению ее взаимосвязи с авторским текстом. Так И. Р. Гальперин, говоря о категории информативности, рассматривает цитацию как неотъемлемую составляющую содержательного аспекта текста и элемент его контекстно-вариативного членения [5]. Изначально изучение цитации было связано с вопросами синтаксиса, а именно графическим оформлением чужой речи (Л. Н. Мурзин, Г. М. Чумаков). Лингвистами рассматриваются синтаксические отношения между принимающим текстом и цитатой, характерные признаки и отличительные черты чужой речи, средства ввода/представления цитации в текст.

Следует отметить, что структурный аспект цитации наиболее полно исследован в настоящее время. На основании критериев формы и объема обычно выделяют три структурных типа цитации: полную, редуцированную и сегментированную.

- Полная цитация, или цитата-предложение, представляет собой взятое из текста источника и дословно его повторяющее логически законченное высказывание, объемом не менее одного предложения.

“They need more incentive to make the transition that they must know they need to make, from fossil fuel companies to energy companies,” Mr. McKibben said (*The NY Times. To Stop Climate Change, Students Aim at College Portfolios. December 4, 2012*).

- Редуцированная цитация, или цитата-словосочетание, выражена сокращенным отрезком текста-источника, смысл которого не меняется. Хотя данный вид цитации вводится в новый контекст без использования специальных вводных слов, синтаксически он становится частью нового предложения и приобретает логическое завершение под влиянием контекста.

Set out your “strategic posture” – for instance, emphasising IT as a driver or enabler of strategy (*The Financial Times. The first 100 days of a new CIO: Nine steps for wiring in success. December 4, 2012*).

---

¹ Цит. по: [8, с. 429].

• Сегментированная цитация, или цитата-слово, предполагает использование одной лексемы цитируемого текста, форма которой не меняется по сравнению с первоисточником. Цитаты-слова неразрывно связаны с принимающим текстом, несмотря на то что при использовании этого структурного вида цитации, также как и при использовании цитат-словосочетаний, не применяются никакие дополнительные вводные слова и конструкции. Сегментированная цитата логически, грамматически и стилистически отвечает структуре принимающего текста, становясь его компонентом. Следует отметить, что при употреблении как сегментированных, так и редуцированных цитат факт цитирования очевиден лишь в письменной речи, о чем свидетельствует наличие кавычек.

The British state's determination to chase foreign earnings while lowering public spending threatens the judicial standards that bring in international "business" in the first place (*The Spectator. Export only justice. December 8, 2012*).

Логически неполные и синтаксически зависимые от принимающего текста, редуцированные и сегментированные цитаты часто относятся к категории синсематических слов, которые будучи тесно грамматически связанными с принимающим предложением, не обладают собственной коммуникативной законченностью: их смысл становится очевидным только при взаимодействии с контекстом. Однако, следует отметить, что в случае, когда читателю известен автор цитаты, ее адресат, повод, по которому была произведена эта цитата, и ситуация ее употребления, цитация, оставаясь грамматически связанной с принимающим предложением, содержит определенный объем информации, влияющий на восприятие читателем текста. Проблема отнесенности цитат к категории синсематических слов нуждается в дальнейшем рассмотрении, что требует более глубокого изучения семантического взаимодействия цитаты и принимающего текста.

Данные об относительной употребительности разных структурных типов цитат в нашем материале представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Распределение разных типов цитирования
в англоязычном медиадискурсе**

Цитата-слово	Цитата-словосочетание	Цитата-предложение
6 %	38 %	56 %

Согласно количественному и лингвистическому анализу экспрессивности, цитаты-слова, являясь наименее употребляемым структурным видом цитации в английском медиадискурсе, в то же время представляют собой наиболее распространенное и выразительное средство оценки автором цитируемого материала.

Объектом данного исследования выступает определенный структурный вид цитации – сегментированная цитата. Исследование проводится на материале 150 сегментированных цитат, отобранных методом сплошной выборки из газет «The New York Times», «The Financial Times», «The Economist», «The Spectator», «The Sun» за период с января 2010 по июнь 2011 года. Основной тематикой выбранных для анализа статей стали экономические и политические вопросы, рассматривались также статьи общесоциального характера.

Сегментированные цитаты могут анализироваться в разных аспектах. Многочисленные работы посвящены изучению цитации как одной из форм интертекстуальности. Особый интерес представляют исследования, проведенные на материале текстов газет, где использование интертекстуальности репортерами всегда преднамеренно и является средством манипулирования чужой речью в собственных целях. При изучении интертекстуальности рассматривается не только текст, на который ссылается автор, но и то, как и с какой целью осуществляется цитирование, а также как автор позиционирует себя и выражает свою точку зрения в определенных условиях.

Цитата может также рассматриваться как культурный знак, что предполагает анализ фоновых знаний адресата, его осведомленность о важных культурных, социальных и исторических аспектах языка, его жанровых и стилистических особенностей. В настоящее время в связи с развитием когнитивной лингвистики, в которой язык рассматривается как необходимое условия для успешного протекания коммуникативных процессов, особую актуальность представляет изучение прагматического аспекта цитации.

Изучение коммуникативной значимости, заключенной в цитации, информации и интенции автора газетного текста является обязательным компонентом при рассмотрении прагматического аспекта цитации, что также предполагает анализ содержания первичного текста и роли, которую играет цитация в принимающем тексте. Многие отечественные ученые считают, что такие характеристики цитаты, как информативность,

модальность, контекстное значение напрямую зависят от коммуникативной ситуации, в которой была использована цитата.

Следует отметить, что исследуя структурно-семантические, лексические и прагматические характеристики цитации, лингвисты рассматривают это явление в различных функциональных стилях: художественном, научном и публицистическом.

Как показывает анализ научной литературы, современные лингвисты рассматривают вопросы, связанные с задачами цитирования, его содержанием, воздействием передаваемой информации на получателя, причем одним из важных направлений изучения цитации является определение тех функций, которые цитаты выполняют в разных типах дискурса.

Так, И. В. Алещанова в своем диссертационном исследовании «Цитация в газетном тексте» выделяет четыре наиболее характерных для текста газеты прагматических типа цитации: оценочно-экспрессивную, суггестивную, актуализирующую и персуазивно-аргументативную [1, с. 96].

Обычно авторы используют оценочную цитацию для квалификации объекта сообщения согласно социальным, эстетическим и морально-этическим моделям, принятым в обществе, а также для привлечения внимания читателя к оценочным операциям, проводимым с помощью приема цитации. Таким образом, основной функцией данного вида цитации является оценка определенного текстового фрагмента (события, факта, человека, предмета).

The Canadian, Carl Campeau, was quoted by SANA as saying that his abduction had been a “*nightmare and terrifying experience*” and that he had fled his captors after they apparently forgot to lock his room (*The New York Times. Syrian Official Says Peace Talks Could Be Held in Late November. October 17, 2013*).

В приведенном выше примере автор новостного сообщения использует цитату-словосочетание, которая содержит экспрессивно окрашенную лексику, для характеристики и яркой передачи чувств освободившегося после похищения человека.

Суггестивная цитация используется для выражения совета, побуждения, предупреждения или прогноза. Основной функцией суггестивной цитации становится активизация интеллектуальной деятельности читателя, которая может быть направлена на прогнозирование возможного развития событий или их оценку.

But Secretary of State John Kerry acknowledged that the moderate Syrian opposition had not yet decided whether it would attend. “*They have to make up their mind,*” Mr. Kerry said at a news conference in London. “*And none of us are going to prejudge what they will do in that process*” (*The New York Times. U.S. and 10 Other Nations Back Peace Talks, but Syrian Moderates Are Uncertain. October 22, 2013*).

В данном примере целью обращения к цитации является желание автора подтвердить достоверность представленной в предыдущем предложении информации и одновременно заставить адресата критически оценить дальнейшее развитие событий.

К фактуализирующей цитации прибегают для подтверждения достоверности информации принимающего текста, делая его более конкретным и наглядным. Таким образом, основной функцией фактуализирующей цитации является облегчение восприятия информации и повышение доверия читателя.

“*In a period where the whole Middle East is moving in the direction of chaos, having one area where the parties are trying to further stabilize their relationship is a positive development,*” said Dore Gold, a longtime Israeli diplomat and president of the Jerusalem Center for Public Affairs. “*The fact that they continue to talk means these are serious discussions. Where this goes, what’s the likely outcome, I think it’s really way too early to predict*” (*The New York Times. Middle East Peace Talks Go On, Under the Radar. October 23, 2013*).

Основной функцией персуазивно-аргументативной цитации является оказание убеждающего воздействия на адресата, побуждение его к определенным решениям: принятие или опровержение заключенной в цитате точки зрения.

Mr. Kerry said Tuesday that he thought the moderate opposition leaders would ultimately decide to participate in the meeting. “*I believe that the conference can happen next month,*” he said. “*I am confident that in the end the opposition will decide that it is in their best interest*” (*The New York Times. U.S. and 10 Other Nations Back Peace Talks, but Syrian Moderates Are Uncertain. October 22, 2013*).

В данном примере авторский комментарий, выступает в роли тезиса, который аргументирован цитатой, выступающей как доказательство. Валидность данного доказательства усиливается за счет наличия в этой фразе слов *I believe that... I am confident that*.

Обычно функции цитации просто выделяются современными исследователями, в то время как работ, посвященных приемам и способам выражения оценки, к которым прибегают авторы при цитировании, недостаточно, следовательно необходимо более углубленное изучение аксиологического аспекта цитации.

Настоящее исследование посвящено изучению аксиологического аспекта сегментированных цитат в английском медиадискурсе.

Аксиология, изначально являющаяся разделом философии, представляет собой теорию ценностей и рассматривает вопросы взаимоотношения ценностей между собой и связи ценностных параметров с обществом, культурой и личностью. Вопрос: «Что есть благо?», поставленный Сократом, представляет собой главный аксиологический вопрос, суть которого состоит в определении природы ценностей и их места в структуре ценностного мира. Таким образом, аксиология изучает положительную, нейтральную или отрицательную значимость любых объектов, «отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик. Среди типов ценностей, привлекающих наибольшее внимание общей аксиологии – моральные ценности, правовые ценности, ценности научного познания, ценности человеческой истории и социальных теорий, ценности, связанные с природой человека и смыслом его жизни» [6, с. 3].

Исследования понятий оценки и ценности в языковой системе обусловили возникновение лингвоаксиологии, изучающей взаимосвязь языка и ценностей, как составляющих культуры.

Норма, ценность и оценка являются основополагающими понятиями аксиологии. Ценность представляет собой определение положительных или отрицательных характеристик объекта. Как известно, не существует единой исчерпывающей классификации ценностей, однако выделяют их типы, такие как материальные и духовные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные ценности. Ценности на основании критерия содержания делятся на религиозные, моральные, эстетические, социальные, экономические, политические.

Согласно исследованиям, категория оценки, в свою очередь, рассматривается как суждение или знание о ценностях. По определению Н. Д. Арутюновой, оценка представляет собой особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта

к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта [2]. Цель, которую ставит перед собой человек, производящий оценку, его ценностные ориентиры, уровень образования, этические нормы поведения оказывают значительное воздействие на процесс формирования и выражения оценки, т. е. на оценочную деятельность человека.

Основным приемом описания оценки является использование диады «хорошо vs плохо», где понятия «хорошо» и «плохо» могут быть уточнены в зависимости от сферы бытования ценностей [7].

В ходе проведенного исследования было выявлено, что авторы газетных сообщений используют различные части речи при создании и употреблении сегментированных цитат (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение сегментированных цитат по частям речи

Цитата-существительное	Цитата-прилагательное	Цитата-причастие	Цитата-глагол	Цитата-наречие
49 %	28 %	11 %	8 %	4 %

Так наиболее частотными по употреблению являются сегментированные цитаты выраженные существительным:

After reports emerged that the Justice Department had decided to bring criminal charges against Mr. Edwards, his lawyer, Gregory Craig, issued a defiant statement saying that the government was operating only on an untested “theory” and that Mr. Edwards was not guilty (*The New York Times. Edwards to Face Criminal Charges. May 25, 2011*).

This new industrial order – part of the “rebalancing” towards manufacturing and away from financial services so desired by government ministers – in fact threatens to undermine the scope for rapid non-inflationary growth (*The Financial Times. UK Economy&Trade, New economic order threatens growth. May 10, 2011*).

Сегментированные цитаты, выраженные прилагательными, являются вторыми наиболее частотными по употреблению.

Britain and the United States remain “indispensable” partners, President Obama declared Wednesday in an address to the British Parliament, even as he and Prime Minister David Cameron revealed subtle differences over issues like the military campaign in Libya and the Middle East peace process (*The New York Times. In Address to Parliament, Obama Says U.S.-Britain Alliance Is Still Vital. May 25, 2011*).

Значительно реже в текстах англоязычных СМИ встречаются сегментированные цитаты, выраженные глаголами и наречиями.

It will restore some elements of the Depression-era regulatory regime that was meant to ensure that commercial banks did not “speculate” with protected deposits by forbidding them from trading securities (*The Economist. Chained but untamed. May 12, 2011*).

Late Monday, the government said it would proceed “immediately” with the sale of stakes in the telecommunications operator O.T.E., the country’s main ports of Piraeus and Thessaloniki and the state-owned Hellenic Postbank (*The New York Times. GLOBAL BUSINESS, Greek Government Struggles to Win Support for More Austerity. May 27, 2011*).

Анализ собранного языкового материала показывает, что все сегментированные цитаты характеризуются оценочностью. Преобладание сегментированных цитат, выраженных существительными и прилагательными, обусловлено тем, что в газетном дискурсе авторы чаще всего дают оценку субъекту, выполняющему действие, или самому действию, а данные части речи выполняют именно эти семантические функции. Более того, обладая большим количеством значений, имена прилагательные используются для выражения эпитетов, имена существительные нередко являются составляющими метафоры и метонимии, что способствует ассоциативному мышлению читателя и упрощает процесс выражения, формирования и передачи автором оценки.

Согласно проведенному анализу, можно выделить три основных способа реализации оценки сегментированных цитат в англоязычном медиадискурсе.

1. Слово, являющееся цитатой, изначально обладает положительной или отрицательной оценкой и сохраняет ее в принимающем контексте.

At some point, he said, bond investors will realize that by accepting low and even negative – real yields, they are being (-) “skunked” (*The New York Times. Why Are Investors Still Lining Up for Bonds? May 28, 2011*).

Согласно дефиниции, в словаре «Cambridge English – English dictionary», *skunk* изначально имеет отрицательную коннотацию [14].

skunk – 1. a small, black and white North American animal that makes a strong, unpleasant smell as a defence when it is attacked [14].

В словаре «The Free Dictionary» [15] предлагаются еще несколько дефиниций данного слова.

skunk (*slang*) – 1. To defeat overwhelmingly, especially by keeping from scoring. 2. a. To cheat (someone). b. To fail to pay (an amount due) [15].

Данная лексическая единица изначально имеет отрицательную коннотацию, которая сохраняется в принимающем контексте. Используя слово *skunked* автор эксплицитно демонстрирует крайне резкое отношение цитируемого Вильяма Гросса к ситуации с облигационными инвесторами, и таким образом производится оценка действия направленного на человека.

В следующем примере цитата, выраженная глаголом *to validate*, также сохраняет закрепленную за данной лексической единицей коннотацию, которая изначально является положительной.

to validate – to make something officially acceptable or approved, especially after examining it [14].

Douglas Karas, a spokesman for the F.D.A., said in an e-mail that the agency had been working with scientists to (+) “*validate*” DNA testing for several years (*The New York Times. Tests Reveal Mislabeling of Fish. May, 26 2011*).

Следует отметить, что в случае сохранения лексической единицей изначально присущей ей положительной или отрицательной коннотации, в контексте вокруг нее используются слова с той же оценкой. Так, в приведенных ниже примерах подчеркнутые слова, обладая схожей с цитатой коннотацией, «поддерживают» передаваемую ее оценку.

Users can also send out a (+) “*cheer*” in the first place, to applaud customer service well done (*The New York Times. Consumer Complaints Made Easy. Maybe Too Easy. May 28, 2011*).

The Tata Group’s (+) “*breakthrough*”, says Mr Pradhan, was to realise that taking time out to raise children did not have to exile women from the job market permanently (*The Financial Times, Flexible work deals lure mothers in India, May 26, 2011*).

This new industrial order – part of the (-) “*rebalancing*” towards manufacturing and away from financial services so desired by government ministers – in fact threatens to undermine the scope for rapid non-inflationary growth (*The Financial Times. UK Economy&Trade, New economic order threatens growth. May 10, 2011*).

Britain and the United States remain (+) “*indispensable*” partners, President Obama declared Wednesday in an address to the British Parliament,

even as he and Prime Minister David Cameron revealed subtle differences over issues like the military campaign in Libya and the Middle East peace process (*The New York Times. In Address to Parliament, Obama Says U.S.-Britain Alliance Is Still Vital. May 25, 2011*).

2. Слово, являющееся цитатой, изначально обладает положительной или отрицательной оценкой, но меняет ее в принимающем контексте.

The bubble is being pumped partly by wealthy (-) “*angel*” investors, some of whom made their fortunes in the late-1990s IPO boom (*The Economist. The new tech bubble. May 12, 2011*).

Согласно дефиниции приводимой в словаре «Cambridge Advanced Learner’s Dictionary» [14] *angel* обладает ярко выраженной положительной оценкой:

angel – 1. Someone who is very good, helpful or kind [14].

Однако в приведенном выше примере отрицательный коннотативный фон предложения, создаваемый словами *bubble* и *pump*, имеющими отрицательную оценку согласно дефинициям приводимым в «The Free Dictionary» [15], способствует тому, что лексическая единица *angel* утрачивает изначально присущую ей положительную оценку и приобретает отрицательную, под влиянием окружающего контекста и общего смысла статьи.

bubble – 1. Something lacking substance, stability, or seriousness. 2. An unreliable scheme or enterprise [15].

to pump – 1. To cause to move with the up-and-down motion of a pump handle. 2. To fake a throw, pass, or shot by moving the arm or arms without releasing the ball [15].

3. Слово, являющееся цитатой, не имеет оценки, но приобретает ее в принимающем контексте.

The British state’s determination to chase foreign earnings while lowering public spending threatens the judicial standards that bring in international “*business*” in the first place (*The Spectator, Export only justice, December 8, 2012*).

В данном примере, употребляя слово *business* применительно к судебным делам, автор имплицитно выражает свое неодобрение существующей юридической практики в Британии, отрицательно характеризуя сложившуюся ситуацию и подразумевая то, что она построена на извлечении финансовой выгоды. В данном примере можно наблюдать изменение денотативного значения слова *business*, изначально

являющегося нейтральным, а также приобретение им отрицательной оценки в контекста.

В некоторых случаях, сегментированная цитата реализует оценку не только предмета, действия или ситуации, к которой она относится, но также самого автора цитаты.

Так в следующем примере автор характеризует привлекательность и востребованность позиции специалиста по статистике, употребляя прилагательное с изначально положительной оценкой:

Hal Varian, Google's chief economist, predicts that the job of statistician will become the "sexiest" around (*The Economist, Data, data everywhere, February 25, 2010*).

sexy – 1. Arousing or tending to arouse sexual desire or interest. 2. *Slang* highly appealing or interesting; attractive. 3. Interesting, exciting, or trendy [15].

Использование сленгизма также усиливает положительную оценку, подчеркивая, что престижность профессии часто обсуждается в неофициальном общении, получая экспрессивную максимально высокую оценку.

Согласно проведенному исследованию, авторы газетных статей чаще прибегают к использованию сегментированных цитат с отрицательной оценкой, так как это позволяет прокомментировать событие и выразить свое отношение к нему опосредованно, таким образом дистанцировав себя от происходящего и сняв с себя ответственность за необъективное или крайне негативное отношение к тому или иному человеку и событию. Такая цитация предполагает стимулирование аксиологической деятельности читателя или оказание на него воздействия посредством заключенной в цитате экспрессии.

Следует отметить, что изучение и анализ цитат требуют их рассмотрения в контексте статьи, который формирует у читателя общее представление об описываемом событии и позволяет определить автора цитаты. Таким образом, вопрос о «цитируемом источнике» является весьма актуальным при изучении аксиологического аспекта цитации и требует дальнейшего рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алещанова И. В.* Цитация в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 208 с.

2. *Артюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
4. *Вольнец Ю. П.* Прагматические особенности цитации в медиадискурсе: роль авторской интенции в понимании и анализе статей английских СМИ // *Иностранные языки в высшей школе: методики преподавания, инновации, перспективы развития.* – Пенза, 2013. – С. 16–22.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
6. *Гуай Е. Ю.* Аксиологический аспект английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 196 с.
7. *Ивин А. А.* Аксиология. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
8. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // *Диалог. Карнавал. Хроно-топ.* – Вып. 4. – 1993. – С. 427–457.
9. *Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова [и др.].* – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
10. *Павлов С. Г.* Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект // *Вестн. Мин. ун-та.* – 2013. – Вып. 2.
11. *Писанова Т. В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997. – 393 с.
12. *Чекулай И. В.* Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2006. – 473 с.
13. *Вольнец Ю. П.* Structural and semantic features of quotation in English Media Discourse // *Mediterranean Journal of Social Science.* – Рим, 2013.
14. Cambridge Advanced Learner's Dictionary (CALD). – URL: <http://dictionary.cambridge.org/>
15. The Free Dictionary. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

УДК 81'374

Е. Е. Голубкова

доктор филологических наук
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: katemg@yandex.ru

НОВЫЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: БУДЕТ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ СЛОВАРЬ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ?

В статье прослеживается эволюция лексикографических источников за последние 40 лет. Анализируются преимущества и возможности современных электронных словарей.

Ключевые слова: лексикография; электронный словарь; лингвистический корпус; тезаурус; лексическая база данных.

Golubkova E. E.

Doctor of Philology, Professor, Chair of English Lexicology
e-mail: katemg@yandex.ru

THE NEW IMAGE OF CONTEMPORARY LEXICOLOGY: WILL THERE BE A DICTIONARY IN 20 YEARS?

The article traces the evolution of lexicographic sources over the last 40 years. It also speaks about the advantages and potentialities of electronic dictionaries.

Key words: lexicography; e-dictionary; corpora; thesaurus; lexical database.

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, о будущем словарей явился предметом обсуждения на семинаре в рамках лексикографической конференции в словенском г. Бледе в 2011 году. Если бы его услышал А. В. Кунин, основоположник фразеологической школы в отечественной англистике и автор «Большого англо-русского фразеологического словаря», переиздававшегося пять раз, он бы иронично поднял брови и сказал что-нибудь типа: «Это первоапрельская шутка, не так ли?» Александру Владимировичу в этом году исполнилось бы 105 лет, наши кафедральные чтения (2014) мы посвятили его памяти.

За последние десятилетия в лексикографии произошло много революционных событий, коренным образом поменявших облик основного продукта ее деятельности – словаря. Возможности использования лексикографических источников существенно расширились.

Долгое время лексикография, раздел лингвистики «отвечающий» за составление и усовершенствование словарей, находилась в рамках традиционного подхода, разработанного ее основоположниками, великими лексикографами времен королевы Виктории (Самьюэл Джонсон (1755), Джеймс Мюррей (1884)). С внедрением новых технологий, Интернета и лингвистических корпусов лексикография кардинальным образом изменилась, столкнувшись с новыми возможностями, новыми потребностями пользователя и новой «средой обитания» и новыми трудностями.

В статье мы приведем краткую историю эволюции лексикографии от словаря-книги до современных мультимедийных баз данных, все больше расширяющих возможности и объем электронных источников информации и приближающих их к депозитариям информации тезаурусного типа, максимально приближенных к способу хранения информации о словах в ментальном лексиконе человека. В связи с этим мы хотели бы показать изменившийся статус лексикографии, именуемой наукой об информации (*informology* или *information science*) [2], и привести примеры некоторых электронных словарей (типа *Wordnet*) [13], обсудить их устройство, достоинства и недостатки, некоторые перспективы развития. Мы хотим затронуть также вопросы взаимодействия лексикографии и других наук когнитивного и некогнитивного цикла и показать, что современные электронные словари представляют собой гибкую интерактивную систему, обеспечивающую доступ к информации самого разного характера, выходящей далеко за пределы сугубо лингвистических знаний.

Сегодня принято говорить, что ни одно лингвистическое исследование не может проводиться без опоры на корпусные данные. Однако хорошо известно, что, как правило, корпус задействуется исследователями на этапе верификации теории или на этапе сбора примеров и статистических данных, т. е. большинство исследований являются основанными на корпусе (*corpus-based*), а не движимые корпусами (*corpus-driven*). Именно поэтому на первых этапах лингвистических изысканий основой предположений и гипотез по-прежнему является словарь. После корпусной революции и миграции словарных материалов в интернет-среду последние претерпели кардинальные изменения. Новая информационная парадигма потребовала от составителей серьезной переквалификации, переоценки стратегий составления лексикографических источников, содержания информации и способов

взаимодействия с «новым» типом пользователя «digital native» – «уроженцем Интернета».

Составитель, воплощает собой две ипостаси: ученого-лингвиста и разработчика программного обеспечения (tool-builder). Лингвист по-прежнему стремится анализировать и описывать факты языка, в то время как разработчик пытается облегчить пользователю поиск информации [3]. В орбиту лексикографических проблем вовлечены три взаимосвязанных аспекта: **информация, доступ к ней и пользователь**. Информация обеспечивается лингвистикой, профиль пользователя – социологией, доступ – информационными науками. Тогда *raison d'être* лексикографии становится доступ к информации, адаптированный к пользователю при сбалансированном взаимодействии трех упомянутых аспектов [12]. К триаде добавляется еще один аспект в силу динамического характера поступающей к пользователю информации и индивидуальных особенностей «профиля» самого пользователя: взаимодействие пользователя и поисковой системы. Ожидается, что первый обладает минимумом навыков поисковой работы, а вторая – подстраивается под индивидуальные нужды каждого пользователя.

Для того чтобы отвечать этим высоким требованиям «конструкторы» словарей должны обладать рядом лингвистических, когнитивных и концептуальных компетенций (например в разделах наук), а также навыками создания удобных для пользователя интерфейсов, поисковых систем и программного обеспечения.

Таким образом, чтобы идти в ногу со временем лексикография должна выйти далеко за пределы традиционных рамок и стать «наукой об информации» [11, с. 5]. Она включает три подраздела: собственно лексикографию, «энциклопедику» и раздел без названия, отвечающий за составление справочников, каталогов, компендиумов [7]. При этом она не теряет связи с другими лингвистическими и нелингвистическими дисциплинами. Семейное объединение этих наук метафорически описывается в терминах родственных отношений [11]. Лексикография рассматривается как дочерняя наука для лингвистики, семиотики, библиографоведения/библиографической науки (reference science), объединена сестринскими отношениями с терминологией, теорией перевода, методикой преподавания, библиотковедением, изучением СМИ и породила «детей» в лице системы индексации, текстовой обработки, полиграфии, издательского дела. Информационные технологии

выполняют все роли одновременно, а к дисциплинам, снабжающим лексикографические носители информацией, относятся лингвистика, диалектология, философия и все остальные отрасли знания.

Важно отметить, что в результате эволюции лексикографии сложились особенные отношения пользователя и «носителя информации», или составителей словаря. Расширились возможности интерактивного «вмешательства» пользователя в процесс формирования информационной среды.

Каким образом лексикография превратилась в науку о хранении, извлечении и обогащении информации? В самом примерном приближении эволюция словарей может быть представлена как переход от бумажного носителя к его электронной версии и революционный поворот в сторону его погружения в интернет-среду. Многие лексикографы предсказывали еще в 1990 году прекращение деятельности словаря в традиционном понимании [8; 9].

Схематично этот процесс может быть описан по схеме Жилья-Мориса Шривера: первый этап ознаменовался перекачиванием словарной информации на диск (сначала малого, а потом значительного объема), затем последовал период совместного пользования словарем несколькими пользователями на одном сервере, а затем с выходом в Интернет словарь стал частью онлайн-сервера, к которому имеют доступ все пользователи Интернета [10]. Известный авторитет в современной лексикографии датский ученый Свен Тарп, метафорически изображая процесс эволюции словаря на электронном носителе, сравнивает его с двойником, подражателем бумажной версии, затем процесс пользования сравнивается с передвижением на лошадях, с первыми образцами автомобилей и, наконец, с современным «Роллс-Ройсом», имеющим все «навороты» и изыски [12].

Преимущества электронных словарей и их незначительные недостатки, основным из которых является отсутствие Интернета, перевешивают скромные возможности традиционных. Именно поэтому еще в 1992 году Б. Аткинз писал: «If new methods of access (breaking the iron grip of the alphabet) and a hypertext approach to the data stored in the dictionary do not result in a product light years away from the printed dictionary, then we are evading the responsibilities of our profession» [1, с. 520]. Преимуществами электронные словари во многом обязаны компьютерно-корпусной революции. Сначала компьютеры скромно ассистировали процессу составления словарей, затем способствовали перекачиванию бумажной информации на компьютерный носитель

и, наконец, стали основой составления электронных словарей, что называется, с нуля. В современных работах по теоретической лексикографии отмечается, что уже тридцать лет лингвистические корпусы служат основой составления словарей. Они фактически вместе с системой поиска стали неотъемлемой частью того, что называют «lexicographic tool» [11].

Некоторые дополнительные преимущества, которые предоставляет пользователю электронный словарь, включают: отсутствие каких-либо ограничений на объем информации; доступ к корпусам; возможности анимации; огромное количество ссылок на другие базы данных, например ссылки на обучающие упражнения, игры; обновляемый характер информации; возможность так называемой one-stop consultation – поиск информации в большом количестве двуязычных или толковых словарей; доступность и дешевизна пользования.

Во многом этими свойствами современные электронные словари обязаны среде своего существования, а также тому факту, что уже в течение 30 лет они черпают данные из корпусов, составляются на их основе и имеют доступ к ним с сайтов словарей.

Важно отметить, что путь слова или словосочетания в словарь, в том числе и электронный, достаточно долог и тернист. Языковая единица проходит несколько этапов верификации своей валидности, характера употребления, дискурса употребления, чтобы быть включенной в словарь. Если это происходит, то о слове собирается всевозможная информация, доступность которой обеспечивается различными поисковыми системами и ссылками, корпусными данными и интуицией составителя.

В качестве примера работы нового поколения словарей онлайн-нового типа, полезных как для целей преподавания, так и для лингвистических исследований приведу лексическую базу данных «Wordnet», создаваемую в Принстонском университете с 1985 года в Cognitive Science Laboratory of Princeton University под руководством профессора психологии Джорджа Миллера. «Wordnet» словарь особого типа, его называют **лексической базой данных** по нескольким причинам. Во-первых, она обеспечивает доступ к разного рода информации как лингвистического, так и когнитивного и коммуникативного характера. Так, по замыслу Миллера, система задумана как своеобразный тезаурус, пользование которым максимально отражает особенности обработки информации в ментальном лексиконе. Для этого создана

специальная поисковая система Visual Thesaurus, которая дает доступ к информации только о четырех главных частях речи: существительном, прилагательном, глаголе и наречии, которые для удобства помечены каждый своим цветом. Как предполагает название такой тезаурус организован в виде так называемой паутины (spider net), содержащей информацию об искомом слове и связи данного слова с ему подобными. Фактически каждая картинка-сетка связей показывает слово или словосочетание в его семантической парадигме. Вся система основана на sunsets, своеобразных кластерах синонимов, которые, в свою очередь, обеспечивают семантические отношения антонимии и гиперогипонимические кластеры для глаголов (см. пример слова *retrograde*). Дефиниция выскакивает в окошке (pop up) при однократном нажатии на мышь. Нажав на нее, можно выйти в список всех значений многозначного слова как в обычном словаре. Двукратное нажатие приводит к помещению синонима в центр сетки, которая автоматически перефокусируется уже на его свойства. Таким образом, цель этого **гибрида словаря и тезауруса** предоставить информацию, которой удобно пользоваться, основываясь на интуиции пользователя [13].

Кто является основным пользователем «Wordnet»? Какие цели преследует пользователь? Важным достижением электронной лексикографии является возможность обеспечения обратной связи с пользователем и построение так называемого профиля пользователя. Регистрация в системе позволяет учитывать интересы, уровень подготовки и другие особенности каждого получающего доступ к «Wordnet». Так, в результате опросов и выведения профиля пользователей выявлены основные категории посетителей «Wordnet» и их цели.

К целям относятся попытка избежать повтора слов, сменить регистр повествования, поиск синонимичного выражения или слова.

Категории пользователей включают рекламодателей, писателей, студентов, маркетологов, преподавателей, представителей разных профессий, стремящихся разнообразить свои презентации, и, разумеется, лингвистов.

Преимуществами Visual Thesaurus является быстрота поиска языковой единицы, динамический характер самой паутины синонимов, которая готова предоставить по мановению мышки информацию и о значении слова, и о близких по значению словах. К недостаткам можно отнести некоторую субъективность информации, связанную

с привязанностью системы только к корпусу Принстонского университета и непривычностью способа подачи материала. Пути усовершенствования Visual Thesaurus его создатели видят в более глубокой проработке семантических и стилистических различий синонимов, попытке отразить некую «шкалу» синонимичности, которая бы наглядно отражала вариации и коннотативную нагрузку близких по значению слов, также продолжается изучение спроса пользователей, с тем чтобы приблизить словарь к их индивидуальным потребностям.

Таким образом, используя еще одну метафору [6], эволюцию словаря можно сравнить с гастрономическим способом подачи пищи: от отдельно взятого блюда, к стойке с отдельными видами салатов, и, наконец, к блюду, включающему сразу много ингредиентов, извлечь которые не представляет большого труда.

Итак, актуальными вопросами для составителей электронных словарей являются: создание и использование надежной базы данных (в основном опираясь на корпуса), отбор и ограничение объема информации, расширение проблемного кругозора за рамки составления словарей, удовлетворение запросов нового поколения компьютерно грамотных пользователей.

Пытаясь ответить на вопрос о целесообразности создания такого важного информационного источника, как словарь, приходится учитывать все возрастающие потребности пользователей, которые вправе ожидать от своего интерактивного «друга» предвосхищения вопросов и даже ответов на еще не поставленные. Вполне возможно, что делегировавший свои обязанности цифровой среде словарь-книга, исчезнет из обихода, однако это не устранил необходимости постоянно усовершенствовать его современного последователя – *lexicographic tool*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Atkins B. T. S.* Putting lexicography on the professional map. Training needs and qualifications of career lexicographers in M. Alvar Ezquerro (ed.). – 1992. – P. 519–526.
2. *Bergholtz H., Theo J. D. Bothma.* Needs-adapted Data Presentation in e-Information Tools. – URL: <http://books9.org/h/henning-bergholtz-s45/>
3. *Fuertes-Olivera Pedro A., Sven Tarp.* Lexicography for the third millennium: Cognitive-oriented specialised dictionaries for learners. – URL: http://www.aelfe.org/documents/07_21_Fuertes.pdf

4. *Fuertes-Olivera Pedro A., Henning Bergenholtz* (eds.). e-Lexicography. The Internet, Digital Initiatives and Lexicography. – L.–N. Y. : Continuum, 2011. – XIV. – 341 p.
5. *Hartmann R. R. K.* Twenty-five Years of Dictionary Research: Taking Stock of Conferences and Other Lexicographic Events since LEXeter '836 2008. – URL: http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex2008/005_Euralex_2008_Plenary_RRK%20Hartmann_Twenty_five%20years%20of%20Dictionary%20Research_Taking%20Stock%20of%20Conferences%20and%20other%20Lex.pdf
6. *Leroyer P.* 'Les renvois externes comme ressources lexicographiques fonctionnelles // Cahiers de lexicologie 93.2. – 2008. – P. 27–54.
7. *McArthur T.* What then is reference science? / McArthur, T. Living // Words, Language, Lexicography and the Knowledge Revolution. – Exeter : University of Exeter Press, 1998. – P. 215–222.
8. *Meijs W. J.* Morphology and word-formation in a machine-readable dictionary: Problems and possibilities // Folia Linguistica: Acta Societatis Linguisticae Europaeae 24.1–2. – 1990. – P. 45–71.
9. *Sharpe P. A.* Electronic Dictionaries with Particular Reference to the Design of an Electronic Bilingual Dictionary for English-speaking Learners of Japanese // International Journal of Lexicography 8.1. – 1995. – P. 39–54.
10. *Schryver Gilles-Maurice.* Lexicographers' dreams in the electronic dictionary age. – URL: <http://tshwanedje.com/publications/dreams.pdf>
11. *Tarp S.* Beyond Lexicography: New Visions and Challenges in the Information Age // H. Bergenholtz, S. Nielsen & S. Tarp (eds.) Lexicography at a Crossroads: Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow. – Bern : Peter Lang, 2009. – P. 17–32.
12. *Verlinde S., Leroyer P.* Search and you will find. From stand-alone lexicographic tools to user driven task and problem oriented multifunctional leximats // International Journal of Lexicography. – Vol. 23. – No. 1. – 2009. – P. 1–17.
13. WordNet. – URL: <http://wordnet.princeton.edu/>

УДК 81'373.421

О. А. Гусева

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: gouseva_olga@rambler.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ (к постановке проблемы)

В статье намечены перспективы развития новой темы: роль смеха как невербальной реакции в коммуникации и его вербализация в семантике глаголов, обозначающих смеховые действия в английском языке. В статье дан семантический анализ некоторых глаголов, обозначающих смеховые действия в английском языке, а также рассмотрены возможности и пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова: семантика; коммуникация; невербальные реакции; смех; глагол.

Guseva O. A.

PhD, Assistant Professor
Chair of English Lexicology
e-mail: gouseva_olga@rambler.ru

VERBALIZATION OF NON-VERBAL REACTIONS (perspectives of research)

The article outlines the potential perspectives of a new topic concerning, first, the role of laughter as a non-verbal reaction in the process of communication, and second, its verbalization in the semantic structure of the verbs denoting different types of laughter in the English language. The article presents a semantic analysis of some of these verbs and gives the possible directions of further investigation.

Key words: semantics; communication; non-verbal reactions; laughter; verbs.

М. М. Бахтин считал, что в теории коммуникации давно признан тот факт, что элементами диалога можно считать не только слова, но и улыбку, жесты, взгляды, т. е. все, чем можно обменяться¹. Сюда же относится и молчание как нулевая реакция, которая проявляется как отсутствие вербального реагирования при наличии паралингвистической реакции. К невербальным (экстралингвистическим) реакциям относят также вздохи, кашель, скрежет зубов, шмыганье носом, слезы и смех.

---

¹ Цит. по: [2, с. 22].

Данная статья посвящена смеху как невербальной реакции и анализу глаголов, обозначающих различные виды смеха в английском языке.

А что такое смех? В бытовом сознании смех – реакция человека на юмор или щекотку, проявляющаяся специфическими звуками и произвольными движениями мышц лица и дыхательного аппарата. В некоторых случаях смех может быть реакцией на нервное напряжение (нервный смех) или быть признаком психического расстройства. В данной статье мы, конечно, не будем затрагивать психическую сторону проблемы, так как ее подробно освещали и освещают в соответствующих трудах.

Смех у нас вызывают явления, отличающиеся некоторой странностью, парадоксальностью, удивительностью. Анекдоты это ведь вовсе не радостные сообщения, но это всегда описания каких-то неожиданных, оригинальных ситуаций.

Смех, в отличие от улыбки, явление гораздо более непонятное. Это бурная и нелогичная реакция. По своему механизму это резкие глубокие вдохи и многочисленные ритмичные выдохи. Смех сопровождается мощным эмоциональным всплеском, а иногда может даже выходить из под контроля сознания.

Ягнюк К. В. в статье, посвященной невербальной коммуникации, замечает: «В некоторых ситуациях смех – это лучший способ снять напряженность. Смех и юмор, ... – это признак хорошей атмосферы» [3]. Кроме того, автор считает, что смех – это одно из проявлений человеческого голоса, т. е. смех всегда связан со звуком. Ягнюк подчеркивает, что «голос является важным средством выражения целого диапазона субъективных чувств и смыслов. То, насколько громко произносятся отдельные слова, может служить индикатором силы чувств» [3]. Таким образом, мы можем провести следующую аналогию: если молчание – это коммуникативно значимый ноль, то смех – это коммуникативно значимый звук.

Пилотный обзор лингвистической литературы показал, что смех почти не становился объектом исследования наших коллег. Конечно, он упоминается в контексте паралингвистики (например «Паралингвистика» Г. В. Колшанского) и невербальной коммуникации (например И. Н. Горелов «Невербальные компоненты коммуникации»), также его как часть смеховой культуры рассматривают с точки зрения национальной маркированности (М. А. Токарева, Ю. Б. Борев,

Е. А. Копылкова). Работ, посвященных юмору, также немало, в них рассматривается принципиально другое явление: то, что вызывает смех, в чем суть смешного и т. д.

В диссертационном исследовании А. В. Бондаренко «Языковая онтология смеховой культуры» [1] смех осмысливается как «одна из ипостасей языка» [1, с. 1]. Автор проявляет интерес к жизненным ситуациям, «когда люди улыбаются, шутят, подтрунивают друг над другом, смеются раскатисто или хихикают, придумывают и рассказывают анекдоты, насмеваются, кокетливо отводят взгляд, непристойно намекают, вводя в краску, умиляются, плачут от щекотки и т. д. При внимательном анализе разнообразных видов смеха (от гомерического хохота и слез умиления до злой издевки и тонкой иронии) можно узнать фундаментальный конститутив, единящий эти состояния – гедонизм» [1, с. 21–22]. В своей работе автор рассматривает смеховые жанры бытового общения – «различные коммуникативные ситуации фамильярного и интимного общения в семье, быту, на работе, во время отдыха, типические приветствия, расспросы о здоровье, состоянии дел, новостях, обмен слухами и сплетнями и т. д.» [1, с. 27], а также смеховой канон, т. е. то, как и над чем принято смеяться, который, по наблюдениям автора, меняется со временем и не в лучшую сторону.

Автор проводит аналогию между общепринятым понятием «языковая личность» и «смеховой личностью» [1, с. 30], которая «может быть также постулирована в качестве инварианта, допускающего наличие широкого спектра вариаций – возрастных, гендерных, национальных и т. п. Смех всегда национально маркирован и обусловлен культурой того или иного этноса» [1, с. 30].

В качестве одного из выводов работы А. В. Бондаренко проводит идею о том, что «одним из слабо разработанных аспектов лингвокультуры является этнический смех. Проблема понимания иноязычного юмора в числе актуальных проблем межкультурной коммуникации, перевода и переводоведения» [1, с. 33].

Итак, смех, согласно вышеизложенному, рассматривается в качестве культурного феномена, который, безусловно, является неотъемлемой частью обучения иностранному языку.

В настоящей статье, равно как и в дальнейшие наши исследования, мы постараемся ввести в лингвистическом направлении: изучать семантику глаголов, которые обозначают смех в английском языке.

В английской номенклатуре наименований различных видов смеха больше разнообразия, чем в русской. Уже первое поверхностное

сравнение дало интересные результаты. Рассмотрим 9 наиболее частотных глаголов, выражающих смех, тогда как в русском языке самые распространенные переводные эквиваленты – *смеяться* и *хихикать*, а все остальные тонкости не лексикализованы. Можно предположить, что такое разнообразие единиц в английском языке связано с большей коммуникативной нагрузкой.

Для начала рассмотрим лишь некоторые из глаголов, передающих смех: *laugh, giggle, chuckle, snigger, titter, chortle, guffaw, roar, cackle*. Все они так или иначе являются синонимами, но от обычных синонимов их отличает то, что они передают невербальную реакцию, потому важно не только их словарное значение, но и звучание, которое они обозначают. Кроме того, мы пока не берем в рассмотрение глагольные сочетания с предлогами и устойчивые (идиоматические) выражения с указанными словами. Данные глаголы по сути обозначают смеховые действия, хотя некоторые из них можно назвать звукоподражательными (например *cackle*).

При изучении дефиниций можно выделить следующие опорные пункты толкований: манера (или характер звучания), иногда продолжительность, громкость, причина. Соответственно, глаголы можно разделить на группы по указанным признакам. Представляем сводную таблицу глаголов передачи смеха, в которой дефиниции рассматриваются по признакам (см. табл. с. 84). Дефиниции приводятся по словарям – «Macmillan English Dictionary for Advanced Learners» [5] и «Longman Dictionary of English Language and Culture» [4].

Теперь остановимся на деталях. Глагол *laugh* – ключевой элемент данной цепочки синонимов, на его основе строятся толкования остальных глаголов. Анализ дефиниций позволил выявить несколько признаков, по которым можно сравнить эти глаголы. Это громкость (+длительность) смеха, манера (или характер) и причина. «Тихих» глаголов больше, что может косвенно указывать на их большую коммуникативную функцию, при условии, что такой признак, как причина, присутствует только у них. Самый интересный пункт – это манера (или характер) смеха, который передает отношение смеющегося к объекту смеха, а если мы анализируем литературное произведение, то и характеризует самого героя. То, что в русском языке это передается при помощи наречий (например, *мерзко захихикал* или *нехорошо засмеялся*), в английском заложено в семантике глагола. Другими словами, перед нами предстает целая гамма чувств и эмоций, выраженных на первый взгляд простыми словами.

Таблица 1

Глагол	Начальное слово дефиниций	Громкость	Характер звучания	Причина	Перевод
to giggle... (esp. about young girls)	to laugh (to make noise with your voice that shows you think smth is funny)	quietly	in a nervous or excited way / repeatedly / in a silly childish uncontrolled way	at smth silly / about smb or smth secret, which one finds amusing	хихикать от удовольствия или смущения; глупо или лгьстиво смеяться
to snigger... (derog)		quietly	secretly, especially in an unkind way / in a disrespectful way / in an unpleasant and rude way	or at smth that is rude	хихикать, посмеиваться, давиться от смеха
to titter... (derog)		quietly	unkindly / in a nervous or silly way	when smth embarrassing happens	хихикать, прыскать от смеха
to chuckle...		quietly	especially in a private or secret way	with pleasure and satisfaction	посмеиваться, хихикать, фыркать от смеха, подхихикивать
to chortle...				because you are enjoying smth / with pleasure and satisfaction	фыркать от смеха; смеяться с давленным смехом
to cackle...		in a loud	unpleasant way / with henlike sounds	especially when you are taking pleasure in someone's bad luck	разг. хихикать, фыркать, зубоскалить, хмыкать, кудахтать
to guffaw...		very loudly	perhaps rudely		грубо хохотать, гоготать
to roar... (infml)		long and loudly			хохотать

В процессе изучения необходимо провести черту между физической стороной исследуемых единиц и их коммуникативной функцией. Первая подразумевает, к примеру, изучение различий между улыбкой и смехом как беззвучной и звуковой невербальной реакцией, анализ интенсивности и громкости звука, анализ тона, длительности, а также гендерных особенностей. Что касается коммуникативного аспекта, то здесь представляет интерес исследование различий между ситуациями произвольной реакции и ситуациями, в которых смех является коммуникативным знаком при условии, что и характер звучания и все остальные признаки, выделенные нами в таблице, сохраняются.

Подобное исследование осложняется тем, что невербальный знак имеет размытую связь между планом выражения и планом содержания. Но в данной статье мы представим фрагмент семантического анализа, для которого вышеуказанные различия нерелевантны.

Рассмотрим несколько примеров с некоторыми из указанных в таблице глаголов. В основном, словарные дефиниции подтверждаются контекстами употребления.

- **to giggle**

(1) She told them how she had met John, how he treated her gently and never known that she had understood every word he said... The women sighed at that and the young braves *giggled* and dug each other in the ribs [6, с. 215].

(2) “God made me gay to torment me”. “He made you handsome to torment me”, she *giggled* [6, с. 130].

(3) “Oh, Mrs. Tradescat... before I have done I shall sit in Parliament and bestow baronetcy on you... Or a dukedom. Whatever you wish”. Hester *giggled*. “Come and see the tulips then” [6, с. 130].

Как видно из приведенных примеров, во всех ситуациях есть нечто смущающее собеседника, свидетеля разговора или сцены, – например, флирт, излишняя похвала, сальные шутки и намеки, – и в качестве естественной реакции *наивной, незлой, негрубой* автор выбирает глагол *хихикать (giggle)*. И несмотря на словарную помету, мы видим, что данный глагол употребляется не только по отношению к девочкам. В примере (3) действие, обозначенное глаголом *giggle*, несет еще и коммуникативную функцию, так как его оказалось достаточно для выражения ответной реакции и для смены темы разговора.

• **to snigger**

(4) And the other men saw him, and some would have *sniggered* at the fall that would follow such arrogance, and a few would have suffered in the knowledge that defiance brings only pain and punishment, and for one or two or three the young man who ambled erect in the first rank was a donor of comfort (*BNC, Archangel. Seymour, Gerald. London: Fontana Press, 1983, 2459 s-units, 36135 words*).

Контекст употребления глагола *snigger* подтверждает словарные толкования – ситуация предполагает хихиканье – недоброе, исподтишка, – указывающее на неодобрение действий объекта, считающего его не соответствующим представлениям о правильности.

• **to titter**

(5) The audience *tittered* as Brock fell through the door.

(6) Cath Carroll looked at my hole-filled jeans and nascent dreads and *tittered* (*BNC, New Musical Express. London: Holborn Publishing Group, 1992, 4834 s-units, 79709 words*).

(7) The boy gave an amused flick of his head, swung round unhurriedly – yet not too slowly, either – and sauntered away with a laugh, his admirers *tittering* after him (*BNC, City of gold and shadows. Peters, Ellis. London: Headline Book Publishing plc, 1989, pp. 1–125. 2363 s-units, 38857 words*).

Titter передает смущенное, тихое хихиканье, что называется «в кулачок», когда сдержаться невозможно, а громко смеяться – неприлично. Это может быть реакция на комичную ситуацию (5), нелепую внешность (6) или смущенный восторг (7).

• **to cackle**

(8) The old man was *cackling* horribly and rubbing his hands.

(9) «Ah ha!» she *cackled*, witch-like (*BNC, The L-shaped room. Banks, Lynne Reid. London: Penguin Group, 1987, pp. 98–206. 3282 s-units, 43720 words*).

(10) ‘I’ll warrant he is!’ the old lady *cackled* unexpectedly (*BNC, Hidden flame. Bailey, Elizabeth. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993, 6431 s-units, 72403 words*).

Все контексты полностью раскрывают словарные значения глагола *cackle*. Этот глагол в большинстве случаев используется для характеристики смеха пожилых людей – как женщин, так и мужчин – очень неприятных по характеру или внешности. Это подчеркивается прилагательным *old* (8) и (10) и наречиями *horribly, witch-like* (8) и (9).

- **to chuckle**

(11) As she read her book, she *chuckled* softly.

(12) “Now that was a sight to Lee,” *chuckled* Ann as she looked at the photos.

Существует стереотип, что *chuckle* может использоваться только по отношению к мужчинам, но приведенные примеры это опровергают. Во-первых, данный глагол означает тихий смех от удовольствия и, как правило, недолгий. Во-вторых, *chuckle* может оформлять как фразу (вместо глагола говорения) (12), так и являться выразителем реакции целиком (11).

В заключение диалоге такой вид невербальной реакции, как смех, несомненно несет коммуникативную нагрузку. Но смех в качестве реакции в процессе коммуникации до сих пор не был тщательно исследован. Глаголы, обозначающие смеховые действия, так же не были изучены и с точки зрения семантики, что открывает широкие перспективы для дальнейшей работы. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что в английском языке набор лексических единиц, обозначающих смеховые действия, гораздо шире, чем в русском, что представляет собой трудности при обучении и переводе. Анализ лексических единиц, обозначающих смех, равно как и его культурологическую составляющую, необходимо включать в курс лекций по лексикологии, стилистике, культурологии и другим дисциплинам, а также в пособия и учебники по практическому курсу английского языка.

В качестве перспективы исследования можно предложить следующее:

- 1) рассмотреть структуру концептуальной области смеха как невербальной реакции;
- 2) исследовать семантическую структуру самих глаголов и провести между ними различия;
- 3) выяснить, какую роль играют глаголы смеха в акте коммуникации;
- 4) провести эксперименты, помогающие отличить по звуку действия, выраженные данными глаголами (т. е. как звучит *chuckle* или *guffaw*), так как смех, в отличие от улыбки, имеет еще и звучание.

Хорошее настроение выражается в улыбке и смехе. Но есть и обратная связь: улыбка рефлекторно запускает механизм хорошего настроения. Улыбайтесь и смейтесь чаще!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондаренко А. В.* Языковая онтология смеховой культуры: автореф. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 37 с.
2. *Инубуси Й.* Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 197 с.
3. *Ягнюк К. В.* Присутствие и невербальная коммуникация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2868>, свободный – Загл. с экрана. – Яз.рус.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2000. – 1568 p.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.
6. *Ph. Gregory.* Virgin Earth. Ind: Harper Collins Publisher, 2000.

УДК 81'373

С. В. Канашина

аспирант кафедры лексикологии ФГПН МГЛУ

e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

ДЕТАБУИЗАЦИЯ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ТЕМАТИЧЕСКОМ УРОВНЯХ

В статье рассматривается процесс детабуизации в английских интернет-мемах, проводится попытка понять и осмыслить процесс детабуизации в интернет-мемах с прагматической и когнитивной точек зрения.

Ключевые слова: интернет-мем; детабуизация; тема-табу.

Kanashina S. V.

Postgraduate Student at the Department of English Lexicology;

e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

THE PROCESS OF DETABOOIZATION IN ENGLISH INTERNET-MEMES

This paper looks at the process of detabooization in English internet-memes with the aim of understanding this phenomenon from pragmatic and cognitive points of view.

Key words: internet-meme; detabooization; taboo topic.

В английском языке существует тенденция к эвфемии [11]. Неслучайно в английском языке много эвфемизмов и чрезмерно вежливых речевых форм. Как пишет R. W. Holder в предисловии к своему словарю эвфемизмов, многие эвфемизмы стали важной частью нормативного английского языка [18]. Английский язык называют «the language of understatement»¹, что говорит о ярко выраженном стремлении носителей выбирать политкорректные, вежливые формы в языке.

Однако в последние годы в английском языке развивается обратная тенденция к демократизации языка, отказу от эвфемизмов в некоторых речевых ситуациях и использованию слов и тем табу. Это явление получило название «детабуизация». Как пишет О. М. Куницина, «детабуизация – это интенсивное использование слов и тем табу» [10].

---

¹ **understatement** [ˌʌndə'steɪtmənt] n 1) сдержанное высказывание, замалчивание; 2) преуменьшение [17].

Традиционно темами табу являются религия, физиология, смерть [9]. Среди тем табу можно также отметить различные болезни, политику, расовые различия. Можно предположить, что данные темы являются темами табу, потому что они затрагивают очень личные для каждого человека вопросы, поэтому они выходят за рамки открытых для обсуждения проблем.

Использование тем табу в речи – это одна сторона процесса детабуизации. Другой стороной является использование детабуированной лексики, т. е. обценной (ненормативной) лексики. «Одним из наиболее очевидных проявлений детабуизации в языковой сфере является снятие запрета на употребление обценной лексики: ... even some of the most articulate can rarely go more than a sentence or so without swearing... Даже самые вежливые редко могут сказать какое-нибудь предложение без ругательств»¹ (*The Independent*) [14].

Таким образом, использование тем табу, с одной стороны, и детабуированной лексики, с другой, являются результатом процесса детабуизации в языке.

Целью настоящей статьи является рассмотрение процесса детабуизации на материале английских интернет-мемов. Под мемом понимается образование креолизованного типа, включающее вербальный и невербальный компоненты и функционирующее в интернет-среде.

Изучение процесса детабуизации в английских интернет-мемах представляется актуальным, поскольку интернет-мем, будучи анонимным произведением, часто содержит информацию эпатажного характера является вызовом условностям или отклонением от нормы.

Классическая тема табу – тема религии [9]. Вопросы вероисповедания считаются достаточно личными, не принято спрашивать у малознакомых людей, например, крещены ли они и т. п. В США тема религии – запретная тема, так как свобода вероисповедания – это не только выражение гражданской свободы, но и основа американской демократии [12].

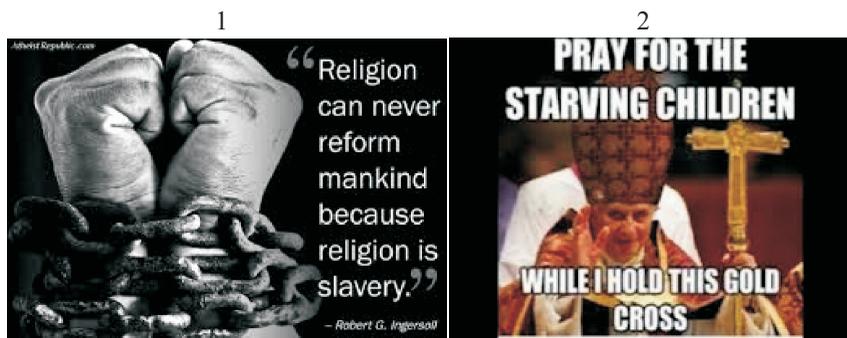
Однако то, о чем не принято говорить в светской беседе, можно говорить в блогах, на форумах и социальных сетях. В Интернете можно найти много мемов на тему религии (около 3%). Многие щекотливые вопросы, такие как атеизм, богатство католической церкви, проблемы религии и свободомыслия, экстремистских религиозных убеждений находят отражение в интернет-мемах. Их создатели поднимают

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – С. К.

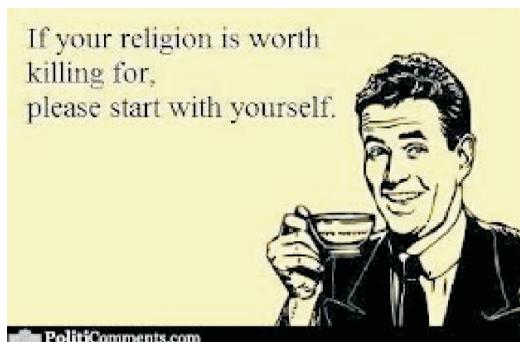
непростые религиозные вопросы, связанные с религией, и открыто выражают свое мнение.

Рассмотрим несколько примеров. В первом меме приводится цитата Роберта Грина Ингерсолла, американского юриста, публициста и оратора [25]: «Religion can never reform mankind because religion is slavery» («Религия никогда не может преобразовать человечество, потому что религия – это рабство»). Эта цитата носит провокационный характер, так как оскорбляет чувства религиозных людей. К тому же, эффект данного высказывания усилен фотографией, на которой изображены руки человека, скованные цепями. Цитата и картинка выступают в единстве в данном меме и образуют особый символизм, который усилен мрачными черно-серыми тонами.

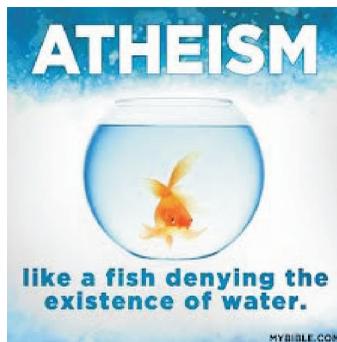

На втором меме изображен папа Римский, глава католической церкви. Надпись на меме можно перевести как: «Молитесь за голодающих детей, в то время как я держу этот золотой крест». Мем построен на шутке, которая приобретает оттенок сарказма. Однако за шуткой стоит важная проблема, которая затрагивается в этом меме. Это проблема богатства католической церкви на фоне экономического неблагополучия многих районов мира. Приведем цитату из статьи Джованни Бенси, итальянского политолога и журналиста: «Роскошные соборы, изобилующие ценнейшими предметами искусства, золотой и серебряной литургической утварью, пышность облачений духовенства, роскошь папских покоев в Ватикане – все это вызывает у некоторых католиков раздражение» [3]. Но выразить это раздражение вслух может не каждый и интернет-мем становится анонимной трибуной для обсуждения этой проблемы.

3

4

На третьем меме затрагивается непростая тема экстремистских религиозных убеждений, а именно исламского экстремизма. На меме изображен джентельмен, пьющий кофе и как бы между делом небрежно говорящий: «Если твоя религия стоит того, чтобы убить кого-то, начни с себя». Мы видим стилистический эффект контраста, несочетаемости и противоречия: атмосфера повседневности и расслабленности, кофе как атрибут привычного распорядка дня и провокационная фраза, которая адресована исламским экстремистам. Эффект противоречия возрастает благодаря визуальной оформленности мема: черно-белый рисунок привносит эффект комикса, что противоречит серьезности затронутой темы.

Как пишет В. Н. Калинин, заслуженный юрист РФ, юристконсульт Московской патриархии: «Экстремистская деятельность радикальных мусульманских организаций приобрела международное значение» [6]. Однако говорить о этом вслух многие не хотят, ведь открытое признание экстремистского характера ислама – это оскорбление для мусульман, своеобразная дискриминация их религии, некое признание того факта, что ислам – опасная и радикальная религия. Говорить об этом не принято, тем более шутить.

Четвертый интернет-мем на тему религии посвящен атеизму. В меме присутствует метафора: *атеист уподобляется рыбе, отрицающей существование воды*. Эффект метафоры усилен цветной картинкой. Следует сказать о животном символизме в этом меме. «В раннем христианстве рыба была принята как символ Христа многими Отцами Церкви. Знак рыбы был первой монограммой Христа. Таинственное греческое имя Иисуса означает «рыба». Именно братья-

рыбаки стали первыми учениками Иисуса, сказавшего им, что они будут «ловцами человеков». Верующие, ученики Христа, как и он сам, часто уподоблялись рыбам, пребывающим в безопасности только в «воде учения». Крестильная купель довольно рано стала уподобляться рыбному садку (piscina). Три переплетенных рыбы или три рыбы с одной головой символизируют Троицу» [20]. Таким образом, интернет-мем благодаря яркому метафоричному высказыванию и заметной символической картинке приобретает сильный прагматический эффект.

Тема «политика» также является темой табу, особенно в США. Не принято ругать власть, спорить о политических воззрениях и философствовать на тему политики. «Американцы не любят ругать власть, которую они сами по всем своим демократическим принципам и выбрали» [12]. Когда в преддверии своих концертов в Москве Дженифер Лопес услышала на пресс-конференции вопрос, касающийся Pussy Riot, то ответила: «Я вижу, что вы снова пытаетесь вовлечь меня в политический разговор. Я считаю, что люди должны следовать исключительно велению своего сердца. Всегда» [22]. Данный случай показывает нежелание американцев публично обсуждать политику. Ведь разговоры о политике не только не этичны, но и могут быть расценены как преступное поведение, если высказывание не политкорректно и критика слишком яростная. Таким образом, политика – традиционно закрытая тема. Поэтому интернет-мемы, гарантируя анонимность, являются удобной трибуной для всех, кто хочет выразить свое мнение касательно политики. В Интернете много мемов, которые, например, открыто критикуют Обаму, его политический курс и ситуацию в стране (их было собрано около 100). Можно сказать, что интернет-мемы – своеобразный показатель доверия к правительству и показатель рейтинга власти в стране. Когда количество недовольных властью людей в стране становится велико, Интернет начинает изобиловать мемами разоблачающего, сатирического или высмеивающего характера. Так тема политики становится открытой, она детабузируется, потому что мем является удобной формой для открытого выражения своих политических взглядов.

Приведем несколько примеров на политическую тему. На пятом меме изображен президент США Барак Обама в образе врача со шприцем в руках, говорящий: «Сейчас будет больно», а под фотографией надпись «Obamacare». Смысл мема можно декодировать следующим

образом: реформа системы здравоохранения США, инициатором которой стал Барак Обама (отсюда красноречивое название «Obamacare», которое является блендом ‘Obama + care’), стала болезненным опытом не только для американского общества, но и для всего мира, так как на реализацию реформы были выделены огромные средства, реформа стала бременем для американского бюджета. «Соответственно, реализация планов реформы означает либо новые расходы, не подкрепленные доходами, либо урезание бюджетов – и последующее снижение экономического роста штатов» [13]. В результате внешний долг США возрос, а значит мировая рецессия затягивается. В этом меме примечателен символизм: образ врача переключается с сутью реформы Obamacare. Следует также отметить само слово *Obamacare*, основанное на гибриде *Obama* (Обама) + *Care* (забота, помощь). Это слово построено по принципу аналогии и напоминает названия другой реформы здравоохранения США – Medicare.

5

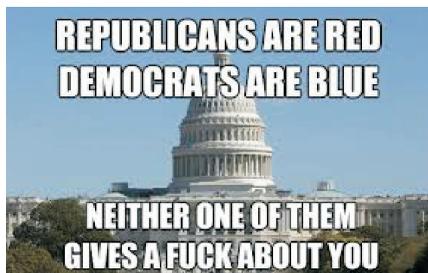
6

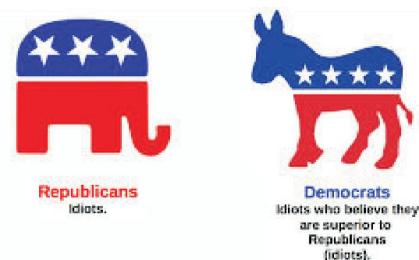
На шестом интернет-меме американский президент Барак Обама обращается к нации с патетическим призывом «Да, мы сможем!» (по-видимому, имеется в виду «Мы сможем преодолеть трудности внутри страны»), и тут же предлагается комментарий «Я обманул вас, простак!»». Этот мем раскрывает непоследовательность Барака Обамы, его высокие, полные пафоса слова противоречат его поступкам. Журналист Д. Киселев в статье «“Большой Брат”: под колпаком у АНБ» пишет: «Пафосная, но бессодержательная речь Барака Обамы в мире уже вызвала много насмешек» [8]. Этот мем построен на юмористическом эффекте: пафосный призыв к нации Барака Обамы «Yes, we can!» противопоставляется его же грубым словам «Fooled ya,

suckers!»). В английском языке слово *sucker* является сленгом, стилистически сниженным словом, которое можно перевести как *простаки*, *лохи*, а слово *ya* переводится как *вас* и также является стилистически сниженным.

7

8

Следующие два мема, седьмой и восьмой, посвящены разнице между республиканцами и демократами в США. «На протяжении всей американской истории размежевание между республиканцами и демократами никогда не было четким, за исключением периода Гражданской войны, да и внутри обеих партий всегда проявлялись различные, подчас противоположные, интересы. Неудивительно поэтому мнение, что на самом деле между двумя конкурирующими партиями нет серьезных различий. Отсюда и популярная в США фраза: «Республиканец, мол, это разбогатевший и постаревший демократ» [4]. В этих интернет-мемах высмеиваются две ведущие политические партии в США, авторы мемов выражают идею, что нет существенной разницы между демократами и республиканцами, что политики в США, к какой бы политической партии они не принадлежали, не думают о населении страны и не отличаются интеллектуальными способностями.

Тема расовых предрассудков и национальных вопросов является острой для многих развитых стран, особенно для США. «Несмотря на многочисленные политкорректные декларации руководства США о единой “американской нации”, противостояние между черным и белым населением сохраняется и поныне» [2]. Напряженные межрасовые отношения в США делают эту тему практически закрытой для обсуждения. Как пишет главный редактор информационно-аналитического агентства «Посольский приказ» Вадим Андрюхин: «О неграх тут можно говорить только как о покойниках: либо хорошо, либо вообще ничего...» [2]. Таким образом, не имея возможности

выразить свою позицию по национальному вопросу открыто, некоторые предпочитают выразить ее с помощью интернет-мемов, потому что такой способ гарантирует анонимность и свободу слова.

Интернет-мемы, посвященные расовым и национальным вопросам, являются ответом общества на такие проблемы, как расовые предрассудки, дискриминация, позитивное действие (affirmative action). Под эвфемизмом «позитивное действие» понимается принятие шагов, направленных на повышение активности с целью побудить определенные группы к участию в социальной, экономической и политической жизни страны [1]. Например, специальные квоты в университетах США для чернокожего населения или предпочтение чернокожего кандидата при приеме на работу, даже если его навыки и резюме хуже, чем у белокожего кандидата. То, о чем не принято говорить вслух, может быть высказано в красноречивой форме в интернет-меме.

9

10

Девятый интернет-мем посвящен расовым предрассудкам. Человек на меме говорит: «Не все чернокожие глупые, это глупо, но все знают, что все глупые люди чернокожие». Это шутка звучит вызывающе, учитывая запрет на все формы расовой дискриминации в США. Казалось бы, расовые предрассудки уже давно позади для американского общества, чей лидер афроамериканец. Однако это не так. Американская газета «The Washington Post» в 2012 году привела данные опроса, проведенного агентством AP, который показал, что «в целом в настоящий момент 51 % американцев откровенно высказывают свое негативное отношение к чернокожим в сравнении с 48 % в 2008 году» [26]. Уровень же скрытых расовых предрассудков еще выше и составляет 56%. Эти данные показывают, что проблема расовых предрассудков актуальна для американского общества.

Десятый мем также посвящен расовым предрассудкам, но раскрывает эту тему иначе. Птица со смешным названием «топорик» (по-английски «puffin») заявляет «Я белый, и я не люблю черных людей». Этот мем содержит сложную метафору.

Во-первых, птица «топорик» – это символ неуклюжести и клоунады в англоязычной культуре. «Graceful in the water, clumsy on land and in the air, out of water there is difficulty finding equilibrium in life, using body language to convey messages, throwing tantrums when upset. The appearance of the Puffin signals a time for prayer» [23]. (Грациозный в воде и неуклюжий на суше и в воздухе, с трудом находит равновесие в жизни, если не находится в воде. Использует язык тела, чтобы передавать сообщения, гневается, когда расстроен. В то же время топорик символ молитвы).

Во-вторых, пакет на голове топорика символизирует слепость, невозможность видеть и оценивать окружающую действительность рационально. Отсюда, можно декодировать следующий смысл: человек, подверженный расовым предрассудкам, подобен слепцу, он видит мир узко, не понимает, что разнообразие рас – это проявление богатства жизненных форм. Как сказал Вольтер, «предрассудки – это разум глупцов» [15].

К тому же, нетрудно увидеть аллюзию на ку-клукс-клан (конусообразный колпак на голове топорика), ультраправую экстремистскую организацию в США, отстаивавшую превосходство белых.

Одиннадцатый интернет-мем апеллирует к положительным эмоциям читателя. Надпись под картинкой гласит: «Расизм – это то, чему мы научаемся, а не то с чем мы рождаемся». Смысл надписи дополняется и усиливается символической картинкой: белокожая девочка и чернокожий мальчик обнимают друг друга. Таким образом мем провозглашает идею дружбы и мира между представителями разных рас, учит принятию и толерантности к людям других национальностей. Как сказал Нельсон Мандела: «Никто не рождается с ненавистью к человеку из-за цвета его кожи или его происхождения, или его религии. Ненавидеть люди учатся, и если они могут научиться ненависти, то их можно научить и любви, поскольку любовь проникает в человеческое сердце более естественно, чем ее противоположность» [15].

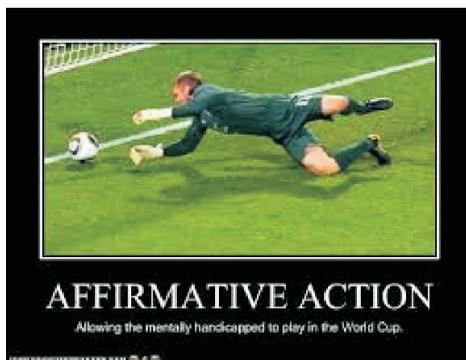
И наконец, двенадцатый мем посвящен позитивному действию (affirmative action). «Позитивное действие – это система льгот для

меньшинств в качестве компенсации за прошлую дискриминацию» [5]. Такого рода программы распространены в США, Франции и в ряде других стран. Этот мем изображает футболиста на футбольном поле, а надпись под картинкой гласит: «Позитивное действие. Это позволение умственно отсталым людям играть за Кубок мира по футболу». Таким образом, автор мема строит сложную метафору, основанную на сравнении людей, пользующихся льготами и преимуществами позитивного действия, с умственно отсталыми людьми, которым предоставляется возможность играть за Кубок мира по футболу. Нетрудно догадаться, что имеет ввиду автор. Ситуация, когда организация не берет на работу белокожего американца с хорошим резюме, предпочитая нанять афроамериканца с объективно худшими навыками, действительно похожа на нечестную игру. Другим примером могут служить случаи, когда в американские колледжи принимают чернокожих студентов с низкими баллами, учитывая их расу, а белокожим студентам с более высокими баллами могут отказать. Однако проблема позитивного действия в США – закрытая тема, и интернет-мемы, гарантируя анонимность автора, позволяют выразить негодование или неодобрение в свободной форме.

11

12

Итак, интернет-мемы становятся платформой для открытого обсуждения тем табу, способствуя детабуизации языка и являясь частью этого процесса.

Очевидно, что мемы выполняют важную функцию популяризации тем табу. Благодаря мемам темы табу становятся открытыми и обсуждаемыми. В некоторой степени интернет-мемы призваны изменить отношение (и, возможно, сознание) людей к темам табу

и к таким неоднозначным явлениям жизни, как религия, политика, смерть, однополые браки, пластические операции и др. Интернет-мемы, давая возможность людям открыто и анонимно выразить свое отношение к непростым и запретным темам, способствуют демократизации общества и свободе слова. Они приводят к снятию запретов на обсуждение определенных тем, т. е. к дестабулизации языка. Вот что пишет Шон Ринтел (Sean Rintel), профессор Квинслендского университета: «However, the value of crisis memes lies not in their content but rather their place as a public voice that sidesteps the constraints of traditional media and as an illustration of freedom of expression that may be threatened by increasingly restrictive copyright regimes. <...> Even frivolous and ghoulish popular culture objects such as crisis memes are important manifestations of freedom of expression. <...> It was argued above that crisis memes represent a reinvigoration of an active and unconstrained public voice» [21]. (Однако важность мемов, посвященных кризисным явлениям, не в их содержании, а, в их роли как общественного голоса, который уклоняется от ограничений традиционных СМИ, и их роли, как примера свободы выражения, которая может быть поставлена под угрозу все более ограничивающим авторским правом... Даже фривольные и отвратительные объекты популярной культуры, такие как мемы, посвященные кризисным явлениям, – важные проявления свободы выражения... Полагаю, что мемы, посвященные кризисным явлениям, представляют собой усиление активного и неограниченного общественного голоса).

Таким образом, интернет-мемы, являясь показателем процесса дестабулизации в языке, в то же время способствуют этому процессу и ускоряют его. Оценка этого явления неоднозначна, но лингвисты не могут не обратить на него внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dic.academic.ru
2. Андрюхин В. Расовый вопрос когда-нибудь погубит США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.posprikaz.ru
3. Бенси Дж. Мониторинг СМИ: Как пролезть сквозь угольное ушко? Тема богатства Церкви волнует не только православное, но и католическое сообщество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.religion.in.ua
4. Болясный А. «Слон» или «Осел»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rusnetusa.com

5. *Вольский В.* «Позитвное действие»: Теория и Практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: volsku.us
6. *Калинин В. Н.* Религия и безопасность (религиозный экстремизм) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dpr.ru
7. *Карabanь Н. А.* Этический аспект интернет-коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.booksgoogle.ru
8. *Киселев Д.* «Большой Брат»: под колпаком у АНБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vesti7.ru
9. *Куницина О. М.* Детабуизация в немецкой журнальной рекламе (на примере креолизованных рекламных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 28 с.
10. *Куницина О. М.* Детабуизация в рекламном дискурсе: материалы Международ. науч. конф., Москва, 17–18 ноября 2011 г. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 120–121.
11. *Порохницкая Л. В.* Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dissercat.com
12. *Разин М.* О чем нельзя говорить с американцами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: allovertheus.ru/2012/01/taoof
13. *Табах А.* Obamacare: здоровье не купишь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.forbes.ru
14. *Тульнова М. А.* Табу в контексте глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling34/ling34_27.pdf
15. Aphorism.ru. – URL: www.aphorism.ru
16. Beale, Sandra Get on With Your ***** Job! Swearing in the Workplace. – URL: www.businesszone.co.uk
17. Classes.ru. – URL: www.classes.ru
18. *Holder R. W.* A Dictionary of Euphemisms. – URL: www.books.google.com
19. Independent. – URL: www.independent.co.uk
20. Newacropol.ru. – URL: www.newacropol.ru
21. Rintel, Sean Crisis memes: the Importance of Templatability to Internet Culture and Freedom of Expression. – URL: seanrintel.com
22. Rus.tvnet. – URL: rus.tvnet
23. Spirit Walk Ministry. – URL: spiritwalkministry.com
24. Urban Dictionary. – URL: www.urbandictionary.com
25. Wikipedia. – URL: ru.wikipedia.org
26. The Washington Post. – URL: www.washingtonpost.com

УДК 81'373.49

И. А. Касатова

соискатель кафедры лексикологии английского языка фак-та ГПН МГЛУ
ст. преподаватель кафедры английского языка переводческого фак-та МГЛУ
e-mail: irenus_@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на примере лексемы «коммунист»)

В статье рассматривается эволюция значений эвфемизмов и дисфемизмов, обозначающих принадлежность к политическим течениям на примере лексемы «коммунист». Используя лингвистический и культурологический контекст, автор обосновывает сравнительно высокую подвижность эвфемистичных и дисфемистичных единиц и размытость границ между ними.

Ключевые слова: эвфемизм; дисфемизм; коммунизм; номинация; пейoration; диахронический подход.

Kasatova I. A.

Post-graduate student at the Chair of English Lexicology MSLU
e-mail: irenus_@mail.ru

THE EVOLUTION OF ENGLISH POLITICAL EUPHEMISMS AND DYSPEMISMS (a case study of the term “communist”)

The article features evolution of euphemisms and dysphemisms belonging to political parties with a case study of the term «communist». Using linguistic and cultural context, the author substantiates a rather high mobility of euphemisms and dysphemisms as well as the diffusion of their borders.

Key words: euphemism, dysphemism, communism, nomination, pejoration, diachronic approach.

Эвфемия и дисфемия в СМИ выполняют роль инструментов речевого воздействия и манипуляции. Политические эвфемизмы характеризуются большой амбивалентностью и подвижностью коннотационного аспекта значения. Как справедливо отмечает С. Апфел, «в политике эвфемия ... порой более предпочтительна, чем лингвистическая точность»¹ [3, с. 136]. Эвфемия и дисфемия характеризуют одни и те же явления с разных сторон, это «две стороны одной

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – И. К.

медали». В языке практически не существует единиц, которые всегда, везде и всеми воспринимались бы как абсолютный эвфемизм или дисфемизм. Все зависит от того, как эти языковые единицы задействованы в конкретной коммуникативной ситуации, с какой прагматической целью они используются говорящим и как воспринимаются слушающим [2].

В данной статье мы попытаемся рассмотреть динамику значений терминов, обозначающих принадлежность к политическим течениям, на примере лексемы *коммунист*. При изучении динамики семантических изменений, вызванных наличием тех или иных социально-психологических установок и стереотипов у лингвокультурной общности, стоит отметить идею М. Н. Лапшиной о прототипных семантических сдвигах в периоды времени, когда определенные политические реалии имеют резонанс [1]. В слове *politician* (*политик*) шекспировское значение «негодяй и обманщик» («villainry and deceit») [4] перешло на второй план; теперь оно номинирует человека, профессионально занимающегося политической деятельностью.

В связи с необходимостью номинации представителей маргинального течения и желанием избежать возможных нелицеприятных понятий, возникает потребность в использовании эвфемии, сосуществующей наряду с дисфемией. Лексемы *communist* и *Bolshevik* в Америке и Великобритании, соответственно, несколько десятилетий тяготели к дисфемизмам в дискурсе лидирующих политических партий, поскольку лица с коммунистическими взглядами представляли собой угрозу текущему политическому строю. Таким образом, страна с коммунистическим режимом приравнивалась к потенциальному сопернику или врагу. Дисфемизация лексемы *communist* (сокр. *commie*) способствовала максимальной генерализации значения «коммунист». Словарь американского сленга 1986 года дает следующее определение слову *коммунист*: «любой презрительный индивид»¹ [7, с. 95]. Как противоположный и параллельный процесс наблюдается эвфемизация понятия, обозначающего экономическое учение, которое отвергает пользу частной собственности. Вместе с тем можно выделить следующие этапы смещения фокуса номинации: *общественник* > *новатор* > *красный* > *чужой среди своих*. Отметим, что появление последующего звена эвфемистической цепочки не прекращает

¹ Зд. и далее перевод наш. – И. К.

действие предыдущих. Так, в середине XX века наблюдается появление эвфемизмов с идеей «новатор» в фокусе номинации (*revolutionary, progressive*). Рассмотрим каждый элемент указанной цепочки.

Первый элемент цепочки, представленный лексемами *communist, Bolshevik*, можно интерпретировать как «общественник», «совместно владеющий» или «совместно участвующий». Понятие большевик возникло на Втором съезде РСДРП (1903) после того, как при выборах в руководящие органы РСДРП сторонники В. И. Ленина получили большинство голосов (отсюда – большевики), их противники – меньшинство (меньшевики). Следующее звено цепочки содержит идею противостояния оппозиционеров, выдвигающих новаторские идеи, и консерваторов, призывающих сохранить старые устои. В целом термины, обозначающие радикальные и революционные настроения, могли относиться к любой маргинальной партии, выступающей за крайние меры и не являлись маркерами «коммунистов». В Великобритании слово *radical* (член партии радикалов) в XIX столетии имело отрицательную коннотацию в речи членов ведущей политической партии из-за совпадения с названием оппозиции. Тем не менее негативный оттенок лексемы *радикал* нейтрализовался после реформы 1832 года, когда одноименная партия не вошла в состав парламента. Тем временем в США термин *радикал* продолжал ассоциироваться с антиамериканизмом, анархизмом и, как следствие, с коммунизмом [11]. В 1930-х годах в Нью-Йорке существовала специальная полицейская бригада *Radical Squad* (букв. ‘Радикальная бригада’), созданная для разгона коммунистических митингов. Необходимо отметить, что позднее ее переименовали в *Red Squad* (букв. ‘Красная бригада’) [6]. В одной из новостных статей «Canadian Jewish Chronicle» 1937 года выпуска автор пишет, что полиция произвела обыск в штаб-квартире Канадского рабочего кружка, в ходе которого были изъяты произведения еврейских классиков:

Eight hundred volumes of Yiddish classics were seized by the ‘red squad’ of the Quebec provincial police ... on the headquarters of the Canadian Labour Circle, described as the largest non-political Jewish organization in Canada [12, с. 13].

Образ кардинального реформатора и анархиста отторгался британскими и американскими читателями газет, поэтому все чаще вместо прилагательного *радикальный* употреблялся эвфемизм *красный*,

начиная с 1848 года красный цвет как символ насилия, крови и огня являлся эмблемой коммунистов-революционеров. Партия рабочего класса, вдохновленная коммунистическими учениями, стала называться партией «Красных республиканцев» («Red Republicans»); газета, имеющая потенциального читателя-коммуниста – «Red Paper» [11].

В центре номинативного поля «коммунист» произошел переход от идеи революционера-новатора к идее красного цвета. Через столетие, во время холодной войны с СССР, ассоциации с красным приобрели пейоративный характер и сочетания с красным больше не употреблялись в политическом контексте противников большевизма. Необходимо отметить, что в дискурсе советских политиков красный цвет вызывал положительные ассоциации, в первую очередь самоидентификацию «свой», в отличие от «чужого», некоммунистического.

На смену лексемы *красный* пришли эвфемистические выражения *party member*, *fellow traveller* и *card-carrying (person)*, которые можно объединить в единую концептуальную схему «коммунист – чужой среди своих». Эта система противопоставлена советским лозунгам «коммунист – свой, родной». Смещение фокуса номинации «коммунист – чужой среди своих» представляет наибольший интерес для исследования, так как выражения активно употреблялись в периоды острых антикоммунистических настроений в Америке (маккартизм в 1940–1950-е годах, «холодная война» с СССР в 1950 – конце 1980-х годов). Маккартизм в Америке сопровождался обострением антикоммунистических настроений и политическими репрессиями против инакомыслящих. Маккартинцы боролись с либеральной интеллигенцией, профсоюзами, а также с политикой переговоров с социалистическими странами. Переход на сторону коммунистической партии у американцев приравнивался к политической измене. В Великобритании коммунизм никогда не считался реальной политической угрозой, тем более «жизнеспособным философским течением» [7, с. 96].

Как видно из таблицы 1 (см. с. 106) американский английский лексический ряд содержит больше дисфемистичных элементов (амер. *pinko*, *commie*, сокр. *communist*; брит. *bolshy*, сокр. *bolshevik*). Данный факт можно объяснить тем, что в Соединенных Штатах проводилась более жесткая антикоммунистическая политика, повлиявшая на все стороны жизни общества. Отметим, что в номинации лексемы *pinko* прослеживается не только идея «красный» (розовый цвет как оттенок

красного), но также метафорический образ «изнеженный молодой человек», поскольку розовый цвет, как правило, ассоциируется с одеждой маленьких девочек [11]. При референции к взрослым партийным участникам слово *pinko* приобретает еще более негативную коннотацию по сравнению с *bolshie* или *commie*.

Таблица 1

Диахронный анализ эвфемизмов и дисфемизмов, обозначающих принадлежность к политическому течению «коммунист»

Термин	Время появления / Время активного употребления	Идея, заложенная в номинации
communist	середина XIX в.	прямое наименование, заимствование из фр. <i>communiste</i> (commun «общий»), идея «общности»
radical	начало XIX в., в значении «коммунист» – с середины XIX в.	эвфемизм, идея «новатор» заимствование из фр. <i>radicale</i> «меняющий на корню»
red (scare, squad)	середина XIX в.	эвфемизм, идея «красный»
Bolshevik (преимуц. British)	1917 г.	заимствование из рус. <i>большой, великий</i> , идея «большинства», «общности»
party member	1-я пол. XX в., до 1939 г.	эвфемизм, идея «чужой среди своих»
pinko (преимуц. American)	1936 г., часто употреб. в 1950-е гг.	дисфемизм, идея «красный»
fellow traveller (калька с заимствования rorutchik)	1936 г.	эвфемизм, идея «попутчик», т. е. идущий по общему пути; далее развивается идея «чужой среди своих»
commie (преимуц. American)	1940 – 1990-е гг.	фонетическая трансформация слова <i>communist</i>
bolshy (преимуц. British)	1940-е гг.	фонетическая трансформация слова <i>Bolshevik</i>

card-carrying	появился в 1920-е гг., часто употр. в середине XX в.	эвфемизм, идея «чужой среди своих»
revolutionary	в значении «революционный» употр. с конца XVIII в., «коммунист» – 2-я пол. XX в.	эвфемизм, идея «новатор», заимствование из фр. <i>revolutionnaire</i> – революционный
progressive (преимуш. British)	в значении «новаторский» употр. с нач. XX в., «коммунист» – 2-я пол. XX в.	эвфемизм, идея «новатор», заимствование из фр. <i>progressif</i> – идущий впереди, инновационный

При образовании выражения *party member* (букв. ‘партиец, член партии’) используется прием генерализации: опущение ключевого слова (*communist party* – партия коммунистов) и расширение значения фразы до «члена любой партии». До Второй мировой войны человеку необходимо было скрывать членство в коммунистической партии, чтобы не попасть в число изменников [6]. Термин «fellow traveler» («попутчик»), заимствованный из русского языка в 1930-е годы (*poputchik*), имеет в основе концептуальную метафору. Возникает образ человека, который не разделяет всех взглядов своих товарищей-спутников, но имеет достаточно общего, чтобы следовать одной цели [6]. Попутчик не до конца честен с товарищами, что выводит его в ранг «перебежчиков». В статье газеты «Sydney Morning Herald» 1948 года описывается как м-р Девидсон, лидер Австралийско-русского сообщества, уходит с поста из-за нежелания быть обвиненным в ненадежности и пособничестве «перебежчиков», распространяющих буклеты коммунистического содержания [14].

Выражение *card-carrying person* построено на концептуальной метонимии и ассоциируется с так называемой картотекой «черных списков». Правительство помещало лиц с коммунистическими настроениями в черный список неугодных людей. Членство в рабочей партии не приветствовалось в политических кругах; человек, имеющий карту из черного списка, становился изгнанником [7]. В заголовке 1961 года американской газеты «The News and Courier» содержится следующая фраза «Welch denies calling like a card-carrying red» («Велч отказывается называть себя владельцем членского билета “красных”») [13]. Как можно догадаться, представитель ультраправой партии обвинялся

в распространении коммунистических идей, что последний категорически отрицал. В настоящее время указанное выражение обозначает «активного участника какой-либо политической организации» [9].

После распада Советского Союза в 1990-х годах частотность вышеперечисленных лексем сократилась, и их пейоративный оттенок дисфемизмов был нейтрализован в связи с потерей актуальности исследуемого политического течения. Стоит при этом отметить, что слова, репрезентирующие концепт «революционный» (*radical, revolutionary*), стали звеньями другой эвфемистической цепочки – «терроризм», идеологии насилия и практики воздействия на общественное сознание, что подтверждается интенсивной динамикой образования новых эвфемизмов и дисфемизмов с конца 1990-х годов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что многие эвфемизмы и дисфемизмы появляются и уходят из языка с исчезновением тех или иных политических и исторических реалий, причем динамика их образования и угасания зависит от актуальности указанных явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Латишина М. Н.* Семантическая деривация в когнитивном аспекте: дис... д-ра филол. наук. – СПб., 1996. – 258 с.
2. *Порохницкая Л. В.* Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 46 с.
3. *Apfel S.* Hadrian's Echo: The Whys and Wherefores of Israel's Critics. – Houston: Strategic Book Publishing, 2012. – 186 p.
4. *Barber C.* Linguistic Change in Present-day English. – L.: Oliver & Boyd, 1964. – Pp. ix + 154.
5. Etymological English Dictionary. – URL: www.etymonline.com.
6. *Holder R. W.* How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 521 p.
7. *Hughes J.* An Encyclopedia of Swearing: The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language, and Ethnic Slurs in the English-Speaking World. – L.: M. E. Sharpe, 2006. – 574 p.
8. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. – 3rd ed. – US: NTC Publishing Group, 2000. – 560 p.
9. Oxford English dictionary. – URL: <http://www.oed.com/>.
10. Oxford Advanced Learner's Current English / Chief ed. Sally Wehmeier. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 1780 p.

11. *Rawson H.* Wicked Words: A Treasury of Curses, Insults, Put-Downs, and Other Formerly Unprintable Terms from Anglo-Saxon Times to the Present – N. Y. : Crown Publishers, Inc., 1989. – 449 p.
12. The Canadian Jewish Chronicle. – Vol. 25. – № 34. – Toronto : Jan 14, 1937. – 14 p. – URL: <http://news.google.com/newspapers?nid=883&dat=19370114&id=WOFOAAAIBAJ&sjid=XUwDAAAIBAJ&pg=3637,415271>.
13. The News and Courier. – Vol. 159. – № 91. – Charleston: Apr 2, 1961. – 57 p. – URL: <http://news.google.com/newspapers?nid=2506&dat=19610402&id=CKFJAAAIBAJ&sjid=vAwNAAAIBAJ&pg=1854,314305>.
14. The Sydney Morning Herald. – Vol. 516. – № 34. – Australia, Sydney: Aug 6, 1948. – 12 p. – URL: <http://news.google.com/newspapers?nid=1301&dat=19480806&id=f6wQAAAIBAJ&sjid=xpMDAAAIBAJ&pg=4900,2672773>.

УДК 81'373

Е. Б. Кивилева

ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ
e-mail: stolenlight@mail.ru

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАРОНИМИКИ КАК РАЗДЕЛА ОНОМАСТИКИ

Автор статьи ставит целью обосновать лингвистические, культурологические и исторические перспективы исследования каронимики как науки о закономерностях названий и прозвищ кораблей и судов. Приводятся примеры имен и названий кораблей американского и британского флотов в сравнении с общемировыми номинативными тенденциями. Особый акцент ставится на метафорическом характере номинации.

Ключевые слова: каронимика; ономастика; динамизм; статика; прозвище; метафоричность; вторичная номинация.

E. B. Kivileva

Post-graduate student at the Chair of English Lexicology, MSLU
e-mail: stolenlight@mail.ru

DYNAMIC CHARACTER OF CARONIMICS AS BRANCH OF ONOMASTICS

The article aims at justifying the linguistic, culturological and historical perspectives of caronimics which puts under analysis the principles of ships' naming and nicknaming. We resort to illustrations from the British Navy and American Navy ships in comparison with universal naval naming traditions. The research centers on the metaphorical grounds of this type of nomination.

Key words: caronimics; onomastics; dynamic character; static character; nicknaming; metaphor; secondary nomination.

Динамика и статика как характеристики лингвистической науки определяют ее устойчивость и развитие. В данном исследовании мы стремимся описать новые дисциплины через призму этих характеристик. Одной из таких дисциплин является каронимика (*греч.* корабос – корабль + онома – имя) – наука, которая занимается названиями кораблей и судов, историей их возникновения, структурой и традициями наименования. Каронимика развивается как ветвь ономастики и является яркой иллюстрацией междисциплинарного характера

современной науки, поскольку находится на стыке истории и лингвистики [10].

Название корабля, таящее в себе отчасти характеристики прозвища, но документально зафиксированное, – это уникальное языковое явление. Согласно универсальным мировым тенденциям военных флотов мира названия кораблей зависят от множества факторов: экстралингвистических (ранг и характеристики корабля), исторических (время и место спуска на воду), лингвокультурологических (национальные и языковые традиции наименования).

Основатель каронимики Ю. С. Крючков пишет, что все корабли, даже небольшие яхты, имеют собственные имена: «Названия военных кораблей регулярных флотов не являются абстрактными и случайными. Они знакомят нас с историей страны и народа, знаменитыми битвами, героическими подвигами моряков, местами, где происходили исторические события, историческими и государственными деятелями определенной эпохи и т. д. Корабли – это книга, в которой история нашей страны записана их именами» [6].

Наименования в каронимике обладают характеристиками вторичной, идеологической и стратегической номинации. Имена кораблей имеют переносное значение, подчеркивают стремление государства к международному престижу, сохранению традиций, поднятию патриотического духа. Для иллюстрации обратимся к справочникам американских и британских военных кораблей [22, с. 4]. Достаточно частотными показали себя «агрессивные» и «величественные» имена, например: «USS Shark» (подводная лодка), «HMS Leopard» (противовоздушный фрегат), «HMS Lion» (крейсер).

Динамизм каронимики – это, во многих отношениях, статический динамизм. Устойчивость номинативной системы, соблюдение традиций наименования, множество ссылок в сегодняшних названиях на корабли ушедших эпох – все это связано со статикой. Непрерывное развитие, зависимость от исторического периода и перемены, приносимые им, напротив, крайне динамичны. Религия, история, литература, мифология хранят немало примеров названий выдающихся кораблей прошлого, таких как «Арго» [11]. Однако каждая новая эпоха диктует свои каноны номинации. Более того, после гибели корабля или отправки на слом его название традиционно передавалось другому кораблю соответствующего ранга и размера. Недаром существует крылатое выражение «Корабли не умирают».

Во флотах разных стран преобладают те или иные особенности наименования. Так, отличительной чертой американских названий кораблей является относительная нестройность системы, возникшая в результате несоответствия исторических закономерностей требованиям современности [22].

Названия американских кораблей заимствуются из многочисленных источников. Первый корабль американского флота был наречен «Alfred» в честь Альфреда Великого, короля Уэссекса, который считается основателем английского флота. Другие названия первых кораблей отражали идеалы молодого государства («Constitution», «Independence», «Congress»), географические объекты («Boston», «Virginia»). Бриги и шхуны часто именовали в честь положительных черт характера («Enterprise», «Diligent») или насекомых с ядовитым жалом («Hornet», «Wasp»), а также в память о классических тенденциях («Syren», «Argus»). В 1819 году право наречения кораблей было формально закреплено за министром флота. Он принимал решения лично после согласования с президентом и следовал определенным правилам: корабли первого класса (классы различались по количеству пушек) назывались в честь штатов; второго класса – в честь рек; третьего класса – в честь городов. Кроме того, учитывается ранг корабля, общее распределение названий во флоте, рекомендации отдельных лиц. Аббревиатура USS (United States Ship) перед названием судна используется в официальных документах для обозначения корабля на службе у флота, после его ввода в эксплуатацию.

По традиции имя дается кораблю перед тем, как он проходит процедуру «крещения», будущий «крестный» (sponsor) избирается министром флота из числа жен и/или потомков героев морских боев. Здесь становится очевидной традиция «одушевления» кораблей, приписывания им черт живых существ, поэтому и без имени корабль обойтись не может. Причем имя часто усиливает степень персонификации, когда корабль называется именем известного человека или животного: «USS Ronald Reagan», «USS General Greene», «USS Jimmy Carter»; «USS Dolphin», «HMS Lynx».

Американские названия исторически следовали определенным правительственным директивам. Линейные корабли называли в честь штатов, крейсера – в честь городов, эскадренные миноносцы (эсминцы) – в честь героев морского флота, подлодки – в честь рыб и морских животных, авианосцы – в честь кораблей прошлых лет и битв.

Авианосцы «Bonne Homme Richard» и «Ranger» унаследовали свои имена от старинных кораблей-героев, «Saratoga» и «Lexington» напоминали об одноименных битвах, авианосец «Roosevelt» отмечал заслуги министра флота, впоследствии президента [18].

Продолжая идею «одушевленности» корабля, мы не можем обойти вниманием недавнюю дискуссию на тему рода корабля в английском языке [23]. К кораблю традиционно применяется местоимение женского рода *she*, что зафиксировано в британском и американском национальных корпусах [12; 14]:

How does she bear? The ship, I mean.

...but a close examination of the ship shows that she was not sunk by enemy fire.

She runs well before the wind.

She sounds rough; maybe the engine needs tuning.

Однако со временем эта языковая особенность стала казаться многим несколько устаревшей. Что касается американского флота, то его представители, надо сказать, уже определились с выбором в этом направлении: ВМФ США принял решение внести изменения в соответствии с «Associated Press style guide» и использовать по отношению к кораблю местоимение *it* в официальных источниках. Их британские коллеги воспринимают обращение к кораблю как к неодушевленному предмету с негодованием и подвергают это нововведение критике. Но никакие законодательные инициативы не влияют на общее восприятие корабля как живого существа, человека, друга, особенно теми, кто непосредственно на нем служит.

В целом, особенность британской системы заключается в ее элегантности и традиционности. Более очевидным кажется и желание подчеркнуть величие флота и государства посредством названий: «HMS Swiftsure», «HMS Revenge», «HMS Conqueror», реже используются личные имена и географические названия. Корабли британского флота имеют аббревиатуру HMS (His or Her Majesty's Ship). Классы кораблей различаются по количеству пушек, что указано в качестве номера после имени корабля согласно постановлению адмиралтейства.

Великобритания славится всемирно известными династиями судов, например «Discovery». Всего до 1860 года в британском флоте 7 судов носили это имя, среди них и знаменитое судно Кука. Другим

основателем династии стал английский парусно-паровой корвет «Challenger». На его гербе был изображен рыцарь, бросающий перчатку морю, в этом образе заключено первичное значение слова *challenge*: «A call to someone to participate in a competitive situation or fight to decide who is superior in terms of ability or strength» [20], т. е. *дуэль*. В присвоении кораблям названий строго соблюдают традиции исторической преемственности: например, участник Второй мировой войны авианосец «Ark Royal» («Королевский ковчег») ведет свою историю от одноименного галеона, спущенного на воду в 1587 году и действовавшего против испанской «непобедимой армады» [21].

Британские и американские традиции наименования перекликаются с общемировыми и российскими закономерностями присвоения имени кораблю. Во флотах разных стран преобладают те или иные домены, откуда заимствуются лексические единицы – названия.

В России законодательное обоснование формальному называнию кораблей и судов восходит ко времени правления Петра I, например первый русский боевой корабль назывался «Орел». Другая тенденция связана с тем, что имя для корабля изначально выбирал царь, а впоследствии этот выбор зависел также и от ранга корабля: например, имена «Цвет войны», «Лев», «Геркулес» подчеркивают смелость моряков и могущество Русского флота. Наиболее соответствовали своим названиям брандеры, предназначавшиеся для сожжения судов противника: «Вулканус», «Феникс». Имя кораблю присваивается приказом главнокомандующего ВМФ России.

Немаловажно и то, что имена кораблей выстраиваются в иерархию: более престижными в русской и зарубежной каронимике считаются религиозные, исторические, монархические имена, которые способствуют укреплению веры и устоев государственности. Названия в честь выдающихся кораблей и офицеров морского флота и других исторических фигур также имеют высокий статус, например: «HMS Trinity», «HMS Queen Elizabeth», «USS The Sullivans», «USS Goliath».

К рядовым можно отнести ботанические и зоологические названия. Так, большую группу названий кораблей составляют имена нарицательные из домена живой природы, например одно время американские минные тральщики именовались в честь птиц: «USS Meadowlark», «USS Falcon». Причиной послужило увлечение помощника министра флота – Франклина Д. Рузвельта – орнитологией.

Кроме имени, номера, эмблемы и девиза, корабли могут иметь прозвища. Данное однажды, прозвище становится неотъемлемой частью объекта, ассоциируется с ним, может пережить и корабль, и его официальное имя: судно Христофора Колумба известно не под официальным названием «Санта Клара», а под прозвищем, данным ему моряками – «Крошка». Важное отличие прозвищ от официальных названий состоит в стихийном характере прозвищного наименования, инициируемого не официальными лицами, а командой.

Лингвистические особенности прозвищ кораблей повторяют особенности личных прозвищ:

1) шуточный, ироничный характер. Имя корабля «USCGC Legare» дополнялось забавным прозвищем «Leg Hair». Корабль «HMS Western Super Mare» в шутку прозвали «Aggie on Horseback» [19];

2) упрощенная форма, ласковое «домашнее» звучание. Корабль в честь греческого бога «Bellerophon» стали называть «Billy Ruffian», «The Invincible» превратился в «Invinci-bubble»;

3) преувеличение. Корабль «Sovereign of the Seas» имел прозвище «Gold Devil», поскольку он выглядел устрашающе и был богато украшен золотом;

4) метафоричность. Корабль «USS Constitution» прозвали «Old Ironsides», поскольку считалось, что он выдержит огонь любой канонады.

Остановимся подробнее на названиях американских и британских кораблей – метафорически переосмысленных именах нарицательных из домена животного мира. Здесь мы снова возвращаемся к тесной связи между кораблями и живыми существами. История хранит данные, что на корме кораблей рисовали глаза, чтобы они хорошо видели опасность.

Процесс создания названий и прозвищ отражает закономерности номинативной деятельности человека и является необычайно творческим. Вторичная номинация строится на восприятии одного концепта через другой [17], на базе одного или нескольких признаков объекта источникового домена, причем не всегда основных; далее выбранный признак проецируется на объект целевого домена. Выделение одной из характеристик, в основном, происходит по принципу загадки, когда загадывающий называет только самые существенные свойства, по которым мы легко отгадываем слово, т. е. животное, отличающееся гигантским размером и обитающее в океане, – это, скорее

всего, кит (подводная лодка «USS Whale»). А неуклюжая птица, с забавной характерной походкой, которая не умеет летать, но прекрасно плавает, – это пингвин («ASR 21 Pigeon»). Тем не менее проецироваться могут и другие, на первый взгляд, незначительные, особенно с точки зрения биологии, признаки: обычно это те качества, которые первыми приходят на ум при упоминании о существе или предмете. Так, название судна «HMS Fox» фокусирует внимание на хитрости, которая, согласно фольклорным представлениям, присуща животному. Примеры из Британского национального корпуса также выводят на первый план эту характеристику [12]:

CD9 370 Either he is as simple and as straightforward as he would like us to believe, or he is...so infinitely and deviously smart that, like a fox, he just can't be captured.

SKE 1437 He was out in a flash, going past Dolly like a fox slipping the hounds.

GW2 1237 He was still grinning like a fox.

Именно метафоричность определяет степень мотивированности имен и прозвищ кораблей. Это прежде всего вызвано целенаправленным, а неслучайным наименованием. По мнению Д. И. Ермоловича, немотивированность прозвищ отмечается, когда причина и история создания данного прозвища неясна говорящему или слушающему [2]. Мотивация в данной категории может оказаться подвижной, она уточняется и меняется. Как и любая языковая единица, имя корабля, в терминологии А. А. Потемби, может обладать «поэтичностью» или «прозаичностью», т. е. демонстрировать или скрывать свою внутреннюю форму [9].

Ермолович пишет, что: «В отличие от сравнения метафора не ставит рядом два уподобляемых предмета, а образно подменяет один другим, как бы устраняя существующие между ними различия. Кроме того, если сравнение уподобляет предметы, как правило, по какому-то одному признаку, разграничивая их в остальном, то в метафоре уподобляемые предметы могут наделяться не обязательно одним, а и сразу несколькими общими признаками или даже неопределенным кругом общих свойств» [2, с. 61].

Рассматривая процедуру наименования с позиции фреймовой семантики Ч. Филлмора [15], мы можем выделить в категории «животное» в качестве слотов множественные категориальные признаки [1]:

размер, окрас, среда обитания, характерное поведение и др. Фреймовая концепция позволяет моделировать понимание [13]. В такой схеме многие слоты могут быть еще не занятыми и заполняться по мере ознакомления с ситуацией или контекстом. Нейтрализуются пробелы, активируются исторические, причинно-следственные, логические связи [15, с. 125].

Категориальные признаки составляют лексическое значение слова [16]: фрейм с определенным количеством слотов. Каждый слот – это знак, который может быть как определяющим, так и второстепенным для лексического значения в целом. Метафора может строиться не только на первостепенных признаках, но и на дополнительных. Той чертой, которая становится ключевым фактором для переноса значения с категории «животное» на категорию «военно-транспортное средство» может стать и абстрактный концепт: например, опасность («USS Skate»), легкость («USS Flying Fish»), стремительность («HMS Eagle»), скорость («HMS Jaguar»).

Большинство единиц вторичной номинации, которыми являются имена кораблей, образны, экспрессивны, эмоционально-оценочны, стереотипичны. Вторичная номинация зиждется на ярких образах, впечатлениях, ассоциациях. Метафорические ассоциации могут показаться достаточно неожиданными, например, в следующих прозвищах: «Three Ostrich Feathers», «Blade of Wheat», «Who's Afraid», «Free Love», «Catch me who can», «Go-Ask-Her» [3]. Такие имена можно считать окказиональными.

Таким образом, наименование в каронимике носит одновременно статический и динамический характер. Имя корабля включает в себе лингвистические и экстралингвистические сведения, следует правилам соответствующего языка, аналогии создания воспроизводимых имен. Процесс присвоения имени военному кораблю, имеющий свою собственную стройную систему с присущими ей правилами, – это яркая иллюстрация взаимодействия многовековых традиций и современности. Имя корабля связано с его «национальностью», а также с историческим периодом, общественно-политическим строем в стране и уровнем развития государства [5]. Корабль технически отражает достижения своего времени. Военная отрасль жизненно необходима государству, следовательно, должна хорошо финансироваться и быть средой внедрения современных технологий. Мы отмечаем высокую

функциональность имен кораблей как лексической категории: названия идентифицируют, а прозвища характеризуют, оценивают, выделяют. Как говорил незабвенный капитан Врунгель, «имя для корабля – то же, что фамилия для человека. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» – перед ним льды расступятся сами... а назовите свое судно «Корыто» – оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде» [8, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Давыдова Н.А.* Категориальные признаки в лексическом значении существительных, обозначающих наименования животных в современном английском языке // Лексическая система как результат и инструмент познания. – М. : МГЛУ, 2006. – 91–97 с. – (Вестник МГЛУ; вып. 512. Сер. Лингвистика).
2. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
3. *Каланов Н.А.* Морская библиотека // Названия военных исследовательских судов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=22> (дата обращения: 9.05.2014).
4. *Коваленко В.А., Остроумов М.Н.* Справочник по иностранным флотам. – М. : Воениздат, 1971. – 688 с.
5. Когда и как стали называть корабли // Корабельный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://korabley.net/news/kogda_i_kak_stali_nazyvat_korabli/2012-08-30-1251, <http://www.kalanov.ru/index.php?id=39> (дата обращения 9.05.2014).
6. *Крючков Ю.С.* Имена кораблей – это книга истории // Николаевский базар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bazar.nikolaev.ua/content/имена-кораблей-это-книга-истории> (дата обращения: 9.05.2014).
7. *Макаров А.Р.* Боевые корабли мира // Иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Полигон, 1995. – 577 с.
8. *Некрасов А. С.* Приключения капитана Врунгеля. – М. : Детгиз, 1958. – 196 с.
9. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. – М. : Правда, 1989 / Сканирование: <http://narrativ.boom.ru/library.htm> (Библиотека «Narrativ»)
10. Роснефтефлот // Откуда пошли названия кораблей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosneftflot.ru/pages.aspx?ln=RU&cid=452&cs=3&cs2=5> (дата обращения: 9.05.2014).
11. Электронная энциклопедия кораблей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ship.bsu.by> (дата обращения: 9.05.2014).

12. British national corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 9.05.2014).
13. *Charniak E.* 1982 – Context recognition in language comprehension // Strategies for natural language processing. – N. J.: Hillsdale; L.: Erlbaum, 1982. – P. 435–454.
14. Corpus of Contemporary American English. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 9.05.2014).
15. *Fillmore Ch. J.* An alternative to checklist theories of meaning // BLS. – 1975. – V. 1. – P. 123–131.
16. *Fillmore Ch. J.* Frame semantics and the nature of language // In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. – 1976. – Vol. 280. – P. 20–32.
17. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 242 p.
18. Naming Ships // Global Security Domain. – URL: <http://www.globalsecurity.org/military/systems/ship/names.htm> (дата обращения: 9.05.2014).
19. Nicknames // Royal Navy. – URL: <http://myweb.tiscali.co.uk/navysong/Nicknames.htm> (дата обращения: 9.05.2014).
20. Oxford Advanced Learner’s Dictionary Online. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – URL: <http://www.oup.com/elt/catalogue/teachersites/oald7/?cc=ru> (дата обращения: 5.04.2014). – OALD.
21. *Phillips M.* A history of the sailing ships of the Royal Navy // Ships of the Old Navy. – URL: <http://www.ageofnelson.org/MichaelPhillips/> (дата обращения: 9.05.2014).
22. Ship Naming in the United States Navy // Department of the navy: naval history and heritage command. – URL: <http://www.history.navy.mil/faqs/faq63-1.htm> (дата обращения: 9.05.2014).
23. Wordreference // Language Forums. – URL: <http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=770321> (дата обращения: 9.05.2014).

УДК 811.111.1'373

Н. А. Лаврова

доктор филологических наук
доцент кафедры лексики английского языка факультета
иностранных языков МПГУ
e-mail: lavruscha@gmail.com

КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор статьи останавливается на основных ономазиологических моделях контаминированных образований, семантике, прагматике, а также когнитивно-дискурсивных параметрах контаминации. Исследование выполнено в русле наметившейся в последние десятилетия переориентации с внутродисциплинарного, предметно-специализированного анализа на междисциплинарный подход к языковым явлениям и фактам, что позволяет по-новому взглянуть на генезис, функционирование и роль контаминированных образований в пополнении словарного состава современного английского языка.

Ключевые слова: неология; контаминация; когнитивно-ономазиологическое моделирование; концептуальная интеграция.

Lavrova N. A.

Doctor of Philology
Assistant Professor
Chair of the English Language, Department of Foreign Languages MHGU
e-mail: lavruscha@gmail.com

CONTAMINATION IN MODERN ENGLISH: PRELIMINARY FINDINGS AND OUTLOOK FOR FURTHER RESEARCH

The main objective of the undertaken research is an all-round, synchronic and systemic analysis of contamination in modern English, as well as highlighting the essence of contamination and explicating the mechanisms that operate when contaminated words (aka blends) are coined in English. The subject-matter is onomasiological models of blends, their semantics, pragmatics, cognitive and discursive parameters. The research aims at integrating the findings of various contiguous disciplines and sciences, such as cognitive science, psychology, cognitive semiotics and cognitive sociology.

Key words: neology; contamination; onomasiological modelling; conceptual integration (blending).

Проблематика исследования контаминации в современном английском языке лежит на пересечении нескольких научных парадигм: структурной, коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной.

Распространению и популяризации контаминации в большой степени способствует английский язык, что обусловлено одноморфемной структурой английского слова и отсутствием флексий, а также языки германской группы – немецкий, шведский, норвежский, датский. В последние десятилетия по причине популярности и востребованности английского языка на мировом уровне контаминация проникает и в языки иных групп – преимущественно, романские и славянские. Существуют и языки, которым контаминация оказывается абсолютно чуждой, например персидский и китайский: отсутствие контаминации в персидском обусловлено опущением гласных на письме, распространению контаминации в китайском препятствует силлабическая структура слова и идеографическая система письма.

Для обозначения соответствующих лексических единиц зарубежные исследователи используют термины «слова-телескопы», «слова-портмоне», «бленды», «слова-гибриды», при этом в американском языкознании наиболее распространенным является термин «бленд», в британском – «слова-телескопы» и «слова-портмоне». В российской традиции по отношению к словам, созданным с помощью словообразовательной модели стяжения, используется, преимущественно, термин «контаминация».

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что в настоящее время контаминанты представляют собой динамично развивающийся пласт лексики, что подтверждается активным использованием этой словообразовательной модели в языке рекламы, в медиадискурсе, в современной англоязычной литературе. Несмотря на некоторую теоретическую и описательную работу в области контаминированного словотворчества, большинство вопросов, связанных с контаминацией, до сих пор рассматривались фрагментарно и атомарно, поэтому можно говорить о том, что они остаются нерешенными или не достаточно разработанными.

Применение междисциплинарного подхода к анализу контаминации не вызывает сомнения по причине сложности и многоплановости процесса контаминированного словотворчества, в котором ведущую роль играют такие факторы, как проявление индивидуальности

языковой личности, усиление личностного начала текста и его имманентная диалогичность, влияние устной формы на письменную речь.

Долгое время контаминанты по причине того, что они состоят из квази-морфем, не рассматривались серьезно в словообразовательной системе английского языка. Однако в последние десятилетия ситуация кардинальным образом меняется: в большинстве учебных изданий, особенно зарубежных, контаминации отводится все больше и больше физического пространства, посвященного обсуждению таких важных вопросов, как ее структура, семантика, прагматика и когнитивные особенности. Одним из самых главных аргументов в защиту контаминации является ее *методическое использование в качестве вспомогательного средства обучения чтению*: упражнения по определению границы морфологического шва в контаминированном слове способствуют формированию навыка сегментации слова. На материале английского языка подобного типа упражнение содержится в учебнике для 3-го класса школ с углубленным изучением английского языка И. Н. Верещагиной и Т. А. Притыкиной [1]. Примечательно, что авторы учебника предлагают детям занять активную позицию и не только декодировать англоязычные контаминанты, но и *придумать* контаминированные слова – названия вымышленных, гибридных животных, картинки которых представлены на странице 170 учебника. Задание сформулировано следующим образом: Look at the picture of these funny animals and say who is who. *Examples*: The first animal is a *parrotiger*. The second animal is a ... [1, с. 170].

В зарубежном пособии «All-Star Phonics and Word Studies» контаминации отводится отдельный раздел под названием «Word Origins». Тот факт, что упражнения предназначены для дошкольников и школьников младших классов, свидетельствует о том, что контаминанты не только не затемняют структуру слова, но, напротив, способствуют четкому формированию представления о границах слов и / или значимых границ слов – морфем.

На наш взгляд, проблема исследования контаминации заключается в определении того, каким образом контаминированное словообразование служит цели познания субъектом окружающего мира и как определенные фрагменты действительности концептуализируются и вербализируются посредством контаминированного слова.

Исследование причин активизации контаминированных конструкций в современном английском языке обнаружило, что данное

обстоятельство есть прямое следствие новой тенденции – потребности выражения нового смысла новой, уникальной, малопредсказуемой в плане своей морфологии формой. Кроме того, контаминированное словотворчество представляет собой оптимальное средство обеспечения познавательной деятельности индивида, поскольку отражает и/или интерпретирует воспринятый им мир посредством экспликации наиболее значимых прежде всего с эмоционально-оценочной точки зрения для человека смыслов.

Поскольку семантика контаминированного слова представляет собой функцию значений входящих в него компонентов, характеризуется недетерминизмом и некомпозициональностью, при анализе структуры и семантики контаминантов оказался продуктивным метод когнитивно-ономасиологического моделирования. Материалом сопоставительного анализа послужили как предметные, так и окказионально-авторские контаминанты, отобранные методом систематической и случайной выборки.

Результаты сопоставительного анализа предметных неоконтаминантов и окказиональных контаминантов позволили сформулировать следующие выводы:

– для предметных контаминантов типичными видами пропозициональных отношений являются аппозитивно-комплементарные, т. е. такие, в которых наблюдается равный семантический и перцептивный объем признаков двух предметов или явлений, так что обнаружить их иерархическую организацию оказывается затруднительным, а в ряде случаев невозможным. Это касается следующих контаминантов: 1) *kug* (*kettle* + *mug* – кружка-чайник); 2) *pencilighter* (*pencil* + *lighter* – карандаш-зажигалка); 3) *swacket* (*sweater* + *jacket* – комбинированная куртка-свитер). Нетипичными оказались отношения оценки, контрадикторности, а также аппозитивно-синонимические, поскольку они избыточны для обозначаемого конкретного предмета, представляющего новое понятие;

– в окказионально-авторской лексике типичными оказались отношения оценки, что свидетельствует о том, что окказиональные контаминанты представляют собой трансноминанты – лексемы, использующиеся не столько с целью заполнения определенных лакун, сколько в психологических – оценочно-экспрессивных целях;

– анализ частотности базисных и признаковых компонентов в составе контаминантов выявил следующую закономерность: в иссле-

дованном корпусе (1 тыч. предметных неоконтаминантов) повторяющимися базисными элементами оказались следующие лексемы: *magazine* (4), *vegetarian* (3), *astronaut* (3), *hotel* (2), что свидетельствует о важности таких сфер в современном англоязычном мире, как научно-популярное распространение информации, вопросы здорового питания, освоение космического пространства и туризм;

– изучение окказионально-разговорной контаминированной лексики обнаружило следующие наиболее частотные признаковые элементы: *cinema* (14), *man* (11), *Europe* (10), *female* (9), *fun* (9), *magic* (8). Данные признаковые элементы свидетельствуют о том, что в современном англоязычном мире также оказываются значимыми такие фрагменты действительности, как индустрия развлечений (*cinema, magic, fun*), отношения полов (*female, man*), а также деятельность Евросоюза (*Europe*) [6].

Ключевым положением контаминированного словотворчества является не всегда лежащий на поверхности креативный потенциал контаминации, обеспечивающий коммуникативно эффективное общение посредством языковой игры. Контаминанты в игровой функции встречаются преимущественно в *малоформатных текстах* – в рекламных лозунгах и в газетно-журнальных заголовках, в названиях торговых марок и в оценочных именах собственных (*Cf. Brangelina*). Заметим, что большинство контаминантов в малоформатных текстах представляют собой прецедентные имена, основанные на фоновом знании соответствующих культурно-исторических реалий. Введение контаминированного прототекста способствует большей диалогичности и полемичности текста, повышая его прагматическую нагрузку: *Dairy Potter, Danimals, Carhenge, Americone Dream, governor, guitarzan, Algore-ithm*.

Изучение вопроса распространения и порождения контаминантов обнаружило довлеющее влияние коммуникативной среды Интернета. Это обстоятельство обусловлено ведущей ролью технического жаргона Интернета, представляющего собой языковой субстрат контаминированных компьютерных терминов. Проанализированный материал показал, что от общего числа контаминантов-терминов (17,4%) компьютерная терминология составляет около 5,6% и занимает первое место, при этом в тематическом отношении наибольшее количество контаминированных слов связано с понятием коллективной доски обсуждений (более известной как «сетевой дневник») «blog» (bleg,

blogxploitation, blogtry). На втором по частотности месте находятся контаминанты, одним из мотивирующих элементов которых выступает лексема «electronic» (*e-vailable, e-praise, e-bandon*), на третьем – контаминанты, образованные от английского компьютерного термина «icon» (*icontainer, emoticon, decepticon*), представляющего собой знак-пиктограмму и обозначающего различные виды папок, файлов и ярлыков.

Помимо массмедийного дискурса, контаминация проникает и в художественную литературу. В литературе контаминированные слова создаются и функционируют, главным образом, в произведениях неклассического, модифицированного фэнтези (С. Кинг, Дж. К. Роулинг), утопиях (Дж. Джойс), антиутопиях (Дж. Оруэлл), а также в произведениях, предназначенных для детей (В. Канн, Э. Канн), в пародийно-сатирических и шуточно-игровых произведениях (Б. Стинсон, Д. Морер).

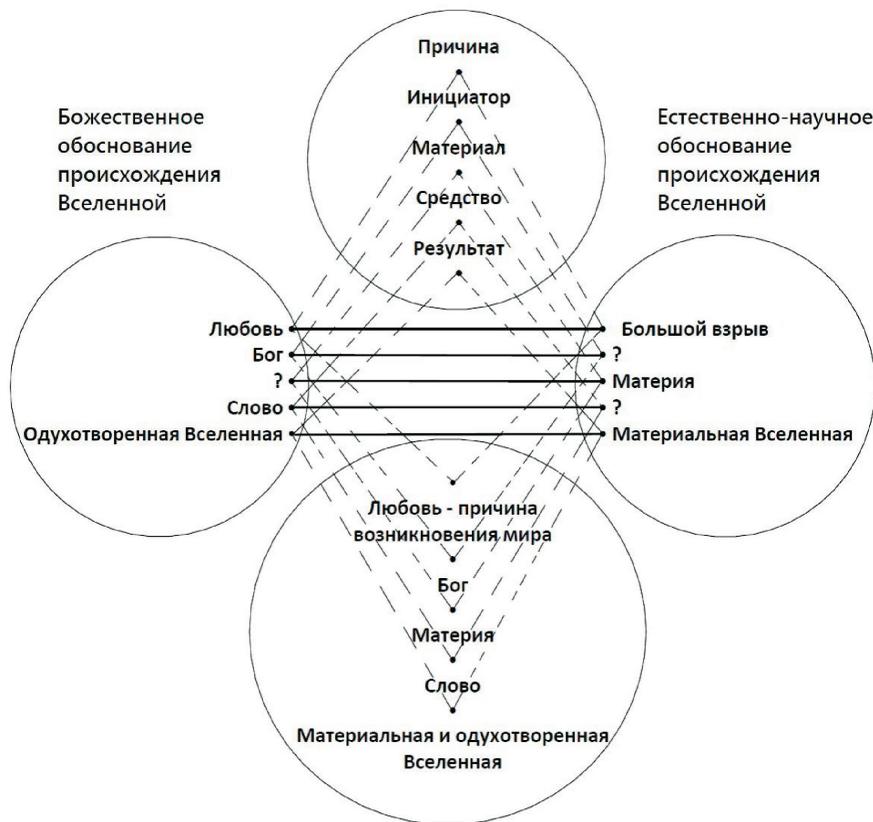
В зависимости от мастерства и художественной одаренности писателя контаминанты могут как украшать произведение, так и делать его претенциозным, навязчивым или не всегда доступным массовому читателю. Последнее замечание касается контаминантов, созданных ирландским писателем Дж. Джойсом на страницах произведений «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Известно, что прототипический контаминант состоит из двух основ, отчасти потому, что с когнитивной точки зрения создать, равно как и дешифровать, контаминант, состоящий из трех, четырех и более основ, достаточно затруднительно. И в этом смысле Дж. Джойс демонстрирует мастерство в создании не только четырех- и пятиосновных контаминантов, но шести и даже семи. Так, в «Улиссе» содержится уникальный пример семиосновного контаминанта «*contransmagnificandjewbangtiantiality*» [2, с. 15]. Данный контаминант представляет собой не только формальный, но и концептуальный бленд, который можно проанализировать с позиции теории концептуальной интеграции, предложенной Ж. Фоконье и М. Тернером и получившей применение в работах венгерского ученого З. Ковечеша, а также в работах отечественных исследователей, в том числе в работах преподавателей МГЛУ (Е. С. Кубряковой, Е. Г. Беляевской, О. К. Ирисхановой и др.). Контаминант «*contransmagnificandjewbangtiantiality*» состоит из следующих основ: *consubstantiation, transubstantiation, magnificent and Jew (Jesus Christ), bang, reality*. Данный концептуальный бленд содержит в себе элементы

двух ментальных пространств, которые можно определить как «Божественное обоснование происхождения Вселенной» и «естественно-научное обоснование происхождения Вселенной» (теория большого взрыва). Анализируемый бленд основан на так называемой бикомпонентной форме, или двойной интеграционной сети. В данном случае ментальные пространства нельзя обозначить как пространство-цель и пространство-источник, поскольку концептуальные компоненты обоих заимствуются в равном объеме и взаимно влияют друг на друга. Родовым пространством выступают абстрактные концептуальные форманты, которые можно обозначить как *причина, инициатор, материал, средство, результат*.

При построении соответствий между элементами исходных пространств, можно видеть, что некоторые слоты остаются незаполненными, например слот «материал» в первом пространстве и слоты «инициатор» и «средство» во втором:

Абстрактные концептуальные форманты Пространство	Пространство I	Пространство II
	Божественное обоснование происхождения Вселенной	Естественно-научное обоснование происхождения Вселенной
Причина	любовь	большой взрыв
Инициатор	Бог	?
Материал	?	физическая и химическая масса
Средство	слово	?
Результат	одухотворенная Вселенная	материальная Вселенная
Концептуальный бленд	реальность как комплексная структура, сочетающая элементы материального и духовного	

В пространстве-бленде, которое можно обозначить как «реальность как комплексная структура, сочетающая элементы материального и духовного», материальная Вселенная получает творца – Бога и слово в качестве средства, становясь таким образом более одухотворенной, в то время как нематериальная, одухотворенная Вселенная получает физическую и химическую массу в качестве строительного материала, тем самым обретая материальный фундамент.

Представляется, что применение принципов концептуальной интеграции к анализу когнитивной структуры контаминантов способствует более глубокому осмыслению того, какие когнитивные механизмы лежат в основе каждого контаминанта, кроме того, в случае если у контаминанта есть определенный автор, например автор художественного произведения, – представляется, что исследование именно когнитивного основания контаминанта позволяет лучше понять не только позицию автора в конкретном произведении, но и мировоззрение автора в целом. Таким образом, можно видеть, что контаминированные лексемы как предмет изучения лексикологии имеют непосредственный выход в литературоведение. Кроме того, анализ структуры и семантики контаминантов при посредстве метода когнитивно-ономасиологического моделирования и концептуальной

интеграции оказывается непосредственно связанным с когнитивной семиотикой, а изучение контаминированных жаргонизмов различных профессиональных и социальных групп не может быть полноценным без привлечения методологической базы когнитивной социологии.

В заключение хотелось бы наметить некоторые перспективные направления изучения контаминированных образований. Прежде всего, речь идет о поиске непротиворечивой и надежной методологической базы, которая позволила бы четко эксплицировать слова-идентификаторы и избежать некоторой априорности и субъективности, а также в меньшей степени полагаться на метод интроспекции в процессе экспликации ономаσιологических моделей как контаминированных лексем, так и иных вторичных единиц номинации. Другими перспективными направлениями в изучении контаминированной лексики представляются следующие:

- 1) сопоставительный анализ когнитивно-ономаσιологических моделей контаминантов в германских, славянских и других языковых группах;
- 2) более детальное разграничение контаминированных образований и иных образований, созданных по аналогии;
- 3) изучение контаминированной лексики на корпусном материале;
- 4) разработка методики анализа контаминанта в качестве эмотива;
- 5) изучение психолингвистического значения кодифицированных контаминантов с целью уточнения и модификации их лексикографического значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верещагина И. Н.* Английский язык: учеб. для III кл. шл. с углубл. изучением англ. яз., лицеев и гимназий: 2-й год обучения / И. Н. Верещагина, Т. А. Притыкина. – 13-е изд. – М.: Просвещение, 2007. – 352 с.
2. *Горбунова Н. Г.* Языкотворчество Дж. Джойса: словообразовательный аспект (на примере романа «Улисс»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 18 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
4. *Лаврова Н. А.* Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 49 с.

5. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N. Y.: Basic Books, 2003. – 464 p.
6. *Joyce J.* Finnegans Wake. – L.: Clays Ltd., 2000. – 628 p.

УДК 811.111'373

Н. В. Таранова

кандидат филологических наук
ст. преподаватель кафедры иностранных языков аграрного факультета
Российского ун-та Дружбы народов
e-mail: magnit_nadya@mail.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУР ИНФЕРЕНЦИИ
ПРИ ОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗОВЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(на материале единиц типа «drop-in», «playback»)**

В статье предпринимается попытка описания семантики имен существительных (типа *throw-back*). Они представляют собой конверсивы особого рода образованные от глаголов с аналитической структурой, называемых по традиции фразовыми. Сложный процесс понимания значения необычного конверсива включает в себя считывание информации из его языковой оболочки (глагол + частица), а также на инференции (семантическом выводе) – своеобразном «отгадывании» реального содержания отглагольного имени в соответствии с фоновыми знаниями и в зависимости от контекста.

Ключевые слова: инференция; номинализация; имена существительные; концепт; семантика.

Taranova N. V.

PhD, Senior Lecturer,
Chair of Foreign Languages Peoples' Friendship University of Russia
e-mail: magnit_nadya@mail.ru

**INFERENCE AS A MEANS OF DESCRIBING THE SEMANTICS
OF NOMINALIZATIONS IN ENGLISH (drop-in, playback TYPE)**

The article attempts to describe the semantics of the so-called 'phrasal nouns' (e.g. *throw-back*), formed through conversion from English phrasal verbs. In doing so we draw upon the logical operation of inference.

Key words: inference; nominalization; nouns; concept; semantics.

Теория номинации исходит из того, что любые сложные в структурном и смысловом отношении единицы языка, особенно производные, интегрируют в своем значении изначально расчлененные представления об именуемом объекте. По мнению Е. С. Кубряковой, инференция – это операция логического вывода, присущая рациональному

в своей основе обычному человеческому сознанию, которая, тем не менее, не придерживается формальных способов доказательства истины. Инференция основывается на догадках, возникающих на основе имеющегося опыта, на интуиции. Иными словами, «инференция представляет собой такую мыслительную (когнитивную) операцию, которая позволяет человеку выходить за пределы буквального значения единиц, видеть за анализируемой языковой формой большее содержание, чем зафиксировано ее отдельными частями» [1, с. 411]. Эта операция выявляет смысл или информацию, на которые в тексте или дискурсе часто не дается прямого указания.

М. Тернер считает, что наше понимание друг друга и общение строится преимущественно на том, что он называет «parable» – нашей способностью, обычно неосознанной и не требующей особых усилий, проецировать и сопоставлять одно понятие, слово, целую историю и т. п. – в другое / с другим. Познавая и общаясь с окружающим миром через врожденные способности, человек набирается опыта, а мышление позволяет ему добиваться определенных целей путем «проб и ошибок» в ходе взаимодействия с действительностью [3].

С помощью присутствующих в тексте или дискурсе языковых форм человек, осмысливая их, выходит за их пределы, определяя таким образом что является причиной, а что следствием. Данная операция невозможна без знаний о мире, знаний языка и наличия контекста. При осмыслении информации человек не просто «суммирует уже познанный мир», а интегрирует знания, которые «рождаются в ходе взаимодействия с действительностью». Из капсул слов (термин Е. С. Кубряковой) извлекается ментальные структуры и по-разному «моделируется, конструируется в сознании человека одна и та же ситуация / объект» [2, с. 2].

Понимание значения фразового отглагольного имени существительного (ФОИ) строится на извлечении информации из его языковой оболочки, на основе его структурной организации (глагол + частица), а также на инференции (семантическом выводе) – своеобразном «отгадывании» реального содержания отглагольного имени в соответствии с фоновыми (когнитивно-культурологическими, языковыми) знаниями и в зависимости от дискурсивной ситуации его употребления (контекста). Так как ФОИ являются производными единицами от фразовых глаголов, то большинство из них обладает «семантической прозрачностью» – достаточно знать значение производящего глагола

и, используя инференцию, на основе контекста можно попытаться вывести значение самого существительного. К таким единицам относятся, например, существительные, обозначающие действие: неологизм *drop-in* (*мимоletный визит*) образовался от фразового глагола *drop in* (*навещать кого-либо без официальной договоренности*) и стал обозначением действия, указанного в производящем глаголе; *playback* (*повторное воспроизведение*) также является обозначением действия, к которому реферирует фразовый глагол *play back* – *воспроизводить (магнитную, видео или звукозапись)*; *lie-down* (*короткий отдых лежа*) образовано от фразового глагола *lie-down* (*прилечь, отдохнуть*) и выражает данное действие [5].

Однако так «устроены» далеко не все фразовые отглагольные существительные, и у многих из них есть «приращенные» значения. Это касается, главным образом, стилистически маркированных существительных: здесь инференция опирается, в основном, на осмыслении прагматических намерений говорящего, его настроения, эмоционального состояния и на понимании той оценки, которая дается происходящему.

Сравним следующие примеры:

Total *cock-up*, sir. Barry smelt a rat, so he and I stayed out of things [8, с. 31]. – Полный провал, сэр. Берри почувствовал неладное, и мы с ним оказались не при делах¹.

Why isn't that ship there? Whose *cock-up* is this? This is what we ought to be asking, not demanding fivers from pensioners [7, с. 228]. – Почему того корабля все еще там нет? Чей это косяк? Вот о чем мы должны бы спрашивать, а не требовать пятаки от пенсионеров.

How he can make a complete *cock-up* of everything he undertakes is beyond me [9]. – Как он умудряется испортить все, за что бы ни взялся, уму непостижимо.

Существительное *cock-up* употреблено в данных ситуациях, чтобы ярко описать чувства говорящего, его острое разочарование, глубокое огорчение по поводу произошедшего. Данное фразовое имя имеет здесь значение «провал, косяк» и является грубым, стилистически маркированным словом. Приведем еще примеры:

It's just been an entire year of emotional *fuck-ups*, and I'm so confused [6, с. 191]. – Это был целый год из косяков, и я в замешательстве.

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – Н. Т.

My father has trouble pronouncing his r's, owing to some palate *fuck-up* or gob-gimmick [4]. – У отца была проблема с произношением звука r, что было вызвано путаницей в его нёбе или хитроумным устройством глотки.

В вышеуказанных примерах, используя инференцию, мы приходим к выводу, что ФОИ *fuck-up* в данном контексте означает «бардак, путаница, облом» и употреблено здесь для экспрессивного выражения эмоций того, кто произносит это слово. Стоит отметить, что в семантике данных слов – *fuck-up* и *sock-up* – содержится еще и указание на социальный или профессиональный статус говорящих, – такие слова используются в речи плохо воспитанных, несдержанных людей и криминальных элементов.

Фразовые существительные образованы от фразовых глаголов, которые в основном служат обозначению действия, а это означает, что их семантика так или иначе связана с действием или процессом, поэтому в разряд значений, наследуемых существительными от глагола, попадают имплицитруемые семантикой производного глагола элементы. Таковыми являются, например, ФОИ *keep-away* в значении «детская игра, в которой двое бросают мяч друг другу, пытаясь не дать третьему игроку поймать его (рус. «собачки»)» образовано от глагола *keep away* в значении «не давать кому-либо что-то делать»; *catch-up* в значении «острый томатный соус – кетчуп», образованное от глагола *catch up* в значении «улучшать качество, чтобы достигнуть определенного стандарта». Характер инференции здесь основан на переосмыслении концептов, входящих в структуру действия плюс на добавлении элементов, косвенно связанных с семантикой глагольной основы.

Если обратиться к существительным, образованным по конверсии от фразовых глаголов и ставшим обозначением действующего лица, то, опираясь на инференцию, можно прийти к следующим умозаключениям: человек характеризуется по производимому им действию либо по производимому с ним действию. Например, *tearaway* – тот, кто оторвался от общепринятого образа жизни; *stand-up* – комедиант, выступающий в «*stand-up*» (разговорный жанр, выполняемый стоя); *fill-in* – тот, кто замещает отсутствующего (*fills in*); *stowaway* – «заяц», безбилетный пассажир, тот, кто сам незаметно проник на транспортное средство с целью бесплатно проехать (*stowed away*). Здесь человек САМ производит действие, указанное в глаголе-источнике.

В следующих же примерах: *cast-away* – выброшенный на берег, тот, кто был выброшен на берег (*cast away*); *pick-up* – мимолетный знакомый, тот, кого вы «подцепили» (*picked up*) – человек описывается по производимому с НИМ действию. А при образовании таких фразовых отглагольных имен как, например, *pin-up* – сексуально привлекательный человек, фото которого вешают на стену (*is pinned up*); *throw-back* – тот, кто походит на древних примитивных людей по своему поведению, иными словами тот, чье поведение напоминает вам древность (*throws you back*), задействуется **ПОЗИЦИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ**, ведь это, по нашему мнению, относит одних людей к *pin-up*, а других – к *throw-back*. В их значения вводятся следующие концепты: «внешность» и «поведение», и именно они являются в данном случае условием для выполнения действия, указанного во фразовом глаголе, т. е. в результате инференции мы приписываем роль каузатора или же инициатора действия фразовому глаголу – тому субъекту, от которого исходит данное действие.

Таким образом, можно заключить, что сами возможности развития определенного концепта в значении ФОИ проявляются в его конкретном значении и в какой-то мере могут быть предсказаны с помощью инференции. А через языковое абстрагирование и инференцию человек приступает к лингвокреативному этапу деятельности, «позволяющему адекватно конструировать сложные фрагменты действительности с помощью экономных в когнитивном плане языковых средств сообразно своим целям и установкам» [2, с. 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. Языковое абстрагирование в именах категорий // ИАН СЛЯ. – М., 2007. – Т. 66. – № 2 – С. 3–12.
3. Тернер М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://markturner.org/>
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk
5. Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs. – London and Glasgow : Collins, 1990. – 512 p.
6. Fielding H. Bridget Jones: The Edge of Reason. – London : Picador, 1999. – 422 p.
7. Fielding H. Cause Celeb. – London : Picador, 1999. – 342 p.

8. *Higgins J.* Touch the Devil. – London : Pan Books Ltd, 1983. – 239 p.
9. LINGVO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lingvo.ru

УДК 81'42

О. И. Титкова

кандидат филологических наук
профессор

директор Института права, экономики и управления информацией МГЛУ
e-mail: olgatitkova@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧАСТНОЙ РЕКУРРЕНТНОСТИ В МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ
(на примере интернет-маркетинга)**

В статье проводится анализ институциональной обусловленности функционирования рекуррентных языковых единиц в маркетинговом дискурсе на примере электронного маркетинга. Автор подробно останавливается на особенностях функционирования собственно рекуррентных и частнорекуррентных единиц в данном дискурсе, вербальной и невербальной рекуррентности, аксиологичности рекуррентных единиц, их темпоральных и локальных характеристиках.

Ключевые слова: частнорекуррентные единицы; визуальные рекуррентные единицы; вербальная и невербальная рекуррентность; актуальные знания; институциональная коммуникация; социальный институт; маркетинговый дискурс; интернет-маркетинг; социальная значимость; частотность.

Titkova O. I.

PhD (Philology)

Director of the Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU
e-mail: olgatitkova@mail.ru

**THE PECULIARITIES
OF PARTICULAR RECURRENCE FORMING IN THE MARKETING
DISCOURSE (ON THE BASIS OF INTERNET-MARKETING)**

The article is devoted to the analysis of institutional conditionality of recurrent language units functioning in the electronic marketing discourse. The author dwells upon the specific features of recurrent units proper and particular recurrent units in the given discourse as well as verbal and non-verbal recurrence, axiological properties of recurrent units, their temporal and local characteristics.

Key words: particular recurrent units; visual recurrent units; verbal and non-verbal recurrence; topical knowledge; institutional communication; social institute; marketing discourse; internet-marketing; social significance; frequency.

Под рекуррентностью мы понимаем рефлексию социальной значимости событий и явлений, имеющую место в системе коммуникации на уровне социума, под частной рекуррентностью – на уровне отдельных социальных групп или институтов. Номинации социально значимых событий/явлений мы называем языковыми (вербальными) рекуррентными единицами. Формирование социальной значимости событий и явлений в массовом сознании индивидов осуществляется настолько же активно средствами массовой коммуникации, ведущим представителем которых считается Интернет, насколько активно и динамично оно происходит в рамках СМИ.

В данной статье исследуются характерные особенности формирования частной рекуррентности в институциональной коммуникации в рамках маркетингового дискурса на примере *электронного маркетинга*.

Так называемая дигитальная (цифровая, виртуальная) коммуникация давно и прочно заняла свои позиции среди видов коммуникации и служит, в частности, инструментом профессиональной деятельности многих социальных институтов. Если в начале 2000-х годов дигитальная коммуникация характеризовалась авторами как дефицитная в отношении некоторых аспектов, таких как межличностный контакт, спонтанная реакция, невербальное (жестовое) общение и т. п. (K. Levy, 1996; Bolter, 1996; Wetzstein, S. Steinmetz, Lenten, Schampaul, Eckert, 1995; Thimm, 2000), то в настоящее время признан факт ее успешного функционирования и наличия полного арсенала прагматических средств ее дискурсивной реализации (Rossbach, 2002; Grimm, 2005; Р. К. Потапова, 2003; П. М. Макарова, 2009; П. М. Дайнеко, 2011; Е. И. Горошко, 2009; О. И. Куликова 2012).

Очевидно, что *формирование социальной значимости бренда* происходит в рамках бизнес-модели, которая используется в развитии бизнеса. В нашем случае мы рассматриваем модель коммуникации В2С, где основными участниками институциональной коммуникации являются агенты и их клиенты (Карасик, 2002; О. К. Ирисханова, Ю. Б. Мотро, 2010). К электронному маркетингу или интернет-маркетингу, традиционно относят создание сайтов и способы их продвижения, в частности, при помощи системы поисковой оптимизации Search engine optimization (SEO), сам принцип построения которой основан на эффекте актуализации информации (*обобщении по*

параметру актуальности) и стратегии подбора ключевых слов (в нашей терминологии – *частнорекуррентных единиц*).

Мы же остановимся подробнее на таком направлении, как продвижение в Интернете брендов с целью формирования имиджа и получения прибыли компаниями. Имидж бренда, представляющий собой искусственный образ, формируемый в общественном сознании средствами массовой коммуникации, его становление и закрепление неразрывно связаны с управлением его *статусными* характеристиками. Управление *имиджевой социально значимой (статусной/узнаваемой)* информацией, адресованной потребителю, основано, в том числе на использовании вербальных и невербальных коммуникативных ресурсов. Отметим, что речь идет при этом не о полимодальности или иконичности текста (Р. Барт, 2000; У. Эко, 1990; Kress, Leeuwen, 1996; Сигал, 1997; О. К. Ирисханова, 2007; М. А. Волоскович, 2012), но об исследовании *универсального феномена знакового характера в системе всех видов коммуникации, каковым является рекуррентность*. Рекуррентные единицы (РЕ) маркетингового дискурса представляют собой знаки, символизирующие *актуальный* социальный/социокультурный опыт «агента» и «клиента» и отражающие *современные значимые* структуры профессиональных знаний «агента». Так, сама вербальная форма РЕ *Сочи 2014 (двадцать четырнадцать)* или многозначная формула *Hot. Cool. Yours* предполагают высокий профессиональный уровень «агента», а также социокультурную готовность «клиента» принять иноязычную формулу и увидеть в ней привлекательность. Как следует из примера, довольно часто РЕ маркетингового дискурса функционируют как РЕ дискурса СМИ, приобретая статус *собственно рекуррентных единиц* (значимых на уровне социума), и наоборот. РЕ, разумеется, опознаются за пределами рамок текста, при этом вербальные РЕ вне сопровождения визуальных и наоборот.

К системообразующим признакам рекуррентности и особенностям ее проявления в маркетинговом дискурсе мы относим частотность рекуррентной единицы (вербальной или невербальной) и поддержание частотности в рамках определенного отрезка времени. Следует отметить, что управление частотностью функционирования РЕ в маркетинговом дискурсе имеет характерные особенности. Их частотность *не носит циклического характера*, как это имеет место, например, в институциональной коммуникации СМИ, но *задается*

потребностями рынка, характеристиками продаж, сбытовой политикой компании и т. п. [5].

Рост частотности РЕ маркетингового дискурса является отражением применения активной маркетинговой политики по увеличению спроса (ср. конверсионный маркетинг, стимулирующий маркетинг, развивающий маркетинг и т. д.). «Позволить себе» константную частотность могут только РЕ, номинирующие бренд (*Volkswagen, Knauf, Audi, Газпром, Роснефть* и т. д.), в то время как сорекуррентные единицы с целью поддержания постоянной актуальности и привлекательности бренда даже при сохранении высокой частотности в рамках определенного отрезка времени подлежат постоянному обновлению.

Угасающая рекуррентность [4] в маркетинговом дискурсе соответствует угасанию жизненного цикла товаров или услуг; *реактуализация рекуррентных единиц соответствует осуществлению соответствующих мер в рамках ремаркетинга/ребрендинга* (оживление спроса). Так, слоган «Разумно и просто» компании «Philips» сменился, например, на «Инновации и Вы», доминантной РЕ в данном поле рекуррентности является сама номинация бренда «Phillips», слоган «Инновации и Вы» можно считать частнорекуррентной единицей, значимой для «агента» и «клиента», при этом исключительно в пределах его целевой группы.

Снижение частотности РЕ маркетингового дискурса возможно, в частности, как прекращение жизненного цикла товара или результат так называемого иррационального маркетинга (используется для снижения спроса, например, на спиртные напитки, табачные изделия и т. п.). Так, в связи с ограничениями на рекламу табачных изделий соответствующие РЕ – номинации брендов – претерпели падение частотности.

Напомним, что сама по себе рекуррентная единица являет социальный хронотоп, т. е. транслирует явно или неявно социально обусловленные локально-временные характеристики [4]. В маркетинговом дискурсе, в отличие от других типов дискурсов, *поддержание рекуррентности в значительной степени задается актуализацией сорекуррентных единиц* (см. примеры ниже). Заметим, что если собственно рекуррентные единицы часто проявляют локально-временные параметры на уровне семантики РЕ (*миллениум, 9 мая, 12 апреля, майдан* и др.), то в маркетинговом дискурсе эта характеристика, как правило, *не закреплена в семантике самой РЕ и имеет*

конвенциональный характер (ср. бренд «Audi» – официальный спонсор Олимпиады в Сочи 2014).

Типы знаний соответствуют видам профессиональной деятельности: «в научном секторе преобладают теоретические или фундаментальные знания; массмедиа оперируют разноплановыми актуальными знаниями, которые можно рассматривать в качестве оперативных медийных знаний; в сфере реальной корпоративной деятельности используются профессиональные знания практического характера» [2, с. 35]. Мы считаем, что *рекуррентность как актуальное знание присуща любому типу знаний*; в маркетинговом дискурсе рекуррентность представляет собой не только знание о бренде, товаре, продажах, инвестициях, потреблении и т. п., но и знания о *приблизительном соотношении популярности брендов, времени их возникновения, степени признания бренда в данном социуме, ассоциативных связей с РЕ, номинирующей бренд*, и т. д. Такими знаниями в качестве явных знаний обладают «агенты», например бренд-менеджеры, управляющие информационными потоками и формирующие их. В результате маркетинговой деятельности *неявно* этими же знаниями в *той или иной степени* обладает и потребитель.

Предварительный анализ показал, что если в дискурсе СМИ доминируют вербальные РЕ, то в маркетинговом дискурсе вербальным РЕ полноценную альтернативу составляют невербальные (например знаковые мелодии в рекламе), в том числе *визуальные РЕ* (рекуррентные единицы визуальной коммуникации – знаковые цветовые сочетания в оформлении упаковки, баннеры, видеореклама и т. п.). Визуальные РЕ являются сореккуррентными по отношению к доминантным и периферийным вербальным РЕ в соответствующем концептуальном поле рекуррентности¹ (например бренд «Сочи 2014» концептуализируется РЕ *Зимние, жаркие, твои; Hot, cool, yours; Липницкая, Нас не догонят!* и т. п.), имеют знаковый характер и аккумулируют знания о рекламируемом бренде (Олимпиада Сочи 2014). Так, чтобы понять

---

¹ Поле рекуррентности – множество актуальных концептов, объединенных в определенный период времени общими признаками. Рекуррентные единицы, в наибольшей степени обладающие социальной значимостью в определенный период времени, мы называем доминантными, остальные – сореккуррентными. См. *О. И. Туткова*. Рекуррентная единица как текст // Германистика: состояние и перспективы развития. Материалы Международной конференции 24–25 мая 2004. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 189–196.

юмор в приведенных ниже интернет-фейках, необходимо знать, что на церемонии открытия Олимпиады в Сочи пятое олимпийское кольцо при исполнении технической комбинации не раскрылось. Приведенные ниже визуальные РЕ можно считать также сорекуррентными доминантной РЕ *олимпиада Сочи 2014* и одновременно РЕ *Audi* (в маркетинге данное явление называется синергией брендов):

Появившаяся в Интернете реклама немецкого автоконцерна «Audi» с нераскрывшимся олимпийским кольцом оказалась «фейком». Об этом сообщает Mashable, ссылаясь на слова представителя Audi.

Более того, данный визуальный образ (4+1; контраст размеров) породил массу аналогов,

«работающих» на усиление прагматического эффекта доминантной РЕ и закрепляющих образ бренда в сознании массового потребителя. По М. Ю. Лотману, «одни и те же знаки порождают все новые контексты текста <...> Чем чаще повторяется знак, тем больше смыслов будет получать этот элемент...» [4, с. 74, 82]. Заметим, что визуальные РЕ как знаки-индексы также могут использоваться для метафорического переноса с целью продвижения других товаров, порождая знаки-иконы.

Аксиологичность является дефиниционным критерием рекуррентности [5]. Так, РЕ дискурса СМИ социально обусловлены и не обязательно положительно коннотированы (ср. РЕ Одесса, 2 мая,

Берлинский кризис, Чернобыль и т. п.). Предварительный анализ показал, что визуальные РЕ маркетингового дискурса характеризуются исключительно положительной оценочностью, ибо продвижение бренда возможно только при создании его положительного имиджа посредством актуализации преи-

мущественных свойств товара. Приведенный пример с олимпийскими кольцами свидетельствует о том, что даже «сбои» в имиджевых характеристиках (нераскрывшееся кольцо) представляются как особенность, способная превратиться в достоинство. Достигается этот эффект путем высокой тиражируемости (актуализации) не только самого бренда (прямо или косвенно продвигаемый бренд в данном случае – символика Олимпиады Сочи 2014), но определенного свойства этого бренда в качестве преимущественного / статусного, социально значимого, не имеющего аналогов. На этом основан и известный эффект детабуизации рекламы: при всей эпатажности, возможной вульгарности рекламных текстов конца 1990-х и начала 2000-х годов [3] конечный эффект всегда положителен: рекламируемый продукт не имеет аналогов, следовательно набирает рейтинг социальный значимости.

Особенностью формирования рекуррентности в маркетинговом дискурсе является тот факт, что рекуррентной становится сама процедура коммуникации в диалоге с клиентом (см. выше актуальные профессиональные знания – в нашей терминологии *процедурная рекуррентность*), например размещение информации развлекательного характера (fun), прямо или косвенно связанной с продвигаемым брендом, товаром, услугой. Так, компания «Phillips» предлагает своей аудитории готовые рецепты, а также обмен рецептами с аудиторией, видеоуроки, фотомастер-классы, интерактивные игры – творческие конкурсы «тест-драйв», гороскопы.

Процедурная рекуррентность манифестирует *актуальные, институционально обусловленные и социально значимые процедуры в рамках соответствующей профессиональной деятельности, служащие инструментом формирования социальной значимости бренда (товара, услуги)*. Так, современный комплекс мер по становлению сайта

и бренда включает поисковое продвижение, контекстную рекламу, электронный маркетинг, баннерную рекламу, работу с блогами и т. п. И если еще некоторое время назад «анализ новостной рубрики, рубрики частотных вопросов и ответов как разновидности жанра рекламы» не считались «системообразующими по отношению к маркетинговому дискурсу и маркетинговой коммуникации» [1, с. 279], то сегодня, на наш взгляд, формирование процедурной рекуррентности и вербализация ее основных понятий (*SSM, SEO, fun, контекстная реклама* – частнорекуррентные PE) является лингвокогнитивной рефлексией статусных социально значимых тенденций развития интернет-маркетинга в системе коммуникации.

Гороскоп

Кулинарные предсказания.
Узнайте свое гастрономическое будущее!

Узнать

Игры

Идеальный винегрет
А вы умеете готовить винегрет? Проверьте себя!

Играть

В качестве примера приведем сайт компании «Phillips» *cooking.lady.mail.ru*, иллюстрирующий маркетинговую деятельность предприятия в Интернете и, в частности, социальных сетях. Компания применяет множество актуальных методов работы, среди них построение сообществ бренда (создание представительств компании в социальных сетях), учет гендерного фактора при формировании целевой группы потребителей при помощи визуальной коммуникации, идею интеграции персонального брендинга в общий репутационный менеджмент (о синергии брендов мы говорили выше – см. рубрику «Рецепты от звезд», где свои рецепты приготовления пищи предлагают звезды эстрады, спортсмены, телеведущие, писатели – О. Федорова, Жасмин, Э. Бледанс, С. Казанова, С. Журова,

Т. Устинова и др.¹ Компания также проводит интенсивную работу с блогосферой, где блогеры в диалоговом режиме работают с аудиторией (элемент маркетинга социальных сетей *Social Media Marketing* – современного и в высшей степени перспективного способа продвижения бренда).

Маркетинговый дискурс как результат целенаправленной когнитивно-прагматической деятельности людей в профессиональной среде характеризуется разнообразием семиологических кодов, комбинирование которых обеспечивает стратегическое регулирование социального взаимодействия в институциональной сфере [1].

Рекуррентность в маркетинговом дискурсе мы причисляем к действенным семиотическим социокогнитивным инструментам влияния на сознание потребителя с целью формирования бренда и продвижения товара.

Частная рекуррентность в маркетинговом дискурсе детерминируется культурой всего социума, субкультурой целевой группы, а также актуальными знаниями в предметной области, имеет аксиологические особенности и специфику системообразующих признаков. РЕ маркетингового дискурса отличаются собственными механизмами порождения и коммуникативно-прагматическими особенностями, могут «заимствоваться» из других дискурсов, в частности, дискурса СМИ и получать при этом собственную траекторию развития в Интернете и социальных сетях.

МАСТЕР-КЛАСС
13 идей для праздничного стола
на Хэллоуин

Тыквы много не бывает – это
точно про Хэллоуин!

Читать

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусейнова И. А. Сценарии и стратегии гибридизации жанров в институциональном дискурсе. Гл. 6 // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий: коллективная монография под ред. И. И. Халеевой. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 162–197.

¹ <http://cooking.lady.mail.ru/receiptsstar/>

2. Куликова О. В. Типы знаний и их взаимодействие в экономическом дискурсе // Профессиональные дискурсы в когнитивном и функциональном ракурсах», – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 34–40. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25(685). Сер. Языкознание).
3. Куницына О. М. Детабуизация в немецкой журнальной рекламе (на примере креолизованных рекламных текстов): дис. ... канд. фил. наук. – М., 2013. – 245 с.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика и проблема киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления. – СПб. : Искусство–СПб, 2005. – 704 с.
5. Титкова О. И. Рекуррентные языковые единицы в институциональной коммуникации // Актуальные проблемы литературного перевода. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 173–182. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 9(695). Сер. Языкознание).

УДК 811.111'373

Ж. Г. Аванесян

кандидат филологических наук
профессор факультета права и лингвистики Московского государственного
машиностроительного университета (МАМИ)
e-mail: janet_avan539@mail.ru

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале сопоставительного изучения онтологической
метафоры в английском и русском газетном дискурсе)**

В статье проводится сопоставительный анализ онтологической метафоры в английском и русском языках на материале английского и русского газетного дискурса. Выявляются универсальные когнитивные модели и модели, обладающие спецификой, которая проявляется как качественно – через область-источник, так и количественно – через область метафоризации.

Ключевые слова: языковая картина мира; онтологическая метафора; семиотическая система; политический дискурс; концепт; когнитивная модель; переосмысление; область-источник; область метафоризации

Avanesyan J. H.

PhD, Professor, Department of Law and Linguistics,
Moscow State Machine-Building University (MAMI)
e-mail: janet_avan539@mail.ru

**ONTOLOGICAL METAPHOR IN NEWSPAPER DISCOURSE
(on the Basis of Comparative Analysis of Ontological Metaphor
in English and Russian Newspaper Discourse)**

The article deals with the problem of comparative study of ontological metaphor in English and Russian newspaper political discourse. Universal cognitive models are analyzed with specific models, where by means of revealing source-domain and target domain the principal laws of formation cognitive models in the language picture of the world.

Key words: a language picture of the world; ontological metaphor; semiotic system; political discourse; concept; cognitive model; transfer of meaning; source domain; target domain.

Современный этап развития языкознания характеризуется повышенным интересом к исследованиям функции языка и способов ее

реализации, поэтому перед современной лингвистикой стоит вопрос о выявлении лингвистических механизмов реализации когнитивных потенциалов человека.

Язык, являясь частью культуры разных народов, подчеркивает их самобытность, отражает различные стороны их жизни. В связи с тем, что носителем языка является человек, интерес к роли человеческого фактора в языке возрастает. Именно благодаря человеческому фактору «в языковых средствах запечатлевается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» [4, с. 178]. Существование языка как некой формы, в которой человек выражает свои знания о мире на определенном этапе своего развития, позволяет говорить о продукте взаимодействия языка и мышления – языковой картине мира.

Языковая картина мира – это информация, рассеянная по всему концептуальному полю и связанная с формированием понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными сферами, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка. Поскольку языковая картина мира – это «языковое воплощение понимаемого мира» [2, с. 46], то ее изучение важно тем, что «с помощью языковой картины мира возможно понять и каким-либо образом систематизировать знания о мире» [5, с. 185].

Наиболее важным и интересным представляется вопрос о выявлении лингвистических механизмов реализации когнитивных потенциалов человека. Наиболее ярко этот механизм проявляется в метафоре.

Метафора представляет собой такой способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание, или, иначе говоря, это «способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе» [4, с. 176]. Метафора, способная совмещать в себе абстрактное и конкретное, т. е. логические сущности разных порядков, и синтезировать такого рода сведения в новые концепты, может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние народа, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной картину мира.

Роль метафоры в построении картины мира трудно переоценить: «метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой

картины мира, но заполняет все ее пространство» [3, с. 204]. Процесс метафоризации приводит в динамическое состояние знание о мире, поскольку в нем взаимодействуют стереотипы, так как в любом языке существуют определенные метафорические шаблоны или стандарты.

подавляющее большинство метафор конвенциональны, стереотипны, и поэтому они изобличают определенный стереотип восприятия, понимания, видения мира, его ощущение и созерцание. Таким образом, метафора не ограничена одной лишь сферой языка; сами процессы мышления человека в значительной мере определяются метафорой. Именно это подразумевается, когда утверждается, что «понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически» [1, с. 384].

В работе проводится сопоставительное изучение онтологической метафоры на материале английского и русского газетного дискурса путем выявления метафорических когнитивных моделей, по которым идет переосмысление того или иного политического образа. Модели сопоставляются как по области-источнику (source-domain), так и по области метафоризации (target domain).

Материалом исследования послужили цитаты из газетных текстов политического содержания, выявленные из периодических изданий «Известия», «Сегодня», «The New York Times», «The Times» за период с 2005 по 2013 годы.

В результате проведенного исследования нами были выявлены следующие универсальные когнитивные модели по области-источнику в русском и английском языке:

Живой организм

*Рус. яз. В прессе стала подниматься тема **паралича власти**.*

Метафорическая модель «Живой организм» является самой продуктивной в русском политическом дискурсе: 32,7 % всех выявленных метафор построены именно по этой модели. Большая часть переосмыслений представлена живыми и «ожившими» в контексте метафорами (66,7%): *В стане демократов снова начались малопонятные раздоры. В этой замутненной воде **рыбка демократии** ловится на старые крючки административной системы; в то же время процент стертых, риторических и мертвых метафор достаточно высок (24%).*

Англ. яз. *Can hard-driving capitalism solve the romantic problem it creates?*

В английском газетном тексте метафорическая модель «Живой организм» занимает второе место по продуктивности: в 24% выявленных переосмыслений построены именно по этой модели. «Наполняют» модель как стертые и риторические (около 76,5%): «Russia's submarine disaster has dented Vladimir Putin's image and his popularity. But has it **weakened his presidency?**», – так и живые и «ожившие» в контексте метафоры: *Such developments reflect, too, a generational change in Brazil's highly professional foreign service: older diplomats, who worked during the cold war and Brazil's 1964–85 dictatorship, are giving way to younger ones, who feel that the world's ninth-largest economy should be less shy of flexing its democratic muscles.*

Вещество / субстанция

Рус. яз. *Разница лишь в том, в чьих руках будет сконцентрирована власть: олигархов или президента.*

Метафорическая модель «Вещество/субстанция» весьма продуктивна в русском политическом дискурсе (9,5%) всех употреблений. Для нее характерно преобладание риторических, стертых и мертвых метафор (всего 67% всех примеров): «Раздел власти вместо разделения властей» (заголовок), – над живыми и «ожившими» метафорами (соответственно 33% метафор).

Англ. яз. *The presidential candidates yesterday prepared for their final debating showdown in a **race crackling with tension.***

Данная метафорическая модель, по нашим наблюдениям, является самой продуктивной в английском политическом дискурсе: ее «наполняют» 30% выявленных метафорических переосмыслений. Характерно, что 85,7% метафор, построенных по данной модели, – стертые: *With the **solid support** of Republicans the Senate approved a budget measure today that would allow a \$1.2 trillion,* – и только 7,2% составляют живые и «ожившие» в контексте метафоры: *The presidential candidates yesterday prepared for their final debating showdown in a **race crackling with tension** and rendered even more acrimonious and unpredictable by the Middle East crisis.*

Предмет

Рус. яз. *Большевики подняли власть, которая валялась на мостовых Петрограда, а революцию, собственно, совершила неудачная война.*

По нашим наблюдениям, метафорическая модель «Предмет» занимает третье место по продуктивности в русском политическом дискурсе: на нее приходится 11,5% всех метафорических употреблений. Большинство отобранных примеров представляют собой живые или «ожившие» метафоры (64%): *Однако в основе этих двух различных проявлений «доброй воли» лежит один и тот же камень – лицемерный интернационализм.*

Англ. яз. With the polls swinging wildly and external events adding an additional element of uncertainty, the level of anxiety in both camps has reached a new point ahead of the debate tomorrow.

Метафорическая модель «Предмет» относится к числу одной из самых продуктивных в английском политическом дискурсе: по данной модели образовано 19% всех выявленных переосмыслений. Как и в предыдущей модели, большая часть метафор (66,7%) – стертые и мертвые: *Expectations were low for the summit being held in this Red Sea resort amid intense security.* Однако процент живых метафор здесь явно выше, чем в модели «Вещество / субстанция»: 18,5%: *The assistant added: “We’re not at the point where we’re applying the political filter to our options.”*

Механизм / аппарат

Рус. яз. Однако реальная ситуация, переход к рынку делают актуальной задачу внесения необходимых коррективов в механизм власти и управления.

Механистическая модель отличается высокой продуктивностью в русском политическом дискурсе: на нее приходится 13% всех метафорических употреблений (второе место в иерархии). В рамках данной модели количество живых и «оживших»: *Тут, я думаю, цель такая: ладно, коли мы уже не власть, то и вы к рулю не пробьетесь. Замараем, палок в колеса насуем...*

Англ. яз. With the debates behind them and the US presidential elections going down to the wire, the candidates yesterday began a final, frenetic three-week cross-country campaign blitz.

Данная метафорическая модель содержит 7% выявленных метафор, и, таким образом, может быть оценена как малопродуктивная в английском языке. 80% рассмотренных метафор – стертые, однако наличие живых и риторических метафор: *Powell warns of damage to ties as crisis drags on (headline)* – в рамках модели «Механизм/аппарат» определяет ее как более продуктивную, нежели модель «Строение».

Строение

Рус. яз. *Предпринимается попытка привлечь крупнейшую державу Европы в создающуюся архитектуру европейской безопасности.*

Метафорическая модель «Строение» находится на четвертом месте из девяти в составленной / рассматриваемой нами иерархии метафорических когнитивных моделей – на нее приходится 10% всех метафорических употреблений. В рамках данной модели большинство рассмотренных метафор – живые и «ожившие» (63,4%).

Англ. яз. *“Our goal in Quebec is to build a hemisphere of liberty”, Mr. Bush said in remarks to reporters on the White House law.*

Данная метафорическая модель также является малопродуктивной: в английском языке она включает лишь 3,5% всех метафорических переосмыслений. 100% выявленных метафор – стертые.

Неживая природа

Рус. яз. *Или мысль о том, что мгновенный срыв в демократию с вершины тоталитаризма может переломать вам кости, а потому нужны ступени.*

Данная метафорическая модель определена нами пятой по продуктивности в русском политическом дискурсе (9,7% всех рассмотренных метафорических переосмыслений). Интересно, что подавляющее большинство рассмотренных метафор – живые и «ожившие» (около 95%).

Англ. яз. *Tempers over China cooling, but a cloud remains on Capitol Hill.*

Данная метафорическая модель объединяет лишь 3,5% выявленных метафор в английском языке и является таким образом малопродуктивной. Выбранный материал включает метафоры, еще не успевшие потерять образность (ср.: *“I think the tide is turning away from strong new privacy legislation”, said Jonathan, head of the Association for Competitive Technology in Washington.*)

Растение

Рус. яз. *При всех восторгах, удачах и достижениях демократии в тот период реально мы только потрясли дерево тоталитарной системы, и с него опали самые подгнившие плоды.*

Метафорическая модель «Растение» занимает седьмое место по продуктивности в русском политическом дискурсе: на эту модель

приходятся 7,3% рассмотренных метафор. 68,8% рассмотренных метафорических переосмыслений составляют живые и «ожившие» метафоры.

*Англ. яз. The initial groundswell for Mr. Bush's candidacy began with the recognition inside the Republican Par that its governors were winning elections even as the Congressional **branch of the party** was falling into disfavor and losing seats.*

Метафорическая модель «Растение» является малопродуктивной в английском языке: ее составляют только 2,8% выявленных метафор. Практически все метафоры обладают стертой образностью, что свидетельствует о прекращении развития модели. Метафоризации подвергнуты политические понятия различных порядков: «power» («accretion of power»), «state», «party», «federal spending»: *The White House says the cuts are needed to put **federal spending** on a more sustainable path after several years of **rapid growth**.*

Путь / дорога

*Рус. яз. Тем временем страна все еще топчется на **перекрестке двух дорог**...*

Данная метафорическая модель, по нашим наблюдениям, является наименее продуктивной в русском политическом дискурсе: на нее приходится лишь 2,3% выявленных метафорических переосмыслений. Все рассмотренные метафоры – живые или «оживленные» в контексте: *Отсюда прямой (и единственный?) путь к рынку, нормальным товарно-денежным отношениям с их общечеловеческими ценностями и едиными законами.*

О выделении данной метафорической модели в английском языке можно говорить лишь условно: в соответствии с ней построены только 1,5% метафорических переосмыслений. Переосмыслению здесь подвергается понятие «политики».

Пицца

*Рус. яз. Реакция Кремля была хоть и грубоватой – не допустим: «не допустим появления **политической запеканки** в виде каких-то слипшихся регионов с оппозиционными настроениями – но все же вполне адекватной.*

Данная метафорическая модель является малопродуктивной в русском политическом дискурсе: на нее приходится лишь 3,6% всех выявленных метафорических переосмыслений.

Англ. яз. You can't have a trade summit these days without tear gas: it would be like having a cheeseburger without cheese.

В английском политическом дискурсе отсутствует данная метафорическая модель. Нами было обнаружено лишь одно образное сравнение саммита с чизбургером. По-видимому, наличие такого сравнения говорит о возможном развитии в будущем вышеназванной метафорической модели.

Таким образом, в результате предпринятого нами сопоставительного анализа онтологической метафоры на материале английского и русского газетных дискурсов мы пришли к выводу о том, что метафорические когнитивные модели, по которым идет переосмысление того или иного политического образа, универсальны для двух языков, однако они обладают спецификой, которая проявляется как качественно (через область-источник), так и количественно (через область метафоризации). Таким образом, можно утверждать, что языковая картина мира строится в двух языках по одним и тем же метафорическим когнитивным моделям: «Живой организм», «Вещество/субстанция», «Предмет», «Механизм/аппарат», «Строение», «Неживая природа», «Растение», «Путь/дорога», «Пища». Более 50 % всех подвергнутых метафоризации политических образов являются общими для русской и английской газеты. Это понятия: «политика», «выборы», «саммит / переговоры / дебаты», «соглашение», «власть», «страна / государство», «партия», «реформа», «рейтинг», «закон», «электорат», «оппозиция».

Понятие «политика» вызывает широкую возможность метафорических переосмыслений как в английском, так и в русском языке. По-видимому, разгадка тайны «политических механизмов» всегда будет оставаться актуальной задачей для любого цивилизованного общества. Стремление высветить все грани этого явления заставляет носителей языка создавать все новые и новые метафоры, ориентируясь на самые разные метафорические модели. Примерно равное число метафор (4,3 % в английской газете, 5, % – в русской) построено вокруг образа «страна/государство».

Следует подчеркнуть, что языковая картина мира в английском газетном тексте может быть охарактеризована как нейтральная, поскольку фреймы с отрицательной коннотацией нами не выявлены.

Существенное различие было выявлено при сопоставлении когнитивных моделей в области метафоризации. Эти различия не

качественные, а количественные. Интересно, что «власть» – понятие, наиболее часто подвергающееся метафоризации в русском газетном тексте (22,3% всех метафор). В то же время в английском политическом дискурсе власти посвящено лишь 5% всех переосмыслений. Понятие «выборы» подвержено метафоризации в английских газетах в значительно большей степени, чем в русских (12,2% против 3,2%). Понятия «тоталитаризм/диктатура» и «идеология» не являются значимой частью языковой картины мира в английских газетах, там нет ни одного переосмысления этих понятий. Напротив, в русском тексте эти два понятия на третьем и четвертом месте по количеству образованных метафор (15,1%).

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... д-ра культурологических наук. – М., 2000. – 460 с.
4. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988. – С. 173–203.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 276 p.

Раздел II
Современные взгляды на проблемы
английской фразеологии

УДК 811.111'373

И. Е. Дьячкова

аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: dyachkova.irina@gmail.com

КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

В статье рассматривается формирование семантики английских фразеологизмов с компонентом-антропонимом сквозь призму теории концептуальной интеграции (Ж. Фоконье и М. Тернер), а также выявление базового механизма смыслопорождения в ходе фразеологической номинации в английском языке.

Ключевые слова: фразеологическая единица/идиома; фразеологическое значение; композиционная семантика; моделирование; концептуальная интеграция.

Dyachkova I. Y.

Post-graduate Student of the Department of English Lexicology MSLU
e-mail: dyachkova.irina@gmail.com

COMPOSITIONAL SEMANTICS
OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH ANTHROPONYMIC COMPONENT

This paper aims to construe the semantics of English idioms with an anthroponymic component in terms of the conceptual integration theory (J. Fauconnier and M. Turner). It is also to look into the mechanism of meaning generation in English phraseology.

Key words: idiom; phraseological meaning; compositional semantics; modeling; conceptual integration.

Как известно, в рамках современной, когнитивной парадигмы языкознания язык рассматривается как поверхностная структура, отражающая структуры знания, операции над которыми совершаются

в когнитивной системе человека в ходе восприятия и порождения речи. Более того, язык непосредственно вовлечен и даже обслуживает процессы категоризации и концептуализации мира, представляя определенные концептуальные структуры на различных языковых уровнях. Фразеологическая система не составляет исключение. При этом вербализация знаний фразеологическими средствами отличается некоторым своеобразием.

Фразеологические единицы (ФЕ) являются целостными по своей номинативной функции несколькословными наименованиями со сложной семантической структурой. Вследствие этого в различных работах фразеологизм называется «сложным знаком, мегознаком или комбинацией словарных знаков, составным или составным аналитическим знаком, раздельным знаком и т. д.» [5, с. 135].

Попытка объяснить природу значения комплексных знаков, т. е. знаков, которые по своему составу представляют собой композиции из нескольких готовых знаков языка, была предпринята Г. Фреге, впервые употребившим термин «композиционная семантика». По мнению этого ученого, семантика комплексного знака представляет собой «композиционную функцию значений тех единиц, которые входят в состав сложного знака и отношений между ними»¹. В дальнейшем в исследовании семантики комплексных знаков поиски лингвистов проходили в двух направлениях: изучение значения составляющих комплексного знака и типа отношений между ними.

Новый этап в понимании композиционной семантики наступил с появлением когнитивной науки и когнитивной лингвистики: «Проблемы организации семантических структур у разных единиц языка исследуются здесь как проблемы объективации этими единицами разных структур знания, как проблемы участия этих единиц в процессах концептуализации и категоризации мира» [4, с. 5–6].

С когнитивной точки зрения фразеологизм является производной единицей, семантика которой складывается при взаимодействии соседствующих элементов. «Подобно тому, как в результате химического синтеза соединение нескольких элементов дает качественно новый элемент, во фразеологии значение ФЕ не равно сумме значений составляющих его частей, это не сумма смыслов, а новый смысл» [2, с. 83].

Внести новый вклад в разработку вопроса о том, как именно происходит взаимодействие исходных компонентов интегрированного

---

¹ Цит. по: [3, с. 441].

значения, может теория концептуальной интеграции, которой в настоящее время активно занимаются как отечественные (Кубрякова, 2004; Ирисханова, 2004; Бабина, 2003; Гаврилина, 2002; Гончарова, 2001), так и зарубежные лингвисты (Fauconnier, Turner, 2002; Pascual, 2002; Turner, 2001; Coulson, Oakley, 2000; Sweetser, 2000).

Основателями теории концептуальной интеграции считаются Ж. Фоконье и М. Тернер. В рамках данной теории концептуальная интеграция рассматривается как одна из наиболее общих когнитивных операций, в ходе которой совмещение исходных ментальных пространств создает новую, развивающуюся по своим законам структуру – интегрированное пространство. К настоящему моменту в когнитивной лингвистике тщательно разработан аппарат теории концептуальной интеграции; выявлены основные операции, обеспечивающие создание новой интегрированной структуры; установлены принципы и критерии осуществления процесса концептуальной интеграции.

Согласно теории Ж. Фоконье и М. Тернера, концептуальная интеграция представляет собой мгновенный процесс творческого соединения информативных элементов в системе ментальных пространств. Под ментальным пространством понимается определенная мыслительная область концептуализации, охватывающая понимание реальных ситуаций, прошлого и будущего, имеющая чисто когнитивный статус и не существующая вне мышления [7]. Ментальные пространства структурируются посредством когнитивных моделей. В идеализированной модели концептуальной интеграции участвуют два исходных (input) ментальных пространства, между которыми происходит операция по соединению (mapping) элементов их структур на основе тождества, сходства и аналогии. Все то общее, что объединяет исходные пространства, проектируется в так называемое родовое пространство (generic space), представляющее собой особый координирующий механизм. В ходе развертывания процесса концептуальной интеграции структура родового пространства переносится на каждое из вводных пространств, чем обеспечивается структурная согласованность их элементов. Далее происходит процесс избирательной интеграции структур и элементов исходных пространств для создания независимого смешанного пространства – бленда (blend), несущего результирующую интегрированную структуру. Возникновение новой структуры осуществляется при помощи трех дополнительных операций:

– соединения (composition) элементов исходных пространств и построения отношений, не существующих при их отдельном рассмотрении;

– завершения (completion), предусматривающего добавление определенного числа наших фоновых концептуальных структур;

– уточнения (élaboration), в ходе которого происходит симулированное ментальное исполнение события, т. е. его мысленное «проигрывание».

Необходимо, однако, отметить, что операция концептуальной интеграции выполняется мгновенно, поэтому выделение последовательного хода ее протекания достаточно условно [8].

Понимание большей части комплексных наименований базируется на неосознанном восприятии концептуальной метафоры, лежащей в основе их внутренней формы. Моделирование концептуальной интеграции в таком случае позволяет выявить взаимодействия между элементами исходных ментальных пространств и проследить устанавливаемые отношения в виде концептуальной метафоры. В случае ФЕ алгоритм формирования новой содержательной единицы осложняется особенностями фразеологической семантики.

Обязательным семантическим признаком ФЕ является осложнение значения, в том числе за счет включения в него культурного компонента, энциклопедического, фонового знания и др. Таким образом, процесс формирования нового фразеологизма опирается не только на стандартный алгоритм концептуальной интеграции, описанный выше, но и предполагает обработку релевантного экстралингвистического знания. Имеют также большое значение степень фразеологической абстракции, характер образности и способ переосмысления, которые во многом определяют особенности фразеологизма и, в частности, степень его мотивированности.

Все это особенно справедливо в отношении фразеологических единиц с компонентом-антропонимом. Антропоним в составе ФЕ всегда является носителем культурно значимой информации, так как соотносится с образом некой экстралингвистической ситуации или определенного явления, свойства, характера и т. д., значимым в контексте данной культуры. В связи с этим информация, соотносящаяся с антропонимом, имеет существенный удельный вес в исходном ментальном пространстве и во многом определяет ход концептуальной интеграции. Так, значение английской идиомы *Caesar's wife* (жена Цезаря – человек, стоящий вне подозрений) формируется на основе антропонимического компонента, который является эталоном не

только верховной власти, но также и сильной, волевой личности, настоящего мужчины, авторитет которого во многом зависит от доброго имени его супруги.

Отобранный языковой материал показал, что большая часть проанализированных ФЕ – это метафорические обороты с полностью переосмысленным значением. Например, английские фразеологизмы с антропонимами часто используются для описания черт характера, свойств натуры и т. п., причем антропоним может служить обозначением человека в самом общем виде. Эту функцию обычно выполняют широко распространенные английские имена *Tom*, *Jack*, *John* и др.:

Jack at a pinch (человек, к услугам которого прибегают в крайности);

Johnny on the spot (человек, который всегда готов действовать, на которого можно рассчитывать, палочка-выручалочка);

Peeping Tom (человек с нездоровым любопытством);

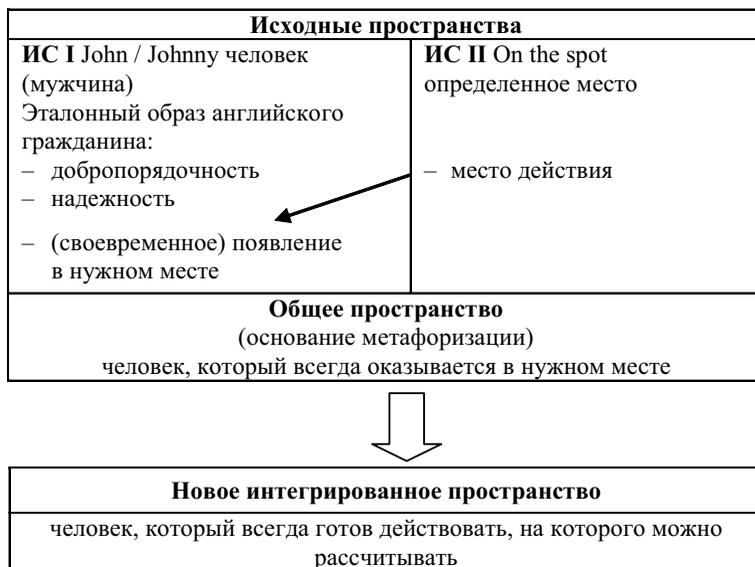
Jack out of office (уволенный с работы);

Tom fool / Fool (дурак, болван);

Tom o'Bedlam (сумасшедший, безумный).

При обозначении положительного или отрицательного характера отмечается высокая степень градации в оценке деятельности от высоко положительных до резко отрицательных. Внутренняя форма таких фразеологизмов соотносится прежде всего с английскими именами, которые стали носителями определенных черт характера людей. Например, имя *Jack* ассоциируется чаще всего с веселым нравом, проворством, хитростью, порой плутовством. Так, фразеологизмы *Jack at a pinch* и *Jack out of office* характеризуют легкомысленного человека. Имя *Tom* исторически отождествляется с портным Томом, который по легенде подсматривал за тем, как леди Годива ехала обнаженной по городу Ковентри верхом на лошади, чтобы заставить своего мужа, графа Леофрика, снизить непосильные для горожан налоги. Оно также ассоциируется с библейским Фомой (неверующим), который отказывался поверить в Воскресение Христа, пока не увидит Его ран. Кроме того, имя (скорее, кличку) *Tom* традиционно давали сумасшедшим в лондонском доме умалишенных под названием «Бедлам». Отсюда следуют обычно отрицательные коннотации ФЕ с этим компонентом.

Напротив, имя *John* – самое распространенное в Великобритании – олицетворяет традиционный образ английского гражданина, у которого есть хорошая любимая работа, дом, семья и собака, и поэтому сообщает соответствующим фразеологизмам положительные коннотации, к примеру, ФЕ *Johnny on the spot* (человек, на которого можно рассчитывать). Таким образом, для формирования значения ФЕ *Johnny on the spot* (или сложного слова *Johnny-on-the-spot*) имя собственное *Johnny* представляет собой очень важный элемент исходного ментального пространства, где родовой концептуальный компонент «мужчина (человек)» с учетом экстралингвистических знаний дополняется такими признаками, как «добропорядочность», «надежность». Далее антропоним *Johnny* соотносится с семантикой предложной группы *on the spot*, которая представляет второе исходное ментальное пространство с фокусом «определенное место». Исходные ментальные пространства I и II начинают взаимодействовать в процессе межпространственного картирования. В ходе этой интеракции возникает основание метафорического переноса «человек, который всегда оказывается в нужном месте» → «надежный человек». В результате получается новое интегрированное пространство «человек, который всегда готов действовать, на которого можно рассчитывать».

Очевидно, что данный фразеологизм отличается средним уровнем фразеологической абстракции, при которой возможно частичное соотнесение отдельных концептуальных признаков с определенными элементами внешней структуры ФЕ и, в частности, гендерная референция оборота в целом и его компонента-антропонима *Johnny* совпадают, т. е. в структуре фразеологического значения выделяется признак «мужской пол». Иными словами, говоря о композиционной семантике ФЕ *Johnny on the spot*, следует отметить как целостное, интегрированное значение, которое не распределяется полностью между составляющими оборот компонентами, так и отдельные денотативные семы различной степени обобщенности, ассоциирующиеся с тем или иным лексическим элементом ФЕ. Это возможно благодаря ее частичной мотивированности ввиду прозрачной внутренней формы.

Однако при высоком уровне абстракции антропоним в составе фразеологизма способен перейти в разряд аппелятивов, т. е. имя собственное уже не воспринимается носителями языка как имя конкретного человека, но представляет собой обобщенный образ, символизирующий некую черту характера или какую-либо иную особенность личности. Такой переход, как правило, связан с окончательным отрывом от исходного денотата и приводит в ряде случаев к снятию гендерной референции единицы. В результате такой фразеологизм может употребляться по отношению к представителям обоих полов: *good-time Charlie* (гуляка, прожигатель жизни). Другим примером может служить американский жаргонизм *the life of Riley* (легкая, обеспеченная жизнь), который характеризует образ жизни, доступный как мужчинам, так и женщинам, что демонстрирует следующий контекст:

(1) When Henry retires, he plans to live **the life of Riley**. He won't have to work and he'll be able to putter around the garden every day.

(2) Mrs. Hartley used to live **the life of Riley** until her husband died and she had to take on two jobs to support herself and her children (CCAЕ).

Хотя, как отмечалось выше, концептуальная интеграция – *моментальное* совмещение исходных пространств, этот факт не исключает возможность дальнейшего развития уже сформированной семантики, ее обновления и модификации. К примеру, ФЕ с женской или мужской гендерной референцией могут со временем приобрести интергендерную референцию вследствие усиления интегративных

процессов. Так, ФЕ *Jack (jack) of all trades* (мастер на все руки), включающая мужское имя *Jack*, изначально относилась исключительно к мужчинам, однако ее современное функционирование указывает на то, что ее гендерная референция теперь определяется в равной степени как мужская и женская.

Более того, антропоним в составе немотивированного фразеологизма может кардинально изменить свою денотативную отнесенность и означать не человека, а неодушевленный предмет или явление: *tin Lizzie* (легковой автомобиль), *Teddy bear* (плюшевый мишка, медвежонок – детская игрушка), *Sam Brown(e)* (воен. офицерская португез), *lazy Susan* (амер. вращающееся блюдо с отделениями для разных кушаний и приправ) и др. Для единиц этого типа характерен высочайший уровень абстракции и, как следствие, полная невыводимость и неразложимость фразеологического значения. Интегративные процессы в таких случаях достигают максимума, что создает условия для стяжения фразеологизма в сложное слово. Показателем этого может служить написание имени собственного со строчной буквы и/или написание всего фразеологизма через дефис (*Jack (jack) of all trades / jack-of-all-trades, smart-aleck*) или даже слитное написание (*tombo(y)*).

Характер концептуальной интеграции определяет не только денотативный аспект значения ФЕ, но и коннотацию, которая, как известно, определяется как «выводное знание, продуцируемое внутренней когнитивной структурой и определяющее отношение к обозначаемому, включающее как его логическую, так и его эмотивную оценку» [1, с. 11].

Так, метафорическое значение ФЕ *Sister Anne* (преданная подруга) соотносится прежде всего с образом Анны, героини сказки «Синяя Борода» (она пыталась спасти свою сестру, жену Синей Бороды). Этот образ, который может рассматриваться как первое ментальное пространство, взаимодействует с концептуальным пространством компонента *sister* (сестра), включающим такие значимые признаки, как «близкий человек» и «преданность». Синтез этих концептуальных пространств «сестра» порождает новое ментальное пространство, фокусом которого является концепт преданность. Причем на семантическом уровне он реализуется как указанное выше фразеологическое значение, возникшее в результате метафорического переноса «преданность сестры» → «преданность подруги». Примечательно, что

в ходе взаимодействия исходных ментальных пространств, которые изначально содержат много общих признаков (*sister* характеризуется более высоким уровнем обобщенности), происходит своего рода концентрация, увеличение количественных характеристик релевантных признаков, особенно признака «преданность». Это создает не только позитивную оценочность данной ФЕ, но и другой элемент ее коннотации – фразеологическую интенсивность.

Похожий механизм концептуальной интеграции демонстрирует ФЕ *The Admirable Crichton* (*несравненный Крайтон* – ученый, образованный человек, ученый муж). *Crichton* – это имя известного шотландского ученого XVI века Дж. Крайтона, получившего степень магистра в четырнадцать лет; кроме того, Крайтон отличался очень привлекательной внешностью. Соответственно, исходное ментальное пространство, ассоциирующееся с антропонимом *Crichton*, включает два базовых концептуальных компонента «очень умный человек» и «очень привлекательный мужчина». Концептуальное содержание антропонима *Crichton* соотносится с пространством слова *admirable* (*восхитительный, превосходный*). Примечательно, что оценочное прилагательное *admirable* потенциально может характеризовать как внешние данные человека, так и его интеллектуальные способности или душевные качества. Таким образом, в ходе интеракции исходных пространств получают интенсификацию все концептуальные признаки антропонима. Как результат композиционная семантика фразеологизма отражает концепт человек, достойный восхищения (во всех отношениях), *несравненный*.

О том, какую роль в композиционной семантике фразеологизма играет антропоним, свидетельствует сопоставительный анализ двух ФЕ с одним и тем же компонентом *feast*, но с разными антропонимами: *Lucullan feast* и *a Barmecide feast*.

ФЕ *Lucullan feast* означает «изобилие и изысканность стола, роскошь трапезы». Исходное пространство компонента *Lucullan* ассоциируется, прежде всего, с концептом богач. Антропоним *Lucullan* является производным от имени древнеримского полководца Лукулла, прославившегося необычайным богатством и роскошными пирами. Данное имя стало нарицательным и служит эталоном сказочного богатства, часто выставляемого напоказ, а также щедрости. Этот образ и проецирует в сознание фразеологизм *Lucullan feast*. Семантическое

содержание компонента *feast* (пиршество, празднество, банкет), которое также включает в себя признаки «изобилие», «изысканность» и «роскошь» (трапезы), органично вплетается в концептуальное пространство антропонима и как следствие создает повышенную концентрацию указанных признаков. Важно, что компоненты этих исходных ментальных пространств взаимно усиливают друг друга. И в процессе интеграции между их слотами устанавливаются отношения в виде концептуальной метафоры, в частности, БОГАТСТВО – ЕСТЬ ПИР. При этом интегрированное пространство фокусируется на концептуальных составляющих «роскошь», «изобилие» и «щедрость». Таким образом, результирующее фразеологическое значение в целом несет положительные коннотации, несмотря на то, что на периферии семантики данной ФЕ имеются отрицательно окрашенные признаки «расточительность» и «обжорство». Они привносятся в интегрированное значение ФЕ и антропонимом (Лукулл имел обе эти слабости), и компонентом *feast*, но являются периферийными в семантике каждого из них и не оказывают существенного влияние на композиционную семантику оборота.

Исходные пространства	
ИС I <i>Lucullan</i> (от <i>Lucullus</i>) необычайно богатый человек Эталонный образ богача: – богатство – роскошь – щедрость – расточительность – обжорство	ИС II <i>feast</i> пиршество – изобилие – изысканность – роскошь – щедрость – расточительность – обжорство
Общее пространство (основание метафоризации) БОГАТСТВО есть ПИР	
Новое интегрированное пространство	
ЩЕДРОСТЬ, ИЗОБИЛИЕ и изысканность стола, роскошь трапезы	
положительная коннотация	

ФЕ *a Barmecide feast* восходит к одной из сказок «Тысяча и одна ночь», которая повествует о том, как богач Бармекид, пригласивший бедняка пообедать с ним, приказал подавать пустые блюда. Анализ показывает, что, как и в предыдущем примере, семантическое содержание компонента *feast* включает в себя те же признаки. Следовательно, главным смысловым эмитентом (донором смысла) в данном случае выступает второй компонент, выраженный антропонимом *Barmecide*, который символически передает концепт подлог или иллюзия. Интеракция исходных ментальных пространств, которые в отличие от предыдущего случая не дополняют друг друга, но, скорее, контрастируют, формирует основу для концептуальной метафоры ПИР / ИЗОБИЛИЕ ЕСТЬ ИЛЛЮЗИЯ. Фактически концептуальные составляющие первого ментального пространства (*Barmecide*) нивелируют основные компоненты второго. В результате рождается значение данной ФЕ – «мнимое, воображаемое изобилие». Именно наличие в данной ФЕ антропонима *Barmecide*, передающего идею подлога, обмана, лукавства, и является источником отрицательной коннотации.

Исходные пространства		
ИС I <i>Barmecide</i> богач	ИС II <i>feast</i> пиршество	
– богатство	– изобилие	трапезы
	– изысканность	
	– роскошь	
– фиктивная щедрость	– щедрость	
– подлог, обман, лукавство	– расточительность	
	– обжорство	
Общее пространство (основание метафоризации) ПИР есть ИЛЛЮЗИЯ		
		
Новое интегрированное пространство		
МНИМОЕ ИЗОБИЛИЕ и ФИКТИВНАЯ ЩЕДРОСТЬ		
отрицательная коннотация		

Данный пример со всей очевидностью демонстрирует тот факт, что интегрированное пространство, которое возникает в ходе взаимодействия исходных пространств, отнюдь не является их суммой, но представляет собой новую смысловую структуру, новую идею. Эта идея и ложится в основу формирующегося фразеологического значения.

Итак, проведенный когнитивный анализ позволил рассмотреть образование фразеологизмов с компонентом-антропонимом сквозь призму теории концептуальной интеграции и выявить базовый механизм смыслопорождения в ходе фразеологической номинации в английском языке. Удалось установить, что данный процесс может быть представлен как взаимодействие ментальных пространств, в результате которого происходит формирование метафорического образа объекта номинации, «схваченного» языковым знаком – фразеологизмом. При этом компонент-антропоним, как правило, является определяющим, ибо он направляет ход процесса интеграции. Возникающее интегрированное пространство не сводится к простому сложению исходных смыслов-слов. Это – новая структуризация опыта, представленного в значении ФЕ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. – Ч. I. – М.: Типография СААРМА, 2005. – С. 9–24. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 500. Сер. Лингвистика).
2. *Истрина Е. С.* Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог. В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л.: ЛГУ, 1951. – С. 82–87.
3. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 176 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика: материалы Третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике: в 2 ч. – Ч. I. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. – С. 4–6.
5. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – 2-е изд, перераб. – М.: Высшая школа, 1996. – 380 с.
6. *Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 502 с.

7. *Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of meaning Consttuction in Natural Language. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. – 190 p.
8. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. – Basic Books, 2003. – 464 p.
9. The Corpus of Contemporary American English (COCAE): 400+ million words (US, 1990-present) / Mark Davies ; Brigham Young University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americancorpus.org/>

УДК 811.111'373

О. В. Зубкова

аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: lilitt@rambler.ru

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ» СРЕДИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье исследуются причины возникновения фразеологизмов – «ложных друзей переводчика». Семантическому анализу подвергаются пары английских и русских идиоматических выражений, которые представляются эквивалентными, но в действительности имеют разные значения. Анализ позволяет связать появление подобных «ложных друзей» с отличиям в развитии фразеологических систем английского и русского языков.

Ключевые слова: ложные друзья переводчика; фразеология; идиома; эквивалентность / неэквивалентность; развитие языковой системы; этимология; языковая аналогия.

Zubkova O.

Post-graduate Student at the Chair of English Lexicology MSLU
e-mail: lilitt@rambler.ru

FALSE FRIENDS OF AN INTERPRETER AMONG IDIOMS

The article investigates into the reasons for the emergence of “false friends of an interpreter” in English and Russian phraseology. It provides semantic and etymological analyses of a few phraseological counterparts which seem equivalent but in fact possess different meanings. The study makes it possible to link the development of such pairs to the peculiarities of evolution of the English and Russian language systems.

Key words: false friends of an interpreter; phraseology; idiom; equivalence / non-equivalence; language system evolution; etymology, language analogy.

В практике переводческой и лексикографической работы особые трудности вызывают «ложные друзья» переводчика – лексические единицы в разных (чаще в двух) языках, представляющиеся эквивалентными, но различные по значению [8]. Обычно в таком случае речь идет об отдельных словах, но не меньший интерес представляют подобные ложные эквиваленты и на фразеологическом уровне, т. е. в случае устойчивых сочетаний слов, которые согласно А. В. Кунину обладают сложной семантикой и не могут быть образованы по «порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [6, с. 6].

Попробуем определить какие фразеологические единицы (ФЕ) можно назвать «ложными друзьями» переводчика. Прежде всего, это выражения, буквальное прочтение которых практически эквивалентно в разных языках (*wind in the head – ветер в голове*), но которые имеют расхождения в части фразеологического значения. Такие фразеологизмы являются своего рода межъязыковыми омонимами. Также к «ложным друзьям» можно отнести идиомы не совсем идентичные по форме, но вызывающие схожие ассоциации, которые путают иноязычного читателя, пытающегося опереться на внутреннюю форму ФЕ. Например, *with one's tail between one's legs – поджав хвост* на первый взгляд представляются идентичными. Происхождение этих выражений связано с особенностями поведения собак, которые, испытывая страх, поджимают хвост. Тем не менее их семантика значительно отличается: английская идиома передает идею замешательства и / или стыда человека, потерпевшего неудачу или совершившего ошибку, промах и т. п. («feeling ashamed and embarrassed because you have failed or made a mistake» [12]), в то время как русская идиома означает становиться «более осторожным, осмотрительным, испугавшись чего-либо» [2].

Стоит отметить, что степень расхождения в семантике идиом может быть различной. Например, английское выражение *to cross smb's path – встретиться с кем-либо* и русское – *перейти кому-либо дорогу* (передающее идею соперничества или вражды) описывают вообще разные ситуации, а идиома *to throw dust into smb's eye* и ее русский аналог *пускать пыль в глаза* обладают некоторым семантическим сходством: обе единицы содержат в значении сему – «умышленно обманывать». Однако на этом сходство их значений заканчивается. В первом случае ФЕ означает «вводить в заблуждение», «сбивать с толку», «отвлекать внимание» («mislead someone by misinterpretation or diverting attention from a point» [17]), а во втором – «набивать себе цену», «создавать ложное впечатление о себе», «приукрашивать свое положение». Поэтому, хотя многие переводные словари приводят данные единицы именно как эквиваленты (см., например, электронный словарь LingvoUniversal, АВВУ2008), здесь едва ли можно говорить о семантической идентичности. На самом деле эти идиомы являются лжеэквивалентами.

Среди ложных эквивалентов во фразеологии выделяется довольно большая группа единиц, которые тоже иногда причисляются

к «ложным друзьям» переводчика, так как они, имея относительное подобие поверхностной структуры, значительно отличаются в семантическом плане, например идиома *to be born with a silver spoon in one's mouth* и ее русские аналоги *родиться в сорочке/рубашке* и *родиться под счастливой звездой*. Эти ФЕ соотносятся с одним и тем же понятием – «быть счастливым». Однако на этом сходство их значений заканчивается. Дело в том, что культурный компонент, который имеет большой удельный вес в семантике каждой из этих единиц, по-разному конкретизирует указанное понятие. В первом случае имеется в виду прежде всего материальное благосостояние («*be born into a wealthy family*» [17]), в то время как обе русские идиомы передают идею счастливого (и часто чудесного) избавления от неминуемой гибели или другой серьезной опасности. Поэтому данные единицы не являются эквивалентными, хотя нередко используются в переводческой практике в качестве аналогов (см., например, [5]). Вместе с тем обращает на себя внимание и то обстоятельство, что указанные фразеологизмы значительно расходятся в части лексического состава, вызывают совершенно разные ассоциации и по этой причине могут сбить с толку лишь самых неопытных переводчиков. В связи с этим в данном исследовании подобные фразеологизмы не считаются «ложными друзьями» переводчика.

Однако «ложными друзьями» могут быть разные фразео-семантические варианты многозначных ФЕ. Иными словами, существуют разноязычные пары единиц, у которых отдельные значения совпадают, а другие отличаются. Так, английская идиома *over smb's head* может означать то же, что и русское выражение *через чью-либо голову* (в данном значении эти ФЕ эквивалентны). Но она также имеет иное значение – «выше чьего-либо понимания» («*beyond your ability to understand*» [17]), которое отсутствует у русского фразеологизма. В качестве иллюстрации можно привести фрагмент воспоминаний Джейн Уолш «Not Like This»:

I can't remember much about the funeral except the younger student preacher who gave a long, long address – far over our heads¹.

Как видно, автор говорит именно о невозможности понять смысл слов молодого проповедника.

---

¹ Цит. по: [5].

«Ложные друзья» во фразеологии представляют интерес прежде всего с практической точки зрения – их необходимо распознавать и адекватно передавать при переводе. Но в тоже время их изучение может иметь и теоретическое значение. Так, подобные единицы являются довольно ценным материалом для лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации. Вместе с тем исследование их происхождения и последующей динамики в языке может не только помочь понять причины возникновения «ложных друзей» в различных языках, но также пролить некоторый свет на ход и закономерности развития фразеологической системы конкретного языка.

Несмотря на то что появление некоторых «ложных друзей» во фразеологии может быть делом случая, большинство из них так или иначе этимологически связаны и расхождения в их значении происходят, как правило, вследствие действия тех или иных внутриязыковых механизмов и экстралингвистических факторов, характерных именно для данного языка или, скорее, для данной лингвокультуры. Чтобы проиллюстрировать данное положение, сравним несколько англо-русских пар.

«Ложные друзья» переводчика могут иметь общий источник происхождения: выражение из какого-либо древнего языка или общие легенды, поверья. Например, источник фразеологизмов *водить за нос* и *lead by the nose* – очень древний. Подобное выражение встречается уже у древнегреческих писателей (например, у Лукиана) и нашло отражение во многих современных языках. Данная метафора связана со способом управлять животными при помощи кольца, продетого в ноздри, т. е. в основании указанных единиц лежит один образ – представление о быке с кольцом в носу. Однако этот образ по-разному концептуализируется в русской и английской лингвокультурах. Английская ФЕ *lead by the nose* означает «всцело подчинить себе» («to control someone and make them do exactly what you want them to do» [12]), а русское выражение *водить за нос* – «обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая и не выполняя обещанного» [2]. Иначе говоря, в английском языке акцентируется признак «полное подчинение чьей-либо власти или влиянию», а в русском – признак «обман/хитрость».

Формирование такого значения в русском языке можно объяснить очевидной аналогией с другими русскими идиомами с лексемой *нос*, которые содержат в своем значении сему обмана: *натянуть*

нос; оставить с носом; трет и нос, и переносицу, а несет окоlesiцу. Подобная аналогия не наблюдается в английском языке, где слово *nose*, как отмечает Е. Г. Беляевская, является символом чутья и интуиции [1], как, впрочем, и в русской фразеологии (ср. *to have a nose for smth* – *иметь нюх на...; cannot see beyond (the end of) one's nose* – *не видеть дальше своего носа*). Вероятно, в становлении современного значения идиомы *to lead by the nose* гораздо большую роль сыграла семантика компонента *to lead*, который во многих из своих значений несет идею лидерства. Соответственно, в английском языке имеется целый ряд глагольных словосочетаний с компонентом *to lead*, отражающих эту идею: *to lead smb into smth, to lead smb to believe, to lead an election, to lead the field*, а также субстантивных единиц с компонентом *lead* – существительным, явно образованных по аналогии *to take the lead, to follow the lead, to play the lead* и т. д. Кроме того, английская интерпретация образа – полное подчинение кого-либо своей власти, порождает отрицательную коннотацию, связанную прежде всего с представлением о безвольном, ведомом, подобно животному, человеку. Эта коннотация отражена в дефиниции идиомы, которую предлагает фразеологический словарь издательства Лонгман: «control someone completely so that they do everything you want them to do, especially in a way that makes the person seem stupid» [15]. То, что данная идиома имплицитно передает идею пассивности и даже тупости ведомого, хорошо видно из следующего литературного контекста. В пьесе Шекспира «Отелло» Яго говорит, что Отелло «will as tenderly be led by the nose as asses are». Сравнение Отелло с ослом (*as asses are*), воплощением глупости, не только оживляет внутреннюю форму фразеологизма, но и посредством созданного окказионального образа выводит его имплицитный смысл на первый план.

Таким образом, несмотря на общий источник, фразеологические значения оборотов *водить за нос* и *lead by the nose* в русском и английском языках разошлись. Приведенный пример также может свидетельствовать о существенной роли, которую играют механизмы аналогии в развитии языковой системы.

Нередко решающее значение в формировании ФЕ имеют экстралингвистические факторы. Выражения *put salt on the tail of* и *насыпать соли на хвост* также имеют общий источник – древнее поверье, связанное с ловлей птиц. В английском языке оно нашло отражение в пословице: *You can catch a bird by putting salt on its tail.*

В современном английском языке идиома *put salt on the tail* имеет значение «поймать, изловить кого-л.». Оксфордский словарь также поясняет, что данная единица обычно используется в качестве шуточного совета детям («alludes to the humorous advice traditionally given to young children about the best way to catch a bird» [17]). Это значение довольно хорошо проступает в следующем отрывке из «The Tale of Snowball Lamb» Артура Скотта Бейли:

«What if Johnnie Green should put salt on my tail?» he asked Mr. Crow... The old gentleman stared at Snowball as if he couldn't quite believe that anybody could be so stupid. «Haven't you ever heard that that's the way to catch people?» cried Mr. Crow at last. «Why, there isn't a boy in Pleasant Valley who doesn't know that; and many of 'em carry salt about in their pockets all the time, hoping to get a chance some day *to put the salt on my tail*, and capture me!» [11]

В русском же языке выражение *насыпать соли на хвост* было переосмыслено. Возможно, это произошло частично под влиянием другого народного поверья, связанного с заговором на след врага, при котором с помощью соли на человека наводилась порча. Вообще в русской культуре отношение к соли неоднозначно. С одной стороны, евангельское «Соль – добрая вещь» (Марк 9:50) нашло отражение во многих единицах языка с положительной коннотацией: *хлеб да соль*, (библ.) *соль земли*, *аттическая соль*, *пуд соли съесть* и др. Даже в отрицательно окрашенной идиоме *несолоно хлебавши* сам лексический элемент *солоно* сохраняет свой позитивный смысл. С другой стороны, соль едят понемногу – можно себе навредить: *недосол на столе – пересол на спине*; *добра соль, а переложил – рот воротит*. Более того, в дохристианской, языческой культуре соль является атрибутом или, скорее, инструментом бытовой магии, например, для причинения вреда недругу. Отсюда отрицательный спектр языковых номинаций с данным компонентом: *насолить кому-либо*, *сыпать соль на рану* и др., хотя основанием последней номинации служит не только символизм компонента соль, но и даже в большей степени обобщенный в виде образа житейский опыт. В результате ФЕ *насыпать соли на хвост* приобрела свое современное значение – «причинять неприятность, «насолить», досадить кому-л.». Например:

Он говорил, довольный, что слово его ... явно претит другому слушателю. На фронте это называлось: *насыпать соли на хвост* [10].

«Что было, то сплыло», – сказал он пасмурно. «Очень уж густо вы соли на хвост мне насыпали» [7].

В отдельных случаях один из «ложных друзей» может быть калькой второго. Например, русская идиома *вариться в собственном соку* является калькой с английского оборота *stew in your own juice*, который означает «страдать от собственных действий» («suffer the unpleasant consequences of your own actions or temperament without the consoling intervention of others» [17]). В русском восприятии эта калька приобрела совсем иную интерпретацию – «работать, без учета опыта других, не выходя за рамки своего» [2]. Кстати, английская идиома утвердилось в своем настоящем виде не так давно – во второй половине XIX века, а до этого имела несколько промежуточных вариантов, отражающих ту же идею. Например, в «Кентерберийских рассказах» Чосера встречается вариант *fry in his own thick grease*:

That *in his own thick grease* I made him *fry* [13].

Другой пример, русская ФЕ *золотая лихорадка* – калька с английского *gold fever*. Она имеет два значения: первое – «бум поиска золота в районах вновь открытых месторождений, сопровождающийся наплывом старателей, обычно связывается с историей США» [3], и второе – «ажиотаж, шумиха, связанная с добычей золота» [2]. В современном английском языке указанные значения соответствуют выражению *gold rush*, в то время как ФЕ *gold fever* означает «the contagious excitement of a gold rush» [16], т. е. отражает только второе значение русского фразеологизма. Иными словами, первая ФЕ *gold rush* непосредственно связана с конкретной исторической реальностью, а вторая имеет более обобщенное значение с доминирующей эмотивной семой. Эта пара семантически близких, но не идентичных единиц является показательной в том смысле, что формирование фразеологического значения во многих случаях проходит под влиянием семантических особенностей того или иного компонента. В данном случае слово *rush* (*погоня, натиск, стремительный бросок*) – компонент первого фразеологизма – характеризуется динамичностью и акцентирует такие признаки, как «высокая активность», «стремительность», «движение в заданном направлении», отражающие устремление человека к какой-либо цели. Поэтому неслучайно именно эта лексема легла в основу обозначения той безумной погони за

золотом в США в 1849 году именуемой «золотой лихорадкой». Напротив, семантика слова *fever* статична и передает состояние: первый лексико-семантический вариант означает болезненное состояние, которое сопровождается высокой температурой (лихорадкой) и бредом; второй – метафорически передает эмоциональное состояние, предполагающее высокий накал страстей. Семантические признаки данной лексемы, такие как «лихорадочное состояние», «бред», «высокий накал страстей», формируют коннотацию ФЕ *gold fever*. А, как известно, именно коннотация является для идиомы определяющим фактором в выборе единицы в процессе коммуникации [1]. В связи с этим данная идиома используется для описания нездорового ажиотажа в обществе, связанного с добычей золота.

Следует отметить, что обе единицы возникли практически одновременно и функционируют в языке параллельно для обозначения смежных понятий. Что же касается упомянутой выше русской кальки, которая уже в русском языке претерпела расширение значения, то выбор для калькирования ФЕ *gold fever* связан, скорее, с тем, что в русском языке нет полного эквивалента слова *rush* (*существительного*), зато русское слово *лихорадка* обладает теми же коннотациями, что и английское *fever*, и вполне соответствует представлению русского человека об описываемом событии. Таким образом, возникновение данной пары «ложных друзей» обусловлено действием как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов.

Как уже упоминалось выше, большинство таких неполных или вообще ложных соответствий так или иначе мотивировано. Существуют, однако, случаи, когда ошибочно ассоциируются фразеологизмы лишь на основе их внешнего сходства, в то время как в семантическом плане эти единицы существенно отличаются. Интересный пример в этом отношении представляет пара ФЕ *see eye to eye* – (*видеться*) *с глазу на глаз*. Эти единицы этимологически не связаны, но имеют очевидное сходство лексико-грамматической структуры.

Семантической доминантой русского фразеологизма является сема «близость / единение», а также сопряженная с ней сема «уединение». Формально идиома *с глазу на глаз* представляет собой типичную экзосцентрическую фразу (по Блумфильду), знаковая функция которой не совпадает с функцией любого из ее компонентов. На семантическом уровне это проявляется в том, что указанные семы не соотносятся ни с одной из лексем, но имплицитируются внутренней формой единицы

и, в частности, символикой слова *глаз* в русской лингвокультуре. Как справедливо указывает В. Н. Телия, здесь прослеживается «одно из древних для окультуренного осознания мира представлений – представление о глазах как об отражении внутреннего мира человека; компонент «глаз», соотносится с телесным, т. е. соматическим, кодом культуры и, в сочетании с предлогом «с», метафорически осмысливается... как непосредственный и исключающий отчужденность контакт» [4]. Иными словами, внутренняя форма идиомы передает представление о такой степени близости, которая исключает любое чуждое вмешательство или присутствие. Интересно, что то же символическое значение компонента «глаз» лежит в основании другой русской идиомы – *глаза в глаза* (которую, кстати, тоже иногда ошибочно считают эквивалентом английской идиомы), а также устаревшей ФЕ *глаз на глаз*, фразеологическое значение которых практически совпадает с ФЕ (*видеться*) *с глазу на глаз – один на один, наедине*. Это лишний раз доказывает, что формирование семантики фразеологизма происходит под влиянием определенных системных факторов и не является абсолютно спонтанным и случайным. К такому же выводу приводит анализ и английской идиомы.

ФЕ *see eye to eye* передает идею полного единомыслия, схождения взглядов (*have similar views or attitudes to something; be in full agreement* [17]). Во-первых, основанием для данной номинации, возможно, послужило характерное для англоязычной культуры представление, что глаза человека всегда двигаются синхронно и в одну сторону [9]. Так и люди, обращенные в одну сторону, видят одно и тоже и, следовательно, имеют общие, схожие взгляды (мнения). Кроме того, при образовании этого фразеологизма прослеживается действие аналогии. Для английского языка характерны предложные биномиальные обороты с соматическими компонентами – *hand in hand, side by side, shoulder to shoulder, heart to heart* и др., значение которых содержит сему «единство». Но в отличие от русского оборота, который передает идею единства – уединения, английские биномиальные фразы, включая *eye to eye*, используются для описания единства другого рода – солидарности, основанной на общности цели, мировоззрения и т. п.

Примечательно, что в этом же смысле выражение *see eye to eye* употребляется в англоязычном переводе Библии, благодаря чему, вероятно, идиома и получила широкое распространение:

Thy watchmen shall lift up the voice; with the voice together shall they sing: for they shall see eye to eye, when the LORD shall bring again Zion [Исайя 52:8]. – Голос сторожей твоих – они возвысили голос, и все вместе ликуют, ибо своими глазами видят, что Господь возвращается в Сион [Исайя 52:8].

Реализованный здесь контекстный смысл фразы, который еще довольно далек от современного кодифицированного значения ФЕ *see eye to eye*, все же разворачивается вокруг семы «единство», опираясь при этом на элемент контекста *together*.

Русский перевод этого текста в целом передает ту же идею единства, единения, только она передается здесь другими средствами (через *все вместе*), однако фрагмент, соответствующий английскому *they shall see eye to eye* совсем иначе интерпретируется по-русски – *своими глазами видят*. Кстати, специалист в области ветхозаветной теологии Герберт Леупольд (Herbert Carl Leupold) в своей книге «Exposition of Isaiah» пишет, что это выражение в древнееврейском языке соответствует понятию «рядом, поблизости»: «something like being so near that you can see the whites of the eye of the person approaching» [14, с. 219]. Получается, что русский перевод все-таки точнее отражает изначальный библейский текст. Данный пример свидетельствует о том, что перевод даже канонического Священного текста во многом зависит от особенностей восприятия мира, которые находят отражение в национальных лингвокультурах и, соответственно, в языковых средствах.

Как мы видим, «ложные друзья» переводчика во фразеологии могут происходить как из какого-либо общего источника, так и возникнуть спонтанно как отражение сходных реалий. Они могут быть изначально заимствованы из другого языка и впоследствии приобрести иное значение в языке-реципиенте, приспособиваясь к новому языку и культуре. Расхождения в значениях изначально эквивалентных единиц могут формироваться в ходе эволюции того или иного языка – в результате действия характерного для данного языка механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. – Ч. I. – М. :

- «Типография СААРМА», 2005. – С. 9–24. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 500. Сер. Лингвистика).
2. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель; АСТ ; Люкс, 2005. – 926 с.
  3. Большой Российский Энциклопедический Словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.razym.ru/spravochniki/enciklopediya/143767-bre-bolshoy-rossiyskiy-enciklopedicheskiy-slovar.html>
  4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс, 2006 – 784 с.
  5. *Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., перераб. – М. : Русский язык – Медиа, 2005. – 1210 с.
  6. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – 3-е изд., стереотип. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.
  7. *Пикуль В. С.* Богатство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knigger.com/texts/php?bid=5950>
  8. *Рецкер Я. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский – М. : Просвещение, 1982. – 159 с.
  9. *Туарменская А. В.* Когнитивные аспекты восприятия и категоризации пространственного опыта (на материале английских фразеологизмов со словами, обозначающими части тела человека): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 180 с.
  10. *Федин К. А.* Необыкновенное лето [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PROZA/FEDIN/neo leto.txt>
  11. *Bailey Arthur.* The Tale of Snowball Lamb. – URL: Mode of access: www.gutenberg.org/files/24592/24592.txt
  12. Cambridge Idioms Dictionary. – Cambridge University Press, 2006. – 505 p.
  13. *Chaucer Geoffrey.* The Canterbury Tales, and other Poems. URL: – Mode of access: www.gutenberg.org/ebooks/2383
  14. *Leupold Herbert Carl.* Exposition of Isaiah. – Baker Book House, 1971. – 977 p.
  15. Longman Idioms Dictionary. – Harlow : Longman Ltd, 1998. – 416 p.
  16. Merriam-Webster Dictionary. – Mode of access. – URL: www.merriam-webster.com
  17. Oxford Dictionary of Idioms. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 340 p.

УДК 811.111'37

М. С. Иевская

ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ
соискатель кафедры лексикологии факультета английского языка ГПН МГЛУ
e-mail: m.ievskaya@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «НОРМА / НАРУШЕНИЕ НОРМЫ
(ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ)»**

В статье проводится анализ процесса формирования семантики фразеологизмов с компонентом-соматизмом как особого класса языковых единиц, отражающих результат «двойного кодирования» информации о человеке и мире. На основе проведенного анализа представлена классификация ФЕ с компонентом-соматизмом на основе принципа бинарной оппозиции «норма / нарушение нормы (отклонение от нормы)».

Ключевые слова: фразеологизмы; соматический компонент; норма; бинарная оппозиция.

Ievskaja M. S.

Post-graduate Student at the Chair of English Lexicology
e-mail: m.ievskaya@mail.ru

**COGNITIVE MECHANISMS OF THE SEMANTICS OF ENGLISH
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATIC COMPONENTS ON THE
BASIS OF THE «NORM / BREACH OF NORM» BINARY OPPOSITION**

The article provides an analysis of the process of the semantic formation of phraseological units with a somatic component as specific linguistic signs that undergo a double codification. The analysis resulted in creation of a classification scheme for the presented phraseological units in terms of the «norm / breach of norm» binary opposition.

Key words: phraseological units; a somatic component; norm, binary opposition.

Когнитивный подход к изучению языка характеризуется общей антропоцентрической направленностью, поскольку когнитивная

лингвистика изучает язык как результат и инструмент познавательной деятельности человека. В целях понимания и осознания мира, человек использовал собственное тело как объект познания.

В нашем исследовании мы исходим из положения о том, что индивид с его заданной телесно-духовной формой экстраполирует на предметы и объекты окружающей действительности знания о себе самом и своем теле [3]. Внешние ситуации в языковом сознании носителей языка сопрягаются с физическим и интеллектуальным воздействием и осмысляются через конкретно-чувственные параметры, так или иначе указывая на тело человека и его части. В структуре фразеологических единиц с компонентом-соматизмом «телесные» объекты становятся знаками вторичной номинации, формирующими новое знание, в котором отражается «точка зрения» человека об окружающей действительности, включая образные представления о ней, заключенные в этих единицах. В статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом-соматизмом как особый класс языковых единиц, отражающих результат «двойного кодирования» информации о человеке и мире.

В научной литературе по лингвистике представлены разные трактовки термина «соматизм». Например, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров трактуют его широко: «...любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека» [2, с. 395]. Они также вводят такое понятие, как «языковые соматические речения»: «...цельные знаки, имеющие массовую представленность <...> известны всем членам языковой общности» [2, с. 400], которое применимо к нашему объекту исследования, английским фразеологическим единицам с компонентом-соматизмом.

В статье под соматизмами понимаются единицы языка, номинирующие части тела и внутренние органы человека. Например: *to have teeth* «to have power», *to have a heart* «to be compassionate», *with my heart in my throat* «to be frightened or nervous», *to be (feel) down in the mouth* «to feel sad or upset», *to pay through the nose* «to pay a price that is much higher than it should be», *to cut off your nose to spite your face* «to do smth because you are angry even if it will cause trouble for you», *to be bound hand and foot* «wholly obligated (legal, moral or social obligations)», *to keep body and soul together* «to be alive», *to tie one's navels together* «to become inseparable», *to have fire in the belly* «to have ambitions» etc. [6]

В нашем исследовании под соматизмами понимаются «не только лексемы, называющие части тела, но и слова, связанные с организмом человека и животных (*кость, кожа, кровь, нерв, мускул* и т. д.), так как они обозначают жизненно важные элементы материальной субстанции, без которых живой организм не может существовать» [5, с. 7]. Например: *to have a thick skin* «to be impervious to criticism», *to save one's skin* «to get off safely», *to have neither gut nor gall, to get on nerves* «to irritate», *not move a muscle* «to remain perfectly motionless», etc. [10].

Под фразеологическими единицами в исследовании понимаются языковые структурные образования, состоящие из двух и более компонентов. Это устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, которые не носят индивидуального характера, а представляют собой обороты, которые используются определенным языковым коллективом в целом. Семантическая осложненность фразеологических единиц (ФЕ) определяется «... степенью переосмысленности лексем при образовании целостного значения ... и может проявляться в полном или частичном переосмыслении, или преобразовании значения компонентов» [4, с. 93]

По мнению А. В. Кунина, под переосмыслением следует понимать: «...семантическое преобразование буквального значения языкового или речевого прототипа фразеологизма...» [4, с. 156]. Переосмысление является одним из способов отражения действительности в сознании человека и связано с воспроизведением особенностей отражаемых предметов на основе установления связи между ними.

При исследовании значения фразеологизмов огромную роль играет мотивированность значения. В самом общем виде мотивированность можно определить как обоснованность значения фразеологизма значениями отдельных его компонентов. Основной пласт ФЕ с компонентом-соматизмом, исследуемых в данной работе, отличается мотивированностью.

В структуре ФЕ *to have a heart* соматизм *heart* играет ключевую роль в процессе фразеологизации значения ФЕ. Сердце – центральный орган всей телесной, духовной и эмоциональной жизни человека. Человеческое сердце отвечает не только за важнейшие процессы жизнедеятельности человека, но и является вместилищем чувств и эмоций индивида. Наличие сердца всегда включает положительную

коннотацию и характеризует человека с положительной стороны. Если у человека есть сердце, то он способен переживать самые сильные эмоции, способен к проявлению таких высоконравственных чувств, как сострадание и добродетель *to have a heart* «to be compassionate and generous, to know kindness and sympathy» [7].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть случаи интерпретации значения фразеологизмов с компонентом-соматизмом как особого класса языковых единиц, отражающих результат «двойного кодирования» информации о человеке и мире сквозь призму бинарной оппозиции «норма/нарушение нормы (отклонение от нормы)».

Так, Н. Д. Арутюнова определяет человеческое тело как «неразборное целое» [1, с. 29]. Тело человека имеет анатомический и физиологический баланс, однако это природное равновесие неустойчиво, поскольку любое дополнение или изъятие любого элемента нарушает этот баланс.

Под категорией «норма» в работе понимается заданность духовно-телесной формой (заданное природой анатомическое расположение органов и т. д.).

Принцип заданности телесно-духовной формы лежит в основе данной статьи, в которой предпринята попытка предложить классификацию ФЕ с компонентом-соматизмом сквозь призму оппозиции, обозначенной выше.

В рамках нашего исследования по принципу сплошной выборки из наиболее авторитетных лексикографических источников были отобраны и проанализированы фразеологические единицы с компонентом-соматизмом сквозь призму бинарной оппозиции «норма/нарушение нормы (отклонение от нормы)». Проведенный анализ позволяет выделить следующие категории:

1) *наличие / отсутствие органа*. Тело человека воспринимается как целостное образование. Отсутствие внешнего (или внутреннего) органа нарушает анатомический суверенитет. К примеру, ФЕ *have a head for something* «have the mental capacity for something», но в семантике ФЕ *to have nothing between the/your ears* «to be stupid» [6]; *have neither gut nor gall* «to be merciless/unfeeling» [9] отсутствие части тела обуславливает отрицательную коннотацию ФЕ;

2) *отклонение от нормы, выраженное в изменении анатомического расположения органов*. Отклонение от нормы, выраженное

в нарушении анатомического расположения органов также может свидетельствовать и о высокой степени испытываемой эмоции: ФЕ *with my heart in my throat* «to be nervous or frightened», ФЕ *smb's heart is in their mouth* «extremely nervous» [6];

3) *нарушение пропорциональности и размера*. В данной категории можно выделить следующие ФЕ: *long in the arm, long in the tooth, have a thick skin, to have a big mouth, to have big ears* (=to listen to other people's private conversations), etc.

Важным параметром при оценке физических характеристик тела человека является гармоничность, пропорциональность тела и его частей. Отклонение от заданной телесной нормы, слишком большие или, наоборот, слишком маленькие размеры не добавляет человеку привлекательности.

Буквальное значение соматизма *mouth* «the part of the face that includes the lips and the opening behind them through which food passes into the body» [8] переосмысливается в процессе фразеологизации. *Mouth* становится источником коммуникации. При этом за счет употребления интенсификационного имени прилагательного *big* ФЕ приобретает негативную коннотацию и характеризует человека, который сплетничает *to have a big mouth* «to be a gossip» [6].

ФЕ *to be all brawn and no brains* «to be physically strong but not very intelligent» [6], в которую входят два соматизма *brawn* и *brain*, объединяет сразу несколько категорий номинации: описывается и физическая сила, и интеллектуальная способность человека, точнее отсутствие последней: *I agree he's got a good body, but he's all **brawn and no brains***.

Соматизм *brawn* (Middle English, from Anglo-French *braon flesh, muscle*, of Germanic origin; akin to Old English *bræd flesh*) означает «physical strength, especially when compared with mental skill and intelligence» [9].

Соматизм *brain* (an organ of soft nervous tissue contained in the skull of vertebrates, functioning as the coordinating centre of sensation and *intellectual* and nervous activity) представлен в форме множественного числа *brains* «[plural] mental ability and intelligence» [8].

Так, семантика данных соматизмов апеллирует к созданию образа мужчины, красивого, атлетического телосложения, но обделенного интеллектом. На первый план выходит «физическое» начало: перед существительным *brawn* (*мускулы*) используется определитель *all*

в значении «referring to every part of a place or surface» и отрицается наличие умственных способностей. Данный пример еще раз подтверждает тот факт, что ФЕ заключают в себе комплекс архетипических, наивных представлений носителей языка о том или ином стереотипе национальной культуры, таких как в данном случае – *сила есть – ума не надо*. Анализ актуализации данной ФЕ в разных дискурсах (публицистический, художественный) позволяет выстроить некую модель ситуации, в которой реализуется данная ФЕ: а) мужчина; б) сильный / атлет / мускулы; в) привлекательный; г) не блещущий интеллектом;

4) *суверенитет телесных границ / нарушение суверенитета телесных границ*: ФЕ *get under one's skin, get in smb's hair, to keep someone at arm's length*. В ФЕ *to keep someone at arm's length* «to avoid becoming connected with someone or something» [10] отражено важнейшее правило коммуникативного поведения англичан и американцев – соблюдение границ личного пространства – дистанция «вытянутой руки». В современной деловой английской лексике активно используется выражение *the arm's length principal (ALP)* (*принцип равноправия и незаинтересованности сторон при заключении сделки, контракта, договора, «принцип заключения сделок на рыночных условиях»*);

5) *нарушение вертикальной оси / отсутствие опоры*. ФЕ *not to have a leg to stand on, bound hand and foot, etc.*

Тело человека имеет анатомическое и физиологическое равновесие, которое всегда неустойчиво. Любое изменение, может привести к нарушению баланса. Ноги человека – это основная опора, потеря баланса, нарушает равновесие. Например, утрата баланса и опоры актуализирована в семантике ФЕ *not to have a leg to stand on*. Переосмысление значения соматизма *leg* как опоры порождает концептуальный образ «утраты поддержки». В значении ФЕ *get / put / set / have smb. back on his feet* актуализируется значение «вылечить человека», что означает поставить человека на ноги, т. е. вернуть опору и ощущение чувства баланса;

6) *чужеродный объект / образование на / в теле человека*: ФЕ *to have rocks in your head, to have a frog in your throat, to have a lump in one's throat, albatross around one's neck, to have rocks in your head, to have a frog in your throat, to have a lump in one's throat* «to have a tight feeling in your throat because of a strong emotion such as sorrow and gratitude» [6].

Соматизм *throat* (1): the part of the neck; (2): the passage through the neck to the stomach and lung [8]. Дефиниция порождает метафорические восприятие горла как прохода (passage). В сочетании с соматизмом *throat* слово *lump*, которое номинирует некое инородное образование на горле, актуализирует значение ФЕ «have a tight feeling», формируется концептуально воспринимаемый образ скованности/преграды;

7) *физическая дисфункция*. В данной категории можно выделить несколько подкатегорий: а) осознанное причинение вреда себе самому ФЕ *cut off your nose, pull one's hair out, cut your own throat*; б) нарушение, вызванное внешним воздействием ФЕ *nose out of joint* «to annoy or upset smb». Отклонение от нормы в данной ФЕ заключается в «нарушении» анатомического природного характера: у соматизма *nose* отсутствует сустав.

Как показало проведенное исследование, в структуре фразеологических единиц часть тела человека или внутренний орган становится элементом, участвующим в создании фразеологических образов. В процессе фразеологизации значение компонента-соматизма в структуре ФЕ подвергается частичному или полному переосмыслению значения, что обуславливает природу «двойственности» значения соматизмов как неотъемлемых компонентов анализируемых фразеологических единиц. Проведенный анализ ФЕ с компонентом-соматизмом сквозь призму бинарной оппозиции «норма/нарушение нормы (отклонение от нормы)» демонстрирует тот факт, что заданность телесно-духовной формы определяет механизмы объективации в сознании носителя языка знаний о себе самом и своем анатомическом строении. Любое нарушение анатомического и физиологического баланса порождает новое знание индивида об окружающей действительности, включая образные представления о ней, актуализируемые в семантике ФЕ с компонентом-соматизмом.

Полученные в результате исследования данные позволяют представить модель классификации ФЕ с компонентом-соматизмом в рамках бинарной оппозиции «норма/нарушение нормы (отклонение от нормы)». Представленный материал, на наш взгляд, представляет собой перспективное направление для исследований в контексте дальнейшей разработки классификации и применения принципа бинарных оппозиций с целью анализа формирования семантики ФЕ с компонентом-соматизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М. : Индрик, 2005. – 1035 с.
3. Иевская М. С. Проявление антропоцентризма во фразеологической системе современного английского языка // Языкознание. Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 140–148. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 20 (680). Сер. Языкознание).
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна : Феникс+, 2005. – 479 с.
5. Скарёв Д. С. Фразеологизмы русского языка с компонентом-соматизмом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 24 с.
6. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: United Kingdom at the University Press, 2002. – 608 p.
7. Longman Idioms Dictionary. – Harlow, Essex: Addison Wesley Longman Limited, 1998. – 398 p.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford : Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1692 p.
9. Merriam Webster Dictionary Online. – URL: <http://www.merriam-webster.com>
10. Oxford Dictionary of Idioms. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 340 p.

УДК 811.111'373

Н. Г. Рахматуллаева

аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: rakhm@mail.ru

НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается явление аналогии в сфере английской фразеологии как инструмент развития фразеологической системы. Показано, что аналогия широко представлена во фразеологии и проявляется как на структурном, так и на семантическом уровнях. Структурно-семантическая аналогия трактуется как продуктивная структурно-семантическая модель, по которой могут возникать регулярные новообразования с заданными свойствами.

Ключевые слова: аналогия; структурно-семантическая модель; фразеологизм; окказиональная номинация; концептуальная схема; номинативный потенциал.

Rakhmatullaeva N. G.

Post-graduate Student at the Chair of English Lexicology
e-mail: rakhm@mail.ru

NOMINATIVE POTENTIAL OF STRUCTURAL-SEMANTIC ANALOGY IN ENGLISH PHRASEOLOGY

The article describes the phenomenon of analogy in the sphere of English phraseology as a tool of the evolutionary process of the phraseological system. The article shows that analogy is a widespread fact of the language and manifests itself at both structural and semantic levels. Structural-semantic analogy is viewed as a productive structural-semantic pattern capable of producing regularly new units with the desired properties.

Key words: analogy, structural-semantic pattern, idiom, nonce phrase, conceptual structure, nominative potential.

Структурно-семантическую аналогию во фразеологии можно рассматривать, с одной стороны, как частное проявление языковой аналогии вообще, а с другой – как механизм обновления и развития фразеологического фонда. Кратко остановимся на этих двух аспектах отдельно.

В современной лингвистике аналогия понимается как «процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы

языка другой или перенос отношений, существующих в одной паре (серии) единиц, на другую пару (серию)» [2, с. 31].

Изучение явления аналогии началось еще в Античности, однако в разные исторические периоды ее роль оценивалась по-разному, что, впрочем, отражает сложность и диалектическую природу этого явления. Исторически аналогия в лингвистике рассматривалась в терминах грамматики как одна из движущих сил языка. Так, в рамках «спора об аналогии и аномалии» в античный период аналогия выступает как понятие, связанное с регулярными формами, подводимыми под один образец, одну модель, одну парадигму¹.

В попытке описать язык и установить его нормы античные лингвисты разошлись во мнениях: так называемые аналогисты считали необходимым описывать языковые формы так, чтобы они отражали языковые законы построения правильной речи, указывая при этом на неправильность употребления слов и форм; напротив, аномалисты рекомендовали описывать формы языка так, чтобы они отражали (речевой) «обычай» их применения, т. е. включая отклонения от правил, аномалии. Последние полагали также, что следует отказаться от нормирования речи. Примечательно, что формы, объясняемые действием аналогии, трактовались как обнаруживающие «соразмерность значения и формы», т. е. как регулярные. А формы, не обнаруживающие указанных свойств – как аномальные. Видами аномалии в том числе считались омонимия, синонимия и некоторые другие явления. В итоге при создании грамматики были учтены обе точки зрения. Итак, в споре аномалистов и аналогистов аналогия рассматривается как нечто систематизирующее и регламентирующее.

Этот аспект аналогии подтверждается также современными лингвистическими исследованиями: многие перестройки по аналогии способствовали фактически стройности и упорядоченности парадигматики [3]. Благодаря способности к генерализации правила аналогия может выступать как организующее и упорядочивающее начало (ср. понятия давления системы, парадигматического выравнивания и др.) и оказывается орудием системности в языке. В этом качестве

---

¹ В этом смысле языковая аналогия является проявлением универсального стремления языка к правильности и регулярности. Так, эволюционные процессы уравниваются явлением инволюции – стремлением к употреблению языковых форм с минимальным отклонением от инварианта.

она увеличивает ряды правильных, регулярных форм, воспроизводя и повторяя некие образцы в широком масштабе.

С другой стороны, аналогические процессы могут рассматриваться как механизм преобразования языка, языкотворческой деятельности человека, например в словообразовании (Е. С. Кубрякова, Е. Г. Беляевская, Г. Г. Бондарчук). Причем аналогия может быть источником как регулярных, так и нерегулярных или дублетных форм (ср. *диал. пеку – пекёшь, ехать – ехай* и т. п.; ср. также в литературном русском языке *махать: махаю* наряду с *машу*).

Аналогия как преобразующее начало проявляется во всех подсистемах языка. Это было замечено еще классиками. Так, Ф. де Соссюр писал: «Роль аналогии безмерно велика, ее воздействие сказывается повсюду¹» [7, с. 173]. В этой связи можно сказать, что языковая аналогия служит своего рода инструментом обновления языка на всех его уровнях.

Именно механизм аналогии позволяет «говорящему переходить от корпуса известных ему форм к созданию новых ... благодаря следованию определенной модели, схеме». Надо сказать, что «действие аналогии проявляется при обобщении любой модели ... и ее распространении на новые единицы» [2, с. 31]. В этот процесс вовлекаются единицы разного уровня, протяженности и строения, включая фразеологизмы [1].

Аналогия в рамках фразеологической системы проявляется по-особому, в связи со спецификой этой системы. Хотя фразеология характеризуется как стабильная и консервативная система языка, в ней, тем не менее, протекают такие динамические процессы, как структурное и/или семантическое варьирование, деривация (в том числе семантическая деривация, т. е. возникновение многозначности), окказиональные номинации. Эти процессы происходят не стихийно. Как все номинативные процессы они базируются на механизмах, выработанных на протяжении истории развития языка, и выстраиваются по отработанным номинативным моделям [6]. Нарращивание номенклатуры фразеологических новообразований идет параллельно развитию номинативных средств языковой системы. Остановимся подробнее на механизме окказиональной фразеологической номинации по аналогии, которая может стать началом вторичной фразеологизации.

---

¹ Курсив наш – Н. Р.

В теории фразеологии окказиональной номинацией принято считать изменения (адаптацию) кодифицированной фразеологической единицы (ФЕ) в структурном и/или семантическом плане.

Окказиональная номинация, безусловно, является проявлением лингвокреативной способности человека. Однако языкотворчество не является совершенно свободным или спонтанным явлением – инновационные процессы, отражающие стремление языка к обновлению, жестко регулируются системными механизмами языка, обеспечивающими его стабильность. Иначе говоря, в языке сосуществуют две разнонаправленные тенденции: одна, направленная к развитию, другая – к правильности. Примечательно, что языковая аналогия уравнивает эти разнонаправленные силы, так как делает возможной реализацию языкотворческой способности человека и одновременно выступает как фактор регулярности: воспроизводя определенные образцы/модели, аналогия обеспечивает «встраивание» вновь созданных единиц в ряды регулярных, кодифицированных фразеологизмов.

Хотя традиционно фразеологическая система считается немоделируемой, изучение обширного корпуса ФЕ показывает, что многие фразеологизмы являются не единичными, а обнаруживают связь с другими ФЕ, о чем свидетельствует видимое сходство их внешней структуры и смыслового содержания.

Нельзя не заметить сходства семантики значительного количества ФЕ, объединенных, скажем, определенным фразеологическим образом, что на формальном уровне может проявляться в наличии общих или схожих компонентов. Если рассмотреть ФЕ с компонентом *road*, приведенных в фразеологическом словаре А. В. Кунина [4], то 10 из 15 могут быть включены в группы, объединенные по семантике на основании общности их образности. Так, фразеологизмы *to be on the road to* – *быть на пути к достижению цели*; *to be in sb's road* – *препятствовать, стоять поперек дороги*; *in the road* – *препятствующий, мешающий*; *royal road* – *легкий, прямой путь*; *to set sth on the road to (success / victory)* – *открыть чему-либо путь к успеху* – все объединены образом дороги как пути к достижению цели.

Следующая группа ФЕ объединена образом «дорога как деловая поездка», например *to be on the road* – *совершать турне, разъезжать* (о коммивояжере); *to go on the road* или *to take the road* – *отправляться в турне, деловую поездку*.

Существует также антонимическая пара ФЕ из области американской политики: *the high road* и *the low road*, объединенная образом «дорога как метод ведения политической борьбы».

Формальное сходство ФЕ *to feel like a boiled rag* и ФЕ *as limp as a rag* минимально, однако они имеют сходную образность (ср. рус. как тряпка), что обуславливает некоторое подобие их семантики, а именно, наличие в их значении семантического компонента «измученный».

Аналогия может носить менее очевидный характер. Так, ФЕ *not to have a feather to fly with* (разориться, обанкротиться) и ФЕ *not to have a rag to one's back* (впасть в крайнюю нищету, обнищать) обладают небольшим сходством их лексико-грамматического состава. Фразеологические образы, лежащие в их основании также различны. Однако сопоставление исходных ситуаций, породивших данные единицы, безусловно, обнаруживает сходство импликаций, которые вытекают из соответствующих образов: их буквальное прочтение «не иметь и пера, чтобы лететь» и «не иметь и лоскутка, чтобы одеться» в обоих случаях передает идею нехватки самого необходимого. Идентичность выводимых импликаций и обеспечивает сходство семантики данных ФЕ в целом.

Здесь следует подчеркнуть, что языковая аналогия в сфере фразеологии может проявляться как в семантическом подобии ФЕ, различных по лексико-грамматическому составу и даже структурному типу, так и, наоборот, в определенном параллелизме внешних форм при несходстве значения.

В первом случае речь идет о семантической аналогии, при которой деривационная связь производной и исходной единиц может быть не так очевидна. В основе данного вида аналогии лежат ассоциации содержательного характера. Тем не менее ассоциативный «мостик», перебрасываемый сознанием говорящего от одного предмета к другому, без опоры на сходство языковой формы не всегда может быть воссоздан в сознании другого человека. Это связано с тем, что ассоциации часто субъективны, зависят от личного опыта человека и других экстралингвистических факторов.

Рассмотрим неологизм (*to put lipstick on a pig*, который определяется в словаре идиом издательства «Лонгман» как «an unsuccessful attempt to make something ugly look more attractive» (тщетная попытка приукрасить что-то непривлекательное) [11]. Это выражение

появилось в 1920-х годах, но его популяризация связана с предвыборной президентской кампанией в США 2008 года, когда будущий президент Б. Обама, критикуя политическую программу своих оппонентов, использовал этот образ, чтобы подчеркнуть отсутствие в ней реальных перемен.

Однако при относительной новизне этого выражения образ свињи в английской фразеологии довольно широко распространен и всегда имеет негативную окраску. В частности, пословица *You can't make a silk purse out of a sow's ear* используется тогда, когда надо подчеркнуть, что нельзя сделать хорошим то, что по своей природе плохо [8]. И хотя формальное сходство этих выражений минимально, здесь все-таки возможно и необходимо говорить о семантической аналогии, так как обе номинации имеют очень близкое значение и общую концептуальную схему, в основе которой лежит парадоксальное сочетание образа свињи как нечистого, «низкого», часто отталкивающего животного и атрибута красоты *silk/lipstick – шелк/зубная помада*. Выражение *lipstick on a pig* имеет прозрачную внутреннюю форму, и потому является мотивированным, а наличие значительного числа кодифицированных ФЕ с подобной символикой, кроме пословицы *You can't make a silk purse out of a sow's ear*, способствовало распространению неологизма. Общеизвестны следующие обороты, имеющие негативную окраску: *to sweat like a pig; eat like pigs in clover; what do you expect from a pig but a grunt; to cast pearls before swine etc.* Здесь важно отметить то, что возможность увидеть деривационную связь нового и исходного выражений является решающей, так как позволяет осуществлять доступ к большому объему информации, уже стоящей за существующим в языке знаком.

Аналогию, носящую не формальный, а семантический характер, может также проиллюстрировать неологизм *to thread a needle with boxing gloves/wearing boxing gloves* [12]. Он еще не зарегистрирован в словарях, однако часто встречается в СМИ. Данный неологизм хорошо вписывается в существующую в английской фразеологии на ментальную модель несоответствия определенного действия и условий или средств его осуществления (ср. *to put a square peg in a round hole; to square a circle* и т. д.). Семантика ФЕ *to thread a needle with boxing gloves/wearing boxing gloves – вдевать нитку в игольное ушко в боксерских перчатках* выстраивается вокруг импликации: обозначенный способ осуществления действия делает его очень затруднительным

или практически невозможным. К тому же, компонент *needle* порождает ассоциации с ФЕ-библеизмом: *it's easier for a camel to go/pass through the eye of a needle (than for a rich man to enter the kingdom of God)*. И хотя библеизм и неологизм обнаруживают мало сходства в плане их фразеологического значения, идентичный символизм их общего компонента, несомненно, семантически сближает эти обороты. В обоих случаях игольное ушко символизирует препятствие на пути к достижению цели.

Еще одним ярким примером семантической аналогии является неологизм *sip and see (party)* – *празднование рождения ребенка*, который возник по ассоциации с оборотами *baby shower* и *to wet the baby's head* [11].

Случаи структурной аналогии гораздо более многочисленны. Этот вид аналогии заключается в формальном уподоблении новой единицы исходному знаку и выражается в сходстве их синтаксической конструкции и лексико-грамматического состава. Структурные модели ФЕ являются, по сути, грамматическими моделями построения высказываний: словосочетаний и предложений, и все новые ФЕ вписываются в уже существующие модели. Однако семантика фразеологизмов со сходной структурой будет совпадать в самом обобщенном смысле, например, будет передавать значение действия в глагольных ФЕ или сравнения в компаративных оборотах.

При этом необходимо также отметить, что даже почти полное сходство лексико-грамматического состава не гарантирует сходства значения. Так, компаративы традиционно считаются единицами с предсказуемым значением, однако еще А. В. Кунин отмечал, что за пределами модели устойчивых сравнений оказываются каламбурные ФЕ, которые нередко имеют немотивированное значение [5, с. 80]. Например, обороты *as sharp as a bowling ball* (тупой) и ФЕ *as sharp as a needle* (проницательный), несмотря на схожесть внешней структуры, имеют совершенно разное, даже противоположное значение.

Сочетание семантической и структурной аналогии обычно создает продуктивную структурно-семантическую модель, по которой могут возникать регулярные новообразования. Подобная модель обладает мощным номинативным потенциалом, т. е. теоретически может порождать неограниченное число новых единиц с заданными свойствами.

Формально структурно-семантическая аналогия предполагает структурное преобразование кодифицированного фразеологизма, которое влечет за собой некоторую модификацию смысла. На уровне структуры чаще происходит замена одного компонента ФЕ, например *grass widow* → *golf widow*, реже нескольких компонентов: *one sandwich short of a picnic* → *a flying buttress short of a cathedral* [10].

Внедрение нового компонента в нормативную структуру обязательно затрагивает содержание фразеологизма, вызывая его модификацию различной степени: от незначительного преобразования коннотации до кардинального изменения всего значения. Это зависит от того, насколько окказиональный компонент будет продолжать образный план и, соответственно, основополагающую концептуальную схему исходного фразеологизма или наоборот отклоняться от нее. Например, в цепочке *grass widow* (соломенная вдова; женщина, оставленная мужем) → *golf widow* (женщина, которая редко видит своего мужа из-за его увлечения спортом [гольфом]) → *baseball / hockey / exercise / cyber widow* и т. д. первый из неологизмов с компонентом *golf* демонстрирует существенное отклонение его фразеологического значения от значения прототипа, в то время как последующие новообразования лишь несколько модифицируют идею, заданную ФЕ *golf widow*.

Как же работает механизм смыслообразования при создании новых единиц по структурно-семантической аналогии? Новообразование заимствует у исходной единицы часть ее внешней формы (грамматическую модель, отдельные лексические компоненты) и вместе с тем определенный объем закрепленной за ней семантической информации. Благодаря этому новая единица воспринимается не как совершенно новый знак, а как модификация хорошо известного фразеологизма, что позволяет правильно интерпретировать значение новообразования.

Знание, которое содержится в имплицитном компоненте семантики каждой ФЕ, организовано определенным образом благодаря наличию некой концептуальной схемы. Эта схема лежит в основании соответствующей номинации, составляет ее мотивирующую базу и одновременно обуславливает ее потенциальную способность к развитию и моделированию новых смыслов. Так, при образовании неологизма *golf widow* от ФЕ *grass widow* в целом наследуется исходная концептуальная схема, которая в ходе структурно-семантического

преобразования кодифицированной единицы все же претерпевает существенные изменения: *grass widow* (брошенная жена) → *golf widow* (женщина, страдающая от частого отсутствия мужа по причине его занятий спортом).

Наследуемая концептуальная схема в процессе новой номинации по аналогии, как правило, конкретизируется и наполняется новым содержанием. Так, в случае ФЕ *golf widow* в исходную концептуальную схему добавляется слот «причина отсутствия мужа» (в данном случае это – занятие гольфом), что позволяет иначе интерпретировать все значение в целом. В последующих номинациях слот «причина» заполняется новым содержанием, например признак «увлечение хоккеем» заменяет признак «занятие гольфом», а в новейшем новообразовании *cyber widow* левый компонент привносит в семантику признак «проведение времени в Интернете для работы или игры» [9]. В окказионализме *pumpkin widow* слот «причина отсутствия мужа» конкретизируется как «выращивание тыкв для участия в конкурсе» [13]. Так или иначе, все многочисленные модификации исходного фразеологизма укладываются в основополагающую структурно-семантическую модель и стоящую за ней концептуальную схему, вследствие чего они легко декодируются и адекватно интерпретируются носителями языка.

О важности общей концептуальной схемы для образования новых единиц по структурно-семантической аналогии свидетельствует тот факт, что просто формальное и даже семантическое подобие фразеологизмов благодаря действию определенной концептуальной метафоры не всегда обеспечивает их деривационную связь, так как даже один и тот же образ может быть осмыслен по-разному. Примером этого может служить ряд английских ФЕ, объединенных образом «инородное тело в контейнере» и общим значением «неприятность» (*a bee in the bonnet; a fly in ointment* и др.), в который не вписывается ФЕ *a fly in amber*, обозначающий нечто редкое и, следовательно, ценное. Другой пример – ряд ФЕ с общим значением «лишить важного преимущества», где признак «взять что-то у кого-то» создает негативные коннотации (*to take the wind out of smb's sails; to steal smb's thunder* и др.). В данную модель совершенно не вписываются обороты *to take a leaf out of smb's book* и *to take the words out of smb's mouth* (перенять чей-то положительный опыт), в которых заимствование чужих достижений осмысливается положительно.

Подведем итоги: структурно-семантическая аналогия понимается нами как наличие формального и семантического сходства исходной ФЕ и новообразования, а также наличие у них общей концептуальной схемы. Именно это сочетание сообщает механизму аналогии максимальный номинативный потенциал, что позволяет образовывать неограниченное число единиц с заданными свойствами. Однако невозможно предсказать, будет ли задействован этот потенциал и где, когда и на каких участках системы это произойдет. Нельзя также предвидеть, приобретут ли полученные новообразования языковой статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деменьтьева М. Ю. Структурно-семантическая аналогия как способ фразообразования и словообразования // Английский лексикон в когнитивно-дискурсивной парадигме. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 97–106. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 470. Сер. Лингвистика).
2. Кубрякова Е. С. Аналогия // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 31–32.
3. Кубрякова Е. С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка; под ред. Г. В. Степанова. – М.: Наука, 1987. – С. 43–51.
4. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Живой язык, 1998. – 994 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
6. Рыжкина Е. В. О диалектике фразеологической неологии и исторической фразеологии // Изучение разноструктурных языковых знаков: проблемы и перспективы. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 64–72. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 572. Сер. Лингвистика).
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press 2014. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/you-can-t-make-a-silk-purse-out-of-a-sow-s-ear>
9. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/cyberwidow>
10. Longman Idioms Dictionary. Harlow, 1998. – 332 p.
11. Macmillan Dictionary BuzzWord column. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/AtoZ.html>
12. Threading a needle wearing boxing gloves. Words that sing. Blog. – URL: <http://wordsthatsing.wordpress.com/2008/04/28/threading-a-needle-wearing-boxing-gloves/>

13. What Every Wife of a Giant Pumpkin Grower Should Wear to Weigh-offs. Giant pumpkin growing tips from the pumpkin man. Blog. – URL: <http://denverpumpkins.com/2011/08/what-every-wife-of-giant-pumpkin-grower.html?m=1>

УДК 811.111'373

Е. В. Рыжкина

доцент, кандидат филологических наук
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: phraseologinya@mail.ru

**СЕМИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ПО АНАЛОГИИ
(на материале современного английского языка)**

В статье рассматриваются некоторые аспекты образования фразеологических единиц по структурно-семантической аналогии в современном английском языке. Основное внимание уделяется вопросам иконичности и мотивированности в сфере фразеологии как факторам языкового творчества. Автор приходит к выводу о том, что иконичность, являющаяся характерным свойством фразеологизмов, хотя и проявляется неодинаково в разных классах фразеологических единиц, служит важным фактором происходящих во фразеологии неологических процессов.

Ключевые слова: фразеология; фразеологическая единица; культурно-языковой знак; иконичность; мотивированность; образность; аналогия.

Ryzhkina E. V.

Ph.D., Professor
Chair of English Lexicology MSLU
e-mail: phraseologinya@mail.ru

**SEMIOCULTURAL ASPECT
OF PHRASEOLOGICAL NOMINATION BY ANALOGY
(based on the material of modern English)**

The article investigates into certain aspects of creating English phraseological units by structural-semantic analogy. Special prominence is given to iconicity and motivation in phraseology as factors of language creativity. Specifically, the author concludes that idioms are iconic signs by their nature and though this property is not equally manifested in different types of units, it stipulates the current innovative processes in the area of phraseology.

Key words: phraseology; idiom; language and cultural sign; iconicity; motivation; imagery; analogy.

В последнее время исследования в области фразеологии осуществляются с позиции интегративного подхода, который свойственен

современной научной парадигме. «Современный этап развития общества и науки характеризуется переходом к новой модели порождения знания», – отмечает В. И. Заботкина. Эта новая модель «интердисциплинарна, генерируется в прикладном контексте и не укладывается в конвенциональные дисциплинарные схемы» [4, с. 220].

Действительно, многие работы по фразеологии находятся на пересечении нескольких лингвистических дисциплин, антропологии, социологии, семиотики, культурологии и других наук. Причем на первое место по степени важности, несомненно, выходят «исследования о связи фразеологии с культурой и ее вкладе в современную лингвокультурологию» [6, с. 94]. В настоящее время уже стало аксиоматичным положение о том, что фразеология более чем любая другая система языка отражает его этнокультурную специфику. Более того, фразеологические единицы (ФЕ) как культурно-языковые знаки формируются непосредственно «под воздействием концептосферы культуры», а именно, в результате «межсемиотической транспозиции» – перевода концептуального содержания различных семиотических областей культуры в семантику фразеологизмов [5, с. 44].

Благодаря механизму языковой компрессии ФЕ способны кодировать большой объем информации, включая все виды культурного знания, которое сохраняется в глубинах фразеологической семантики в виде своего рода информационных слоев. И с этой точки зрения фразеологизм, по сути, представляет собой элемент культурной памяти социума [5].

Предметом данной работы являются лингвокультурные и знаковые особенности английских фразеологизмов, которые служат важным фактором обновления фразеологической системы. Речь главным образом пойдет об иконичности как особом свойстве ФЕ.

Иконичность/иконизм как семиотическое понятие соотносится с понятием мотивированности языкового знака в лингвистике. В самом общем виде его суть состоит в том, что между означаемым (десигнатом) и означающим (телом знака) существуют имплицативные отношения подобия. Иначе говоря, иконический знак мотивирован в силу имеющегося изоморфизма самого знака и обозначаемого объекта. При этом речь идет не об их объективном сходстве, а, скорее, об аналогии графической схемы, определяющей внешнюю структуру знака, и концептуальной схемой, структурирующей его значение.

Иконический знак обладает свойством вызывать чувственный образ обозначаемого объекта, его мысленную модель, которая хранится в памяти и обеспечивает идентификацию конкретного референта по материальной (звуковой, графической) оболочке знака. И в этом смысле языковые знаки разных уровней обладают неодинаковой степенью иконизма. Так, английские сложные слова в большинстве случаев образованы по моделям языковой аналогии, которая по своей сути диаграмматически¹ иконична, т. е. может рассматриваться как «икона отношений» [12, с. 19]. Иконическими, безусловно, также являются мотивированные знаки вторичной номинации, которые посредством образности воспроизводят свойства десигната.

Действительно, образ, вызывая в сознании конкретный объект, служит способом соотнесения языковой единицы со стоящей за ней когнитивной структурой. Образное мышление пользуется механизмом аналогии, устанавливая ассоциативную связь и «высвечивая» подобие или смежность двух соотносимых сущностей. Причем, это, вероятно, самый простой и естественный путь познания и концептуализации мира. Как справедливо заметил еще А. А. Потебня, конкретный чувственный образ легче воспринимается, осмысливается и запоминается, так как задействует не только логику и разум, но и эмоциональную сферу человека. Тем не менее за конкретным образом скрывается абстрактное понятие.

Все вышесказанное справедливо в отношении фразеологии, хотя фразеологические единицы по своей природе являются «несовершенными» языковыми знаками в классическом семиотическом понимании. Во-первых, они обладают неполной, весьма относительной линейностью, которая считается одним из основных свойств языкового знака в структуралистской трактовке (Ф. де Соссюр, Ч. Фриз, Н. Хомский, З. Хэррис). Кроме того, их отличает высокая степень компрессии и, следовательно, чрезвычайная сложность семантики, которая во многом обуславливает отсутствие изоморфизма между внешней структурой и смысловым содержанием ФЕ. Значение большинства

---

¹ Как известно, диаграмма (diagram) является одним из видов иконических знаков, которые, в отличие от знаков-символов (symbols), так или иначе подобны своим референтам [16]. Причем иконизм диаграммы заключается в том, что отношения между составляющими ее элементами отражают реальные связи / отношения, характерные для обозначаемого объекта.

идиом полностью не укладывается даже в развернутую дефиницию, но требует более широкого толкования. Благодаря этому ФЕ соотносимы с такими над-языковыми, литературными формами, как миф, басня, притча и т. п. Данное обстоятельство объясняет двойственный характер фразеологии: с одной стороны, она является составляющей языка как системы знаков (первичной моделирующей системы), с другой – будучи сопоставимы по своей информационной емкости с литературным текстом, фразеологизмы принадлежат вторичной знаковой модели, использующей язык как базисную знаковую систему.

Следует также заметить, что специфика фразеологизмов как знаков вторичной номинации состоит в том, что «в отличие от лексических единиц, где семантика формируется непосредственно концептуальной схемой, играющей роль структурирующего элемента значения, процессу концептуализации в ходе формирования идиомы подвергается образное представление, служащее источником ее значения» [2, с. 3]. Эта особенность, в свою очередь, определяет характер мотивированности, свойственный большинству ФЕ.

Мотивированность идиом – явление неоднозначное, которое получило в научной литературе различное толкование. Среди всего многообразия существующих мнений о ее природе выделяются два противоположных подхода: концепция интерференции (Каччари и Глаксберг) и концептуально-метафорическая концепция (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский), восходящая к теории концептуальной метафоры Лакоффа. Согласно первой, мотивированность ФЕ строится на буквальных значениях лексических компонентов фразеологизма, которые вызывают в сознании человека чувственный образ, никак не связанный с моделью переосмысления. Противоположная точка зрения основывается на представлении о том, что значение идиомы рождается в результате сложных преобразований над концептуальными структурами, в которых аккумулируются знания человека о мире [1]. Соответственно образность идиомы базируется на знании, закрепленном за исходной концептуальной структурой, и именно эти «когнитивные следы исходного смысла» создают мотивированность ФЕ [3, с. 74].

Несомненно, мотивированность фразеологизма как лингвистическое явление не может ограничиваться визуальным образом, вызванным ассоциациями с буквальным значением прототипа, но и предполагает наличие некоторого концептуального инварианта, закрепленного

на виртуальном уровне за каждой единицей и обеспечивающего ее конвенциональную интерпретацию всеми носителями языка. В противном случае говорящий и слушающий не поняли бы друг друга. Однако не следует сбрасывать со счетов значение индивидуальных чувственных образов и ассоциаций, рождающихся в сознании человека в момент восприятия ФЕ. Как уже не раз отмечалось, они не только служат источником дополнительной информации, конкретизирующей предельно редуцированный конвенциональный образ денотата, но и обеспечивает его эмоционально окрашенное восприятие как «личное переживание». Более того, буквальное прочтение прототипа ФЕ приводит в движение весь когнитивный механизм декодирования идиоматического значения. По этой причине многие фразеологи справедливо полагают, что в основе мотивированности идиом лежит живое представление об исходной ситуации [11]. Такое понимание образной мотивации позволяет соединить обе упоминавшиеся выше концепции как взаимодополняющие: мотивированность ФЕ обеспечивается путем активизации в сознании человека релевантной концептуальной информации через посредство образных ассоциаций с буквальными значениями слов-компонентов фразеологизма. При этом его внутренняя форма выступает как образ-гештальт исходной ситуации и служит связующим звеном, посредством которого во фразеологической семантике соединяется лингвистическое и нелингвистическое, часто культурное, знание.

Будучи маркерами типовых ситуаций или отношений между объектами внеязыковой действительности, фразеологические единицы с живой внутренней формой кодируют когнитивный опыт путем косвенной номинации. Означаемое фразеологизма связано с определенной графической (звуковой) формой именно посредством образа, который создается на базе буквального прочтения языкового прототипа ФЕ и одновременно соотносится с определенной концептуальной схемой. Примечательно, что этот же принцип лежит в основе распознавания и расшифровки фразеологического образа. Яркой иллюстрацией этого являются идиомы, основанные на метафорическом переносе, аллегории или парадоксе. Например:

a hog in armour – 1) броненосец (название животного), 2) *букв.* «свинья в лапах / рыцарских доспехах», *ср. рус.* «петух в павлиньих перьях», «идет как корове седло» [7].

(to find) a mare's nest – букв. «(найти) кобылье гнездо», т. е. нечто несуществующее, ср. рус. «попасть пальцем в небо» [7].

При этом фразеологический образ не обязательно отражает реальные свойства денотата. Переосмысление начинается с допущения о подобии двух в действительности не связанных объектов. Это допущение (так же как и выбор основания для аналогии) условно – оно необходимо для выстраивания ассоциаций между соотносимыми сущностями. Так, рядом оказываются тематически отдаленные сущности *hog* – *боров* и *armour* – *броня, панцирь*, *mare* – *кобыла* и *nest* – *гнездо*. Семантический перенос, таким образом, носит симилятивный характер и в данном случае основывается на несуществующих и даже фантастических признаках. Визуальные образы, вызываемые в нашем сознании буквальными значениями компонентов ФЕ *hog in armour* и *to find a mare's nest*, служат своего рода «картинкой», которая наглядно демонстрирует импликационную связь между буквальным прочтением и метафорическим значением соответствующей идиомы. Эта связь эксплицируется на основе здравого смысла, понимания невероятности, фантастичности или абсурдности изображаемой ситуации: *hog in armour* – это нелепое зрелище; *a mare's nest* – это то, чего не существует.

С этой точки зрения фразеологизмы являются знаками иконическими, семантическая мотивация которых «носит характер образности, основанной на таких выразительно-изобразительных средствах, как метафора, метонимия, гипербола, перифраз и др.» [9, с. 12].

Иконичность образной фразеологии является важной предпосылкой ее эволюции, особенно в результате языкотворческой деятельности человека. Это находит ярчайшее проявление в различных видах фразеологической деривации, например, в создании новых значений на базе имеющейся ФЕ или образовании новых единиц по аналогии. К примеру, в современном английском языке первоначальное значение идиомы *a mare's nest* «hoax, fraud, misconception» (*розыгрыш, недоразумение*) постепенно вытесняется более поздним значением «an extraordinarily complicated or confusing situation» (*запутанное дело*) и, более того,okkaзиональным значением «a muddle» (*путаница, беспорядок*) – под влиянием идиомы *a rat's nest*, которая служит обозначением вопиющего беспорядка и неряшливости [17; 20]. Подобная трансформация *misconception* → *confusion* → *muddle* → *untidiness* стала возможной не только вследствие смежности указанных

значений, но и благодаря прозрачности гештальт-образов в основании обеих идиом, что позволило провести между ними аналогию.

Еще более распространенным явлением выступает структурно-семантическая аналогия. При этом неологизм заимствует у своего фразеологического прототипа не только часть внешней формы, но и, главное, смысловое содержание, закрепленное за исходной единицей, а также стоящую за ней концептуальную схему или модель. Здесь, кстати, проявляется диаграмматический иконизм аналогических образований: подобие их поверхностной структуры пропорционально отражает сходство соответствующих ментальных структур. Унаследованное содержание, так же как и структурирующая его схема, благодаря языковому механизму компрессии формируют имплицит значения производного знака и служат его мотивирующей базой. Примером может служить американский фразеологизм *hog in togs* – *свинья в цилиндре* (о разодетом лодыре), образованный на базе вышеупомянутой идиомы *hog in armour*. Американизм и его общепринятый прототип связаны не только частичной общностью их внешней формы, но и единым основанием образа, единой концептуальной схемой с акцентированным признаком «несоответствие “наряда” истинной природе обозначаемого объекта». Примечательно, что константность внутренней формы обусловила одновременно и саму возможность создания новой единицы по аналогии с уже имеющейся, и последующую расшифровку ее значения.

Многогранность чувственного образа, который вызывается в нашем сознании звуковой формой фразеологизма, предполагает множественность его прочтения и, значит, несет в себе заряд вариативности. Тем самым иконичность образных фразеологизмов создает предпосылки для их разнообразных преобразований, узуальных и окказиональных. С этой точки зрения как номинативное средство структурно-семантическая аналогия позволяет создавать практически открытое множество новых единиц от того или иного кодифицированного фразеологизма. Тем не менее варьирование во фразеологии не является вполне свободным.

В этом смысле интересны пословицы, созданные на основе ФЕ *a hog in armour*. Так, выражение *A hog in armour is still but a hog* – *свинья в любом обличье останется свиньей*, впервые зарегистрированное в 1732 году Томасом Фуллером (*Gnomologia: Adages and Proverbs*), изначально использовалось в осуждение человека, одетого

в неподобающе роскошный наряд [18]. Формирование фразеологического значения данной единицы происходило по двум линиям. С одной стороны, новая номинация возникла в ходе преобразования идиомы *a hog in armour*, с другой – здесь прослеживается аналогия с некоторыми синонимичными единицами, например, с пословицей *Cut off the dog's tail and he will be a dog still* (ср. рус. *черного кобеля не отмоешь до бела*), в результате чего оборот *A hog in armour is still but a hog* приобрел более обобщенный, нравоучительный смысл, характерный для пословиц. Здесь следует отметить, что пословица как языковой знак обладает особой формой иконичности. Она является своеобразным «ярлыком» некой типовой ситуации, из которой следует определенный нравственный урок. Для пословиц характерно иносказание: их значение, включая имплицитный дидактический смысл, выводится на основе аллегорического образа, который позволяет уловить сходство между конкретной житейской ситуацией, изображаемой буквальным прочтением пословицы, и ее обобщенным конвенциональным толкованием. Примечательно, что одно и то же смысловое содержание может кодироваться по-разному, на основе моделей, воспроизводящих различные фрагменты человеческого опыта. Так, импликация, лежащая в основании анализируемой номинации – «внешняя форма не меняет истинную суть вещей» – широко представлена в английской фразеологии и реализуется посредством различных аллегорических образов. Например, уже упомянутая ФЕ:

Cut off the dog's tail and he will be a dog still (букв. 'обрежь собаке хвост, она все равно останется собакой').

The fox may grow grey but never good (букв. 'лиса может поседеть, но никогда не исправится').

A rose by any other name would smell as sweet (шекспиризм «роза останется розой, как ее ни назови») = *A rose is a rose is a rose* (авторский оборот Гертруды Стайн с тем же смыслом).

При относительной тождественности концептуальной схемы, которая стоит за этими пословицами, все они обладают индивидуальными чертами. Очевидно, что специфика каждой номинации определяется прежде всего характером соответствующего образа. В случае ФЕ *A hog in armour is still but a hog* акцентированы признаки «неуместность наряда» и «нелепый вид», заимствованные у идиомы *a hog in armour*. Кроме того, особую роль здесь играют культурные коннотации, связанные с символическим значением зоонима *hog / pig*, который является

своего рода эмблемой грубости нравов, жадности и подлости. Последнее, в частности, находит непосредственное выражение в пословице *It is hard to break a hog of an ill custom* (трудно отучить свинью от дурных привычек), зарегистрированной в 1678 году [19].

Этот семантический стержень формирует значение всех более поздних модификаций ФЕ *A hog in armour is still but a hog* (например, *A hog in a silk waistcoat is still a hog* (1887) или современный американский вариант *A hog in a tuxedo is still a hog*) и, что важно, сохраняется неизменным даже в ее самых смелых окказиональных вариантах. Наиболее яркой тому иллюстрацией служит другой американский неологизм *You can put lipstick on a pig, but it is still a pig*, возникший по аналогии в XX веке. Данный оборот, как и его многочисленные модификации, передает идею тщетности усилий скрасить какое-либо неприглядное явление путем поверхностных, «косметических» мер [13]. В большинстве случаев он используется в политической риторике, особенно в контекстах, критикующих показные действия политиков и PR-акции. Все структурные варианты данного неологизма возникли как окказиональные перифразы ФЕ *A hog in armour is still but a hog*, которые продолжали ее образный план, по-своему оттеняя конвенциональный образ, и тем самым вкладывали в значение единицы индивидуальные смыслы, например:

You can **clean up a pig, put a ribbon on its tail, spray it with perfume**, but it is still a pig (*Quad-City Herald, Washington, January 31 1980*).

No matter whether it is lipstick, perfume or a tuxedo, a pig is still a pig (www.lingvo.ru).

Приведенные иллюстрации отражают действие двух разнонаправленных сил, которые сопровождают фразеологическую номинацию по аналогии. Как упоминалось выше, наличие визуального образа, который допускает неоднозначность его интерпретации, является источником вариативности единицы и обуславливает ее различные преобразования. Причем специфика «картинки» в каждом случае определяет особенности соответствующего фразеологического значения. Вместе с тем, как свидетельствует проведенный анализ, создаваемые инновации не являются вполне произвольными. Образы-репрезентанты той или иной идеи обусловлены данной культурой и отражают коллективный опыт народа, фиксированный во внутренней форме ФЕ. Константность внутренней формы, а вернее,

концептуальной схемы, которая «просвечивает» сквозь фразеологический образ во всех его модификациях, обеспечивает деривационную связь новообразований с ФЕ-прототипом и, следовательно, возможность их адекватного декодирования. Иными словами, варианты фразеологизма, как бы далеко они ни отклонялись от исходного знака, не выходят за пределы, очерченные базовой концептуальной схемой.

Это может относиться не только к мотивированным единицам, но и к идиомам со стершейся внутренней формой, звуковая оболочка которых не вызывает яркого чувственного образа исходной ситуации. Однако среди подобных фразеологизмов довольно распространенным типом являются ФЕ-носители символического или эталонного значения.

В отличие от символа в сугубо семиотическом толковании (когда носителем символьной функции является предмет/артефакт), фразеологический образ, выполняющий такую функцию, «замещает» по ассоциации некоторую идею. Причем «материальным экспонентом этого замещения является не реалья как таковая, а имя» [10, с. 243]. Схожий номинативный механизм лежит в основе образа-эталона. «Эталон – это характерологически образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [10, с. 242].

В качестве эталона или символа в сфере фразеологии нередко выступает прецедентное имя – имя собственное, которое приобрело в данной лингвокультуре особый, обобщенный смысл, актуальный для всех носителей данной культуры, и вызывающее определенный эмоциональный отклик. В когнитивном плане за прецедентным именем стоит некое образное представление о конкретной личности, реальной или вымышленной, черты которой складываются в определенную отличительную характеристику того или иного социального явления, свойства или типа людей и т. п. Так, *Potemkin villages* (*потемкинские деревни* – обман, фикция, показуха с целью скрыть истинное положение дел) возникла как аллюзия на известный исторический миф, согласно которому князь Григорий Потемкин, наместник Новороссии и Тавриды, якобы возводил бутафорские деревни вдоль маршрута императрицы Екатерины II во время ее путешествия в Северное Причерноморье в 1787 году. В этой поездке ее сопровождали европейские дипломаты, которые с самого начала весьма скептически смотрели на проект освоения Крыма. Как отмечает академик А. М. Панченко, еще

за несколько месяцев до поездки стали распространяться слухи о неоправданной затратности «новороссийского проекта» Екатерины, о чудовищном по масштабам казнокрадстве Г. А. Потемкина, о том, что императрицу в Крыму ожидает «лицезрение размалеванных декораций» и т. д. [8, с. 464]. Однако на самом деле они увидели целый ряд городов, включая Севастополь – в будущем город русской воинской славы, а главное, *не бутафорский*, но прекрасно оснащенный военный флот. А скепсис иностранных «гостей» был скорее маской, за которой «скрывался страх, что Россия сумеет осуществить свои грандиозные планы» [8, с. 474]. Как следствие и распространялся миф о «потемкинских деревнях» с целью диффамации России. Кроме того, именно благодаря мифу о «потемкинских деревнях» и, главное, возникшему на его основе фразеологизму имя *Potemkin/Potemkin*, несомненно, прецедентное, стало символом очковтирательства.

Здесь следует отметить, что данный миф оставил незначительный след в российской культуре, так как в русской исторической памяти гораздо больший вес имеет, например, «Броненосец Потемкин», а также знание исторической роли князя Г. А. Потемкина – строителя Новороссии и создателя Черноморского флота. Косвенным указанием на это может служить, между прочим, достаточно низкая частотность русскоязычного варианта соответствующей ФЕ. Совсем иначе обстоит дело в западноевропейской культуре, где миф о «потемкинских деревнях» трансформировался в своего рода культурный концепт, который в свою очередь явился основой для довольно продуктивной фразеологической модели с обобщенным значением фиктивности чего-либо.

Так, англоязычный вариант *Potemkin villages* используется для обозначения любых действий для сокрытия какого-либо неблагоприятия (*an impressive facade or show designed to hide an undesirable fact or condition* [15]) или, более того, передает идею подлога. К примеру, недавно созданные лыжные базы на курортах с дорогими отелями, ресторанами и магазинами называются *Potemkin Villages*. В данном фразеопотреблении основополагающий образ-гештальт интерпретируется как «спорт – прикрытие коммерческой деятельности». В английском языке эта идиома стала столь популярной, что на ее основе возникли новые единицы – в результате ее частого обыгрывания в окказиональных конфигурациях, например: *Potemkin Court* (синоним ФЕ *kangaroo court*). Более того, левый компонент – антропоним часто употребляется самостоятельно для создания новообразований по аналогии со значением

«обман, фикция»: *Potemkin City, Potemkinville, Potemkin Fleet, Potemkin presidency, Potemkin advance team* и т. п. Очевидно, что во всех этих номинациях ведущую роль играет прецедентное имя-символ, которое, хотя и утратило в англоязычной культуре живую связь с исходной экстралингвистической ситуацией, но по-прежнему служит, по меткому определению академика Ю. С. Степанова «сгустком» или «квантом знаний», благодаря чему оно осознается носителями данной культуры как выражение некоего значимого смысла.

Вместе с тем утраченная или ослабленная мотивированность фразеологизма с прецедентным именем при определенных условиях может быть воссоздана, что способно даже усилить его эмоциональный заряд и прагматическую эффективность. Так, в начале 2014 года зарубежные СМИ стали широко использовать английскую идиому *Potemkin Villages* в ее первоначальном значении, максимально приближенном к мифу конца XVIII века, и, как и тогда – для дискредитации России. В данном случае – с целью опорочить Олимпийские игры в Сочи. Причем контекстные употребления данной ФЕ типа *the Sochi Potemkin village, Putin's Potemkin Village, an Olympics filled with Potemkin Village Metaphors*, без сомнения, направлены на проведение отчетливой аналогии между сегодняшними «разоблачениями» и событиями 250-летней давности. И прагматический эффект подобных номинаций строится главным образом на воссоздании образа исходной ситуации. Таким образом, здесь с некоторой долей условности можно говорить об одновременном проявлении двух видов иконизма ФЕ: символика прецедентного имени и мотивированности идиомы за счет прозрачной внутренней формы. Это, с одной стороны, явилось источником множества окказиональных номинаций, в том числе по аналогии, на основе кодифицированной единицы, а с другой стороны, обусловило доступность информации, необходимой для выведения значения окказионализма с опорой на его контекстное прочтение и соотнесение с семантикой исходной ФЕ.

Подобным же образом функционирует выражение *Scratch the Russian and you will find the Tartar* (рус. *Поскреби русского и найдешь татарина*), отражающее еще один миф, который возник в ту же эпоху, что и *потемкинские деревни*. Это крылатое выражение приписывается разным именитым европейцам, в том числе маркизу де Кюстину, автору книги «*La Russie en 1839*» («Россия в 1839»), которая по сей день именуется «библией русофобов». Считается, что франкоязычная

версия анализируемого фразеологизма *Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare* возникла как аллюзия на следующий фрагмент из книги Кюстина: «Нравы русских жестоки, несмотря на все претензии этих полудикарей, и еще долго будут таковыми оставаться. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизаций сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится».

Однако маркиз де Кюстин, несомненно, лишь обыграл в своей книге уже существовавшее выражение: зафиксированы гораздо более ранние употребления фразы *Grattez le Russe...*, причем в двух узуальных вариантах – *et vous trouverez le Tartare* и *et vous trouverez le cosaque* (казак). Последний, возможно, возник в связи с пребыванием казачьих полков Русской армии во Франции в 1813–1814 годов. Но, скорее всего, ни один из этих компонентов (*Tartare* или *cosaque*) никогда не был обозначением собственно этноса, но употреблялся исключительно в культурно-цивилизационном смысле. Дело в том, что в Западной Европе собирательный образ казака и особенно татарина являлся (и, вероятно, до сих пор является) олицетворением «варварской России». Например, современный культурологический словарь английского языка издательства «Лонгман» дает такое определение слова *Tartar*: «a fierce person with a violent temper (from the Tartars of the USSR, because of their fierce fighters, especially in the 14th and 15th centuries)» [14].

Данная дефиниция довольно точно отражает сложившееся у европейцев представление о (российских) татарах как о свирепых и чрезвычайно опасных азиатах-дикарях. По мнению многих культурологов в этом проявляется безотчетный страх европейцев перед Азией. Неслучайно и французское, и английское написание слова *Tartare/Tartar* содержит «лишнюю» букву R и фактически совпадает с именем древнего божества *Tártaroz/Tartaroz*, олицетворявшего в древнегреческой и римской мифологии ад¹. Таким образом, данное наи-

---

¹ Слово *тартар* имеет восточное происхождение, но оно было известно уже Гомеру (Гомер «Илиада», VIII, 13 след.). В «Теогонии» Гесиода Тартар упоминается в числе четырех первопотенций – наряду с Хаосом, Геей и Эросом. Страдания грешников в Тартаре, изображенные в «Энеиде», вдохновили Данте на создание своей версии ада.

менование, оказавшее глубокое влияние на развитие европейской культуры, безусловно, является прецедентным и было сознательно использовано в XIII в. вместо тюркского корня *Tatar* для обозначения монгольских воинов, вторгшихся в Европу.

Так или иначе, выражение *Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare*, как и его кальки *Scratch the Russian and you will find the Tartar* и *Поскреби русского, найдешь татарина* вошло в повседневный оборот. При этом оно сразу приобрело обобщенное фразеологическое значение «под тонкой оболочкой напускной культуры скрывается дикарь (грубый, отсталый, нецивилизованный человек)». Интересно, что в немецкой фразеологии этот смысл передается почти буквально – посредством устойчивого оборота *Schau einem zivilisierten Mensch unter die Haut, und du findest einen Barbaren*.

За два столетия фразеологизм так часто подвергался окказиональным преобразованиям, что на его основе фактически возникла продуктивная структурно-семантическая модель с общим смыслом «под маской/личиною чего- или кого-либо скрывается что-то другое/кто-то иной», которая благодаря своей прозрачности активно используется в языке, особенно в политической риторике, например, в широко известных афоризмах:

Scratch a liberal and you'll find a bigoted chauvinist.

Scratch a pessimist and you find a defender of privilege (*William Beveridge*).

Однако, несмотря на семантическую трансформацию исходного выражения, в массовом сознании закрепился негативный стереотип, отражающий страх и предвзятое отношение европейцев к русским. И каждый раз, когда этот стереотип становился особенно востребованным, фразеологизм вновь обретал свое первоначальное значение: какую бы войну ни вел Запад против России, борьба против русских всегда представлялась сражением против азиатского варварства.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что иконичность является онтологическим свойством фразеологических единиц, которое, впрочем, проявляется неодинаково у фразеологизмов разных классов. Тем не менее это свойство служит важным фактором различных инновационных процессов в сфере фразеологии, особенно в плане образования новых ФЕ по аналогии и их последующей интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Концептуальная модель значения идиомы // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь : ТГУ, 1991. – С. 3–13.
2. Беляевская Е. Г. Проблема сложения смыслов при формировании семантики идиом (процесс фразеологизации в когнитивном аспекте): материалы III международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18–20 сентября 2002 г. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2002. – Ч. II. – С. 3–5.
3. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
4. Заботкина В. И. Интеграционный вызов и конвергенция в когнитивных науках: пути решения // Теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарные чтения Рос. гос. гуманитарного ун-та. – М.: РГГУ, 2012. – С. 219–232.
5. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 52 с.
6. Кубрякова Е. С. О новых задачах современной фразеологии // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию А. В. Кунина. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 94–96.
7. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., перераб. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – 1210 с.
8. Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, 1999. – С. 462–475.
9. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1993. – 171 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
11. Черданцева Т. З. Мотивационный макрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1990. – С. 73–80.
12. Antilla R. The indexical element in morphology // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 12. – Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft der Universität, 1975. – P. 17–25.
13. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. – URL: <http://www.bartleby.com/81/8358.html>
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman group, 2000. – 1560 p.
15. Merriam-Webster On-Line Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/potemkin%20village>

16. *Pierce Ch.* Collected papers. – Vol. 2. Elements of logic. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1932. – 431 p.
17. The Free Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia. – URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/>
18. Wikipedia, the free encyclopedia. – URL: <http://www.en.wikipedia.org/>
19. The Wordsworth dictionary of proverbs. – URL: <http://books.google.ru/books?id=7PMZJqSKusAC&pg=PA2828lpg=PA2828dq+hog+in+armour+in+the+Wordsworth-dictionary-ofproverbs>
20. World Wide Words. E-Magazine. – URL: <http://www.worldwidewords.org/qa/qa-mar1.htm>

УДК 811.111'373

Н. С. Скворцова

соискатель кафедры лексикологии английского языка МГЛУ
преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области международного регионоведения ИМО и СПН МГЛУ
e-mail: nskvorcova18@rambler.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «УСПЕХ» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются элементы концепта «успех» во фразеологических единицах современного английского языка. В работе используется метод полевого анализа. Выделяются тематические группы. Демонстрируется схема «порождения актуального значения» ФЕ. Рассматриваются метафорические модели, использованные при образовании фразеологических единиц.

Ключевые слова: концепт; фразеологическая единица; тематическая группа; порождение актуального значения; метафорические модели.

Skvortsova N. S

Post-graduate student of the Chair of English Lexicology
e-mail: nskvorcova18@rambler.ru

REPRESENTATION OF CONCEPT «SUCCESS» IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

The article is devoted to the problem of representation of certain elements of the concept 'success' in phraseological units of contemporary English. Phraseological units are subjected to field analysis. Different lexical sets are singled out. The process of 'generation of actual meaning' of phraseological units is demonstrated. Metaphorical models, used in the formation of phraseological units, are analyzed.

Key words: concept; phraseological unit; lexical set; generation of actual meaning; metaphorical models.

Когнитивная лингвистика получила распространение в XX веке. Проблемы когнитивной лингвистики остаются актуальными и сегодня, так как именно данное направление помогает решить многие задачи, которые стояли перед лингвистами в рамках предыдущих лингвистических теорий. Когнитивная лингвистика базируется на идее о том, что в основе языка лежит система знаний о мире. Основным

элементом такой системы является концепт. В теории лингвистики существуют различные определения концепта, но одним из основных, разделяемых многими учеными положений [4; 7; 11], считается то, что концепты имеют тесную связь с культурой нации, говорящей на данном языке.

В нашей работе мы придерживаемся следующей точки зрения: концепт является некой единицей коллективного знания, которое может храниться в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде.

Изучение концепта «успех» началось в конце XX века. В это время был опубликован ряд работ по данной проблематике [1; 2; 6; 10], носивший культурологическую направленность, проводились исследования вербальной представленности концепта «успех» в английском и русском языках. Целый ряд работ посвящен изучению этого концепта в разных типах дискурса в американском варианте английского языка [1; 2; 10]. Практически все исследователи отмечают, что в современном обществе, в эпоху господства материальных ценностей происходит переосмысление концепта «успех». Было показано, что, например, в Америке успех приобретает статус национальной философии. Идиоматическая представленность концепта «успех» стала предметом исследования Т. Н. Гордиенко, проведенного на материале пьес XX века в английской и русской литературе [6]. Основой теоретического осмысления результатов проведенных исследований можно считать определенную взаимосвязь между структурой концепта и значением языковой единицы, его представляющую.

Большинство ученых считают, что значением языкового выражения, т. е. слова, становится только концепт, «схваченный знаком» [7, с. 92]. В данной статье анализируются «сложные знаки», а именно – фразеологические единицы (ФЕ) – «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [8, с. 160]. ФЕ представляют особый интерес при изучении концептов, так как они образны и экспрессивны, позволяют выявить наиболее важные для данной культуры характеристики концептов.

Языковые значения передают только небольшую часть знаний человека о мире. Остальные знания хранятся в сознании человека в виде разных мыслительных структур. Со временем в их содержание могут включаться новые характеристики, которые требуют новых, в том

числе сложных, форм вербализации [5]. Концепты можно изучать на протяжении многих лет, так как человеческая реальность меняется, вызывая изменения и в нашем сознании.

В данной статье концепт «успех» изучается при помощи метода полевого анализа. На материале ФЕ выделяются тематические группы – «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т. е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [3]. Объединяя ФЕ в тематические группы, мы выделяем наиболее существенные признаки концепта «успех».

Цель данной статьи – изучить степень представленности отдельных признаков концепта «успех» в именных, глагольных и предикативных ФЕ.

При отборе материала для исследования мы принимали во внимание представление об иерархической организации сем в структуре значения [12]. Анализ словарной дефиниции слова, фиксирующей его значение, позволяет выявить семы, составляющие каждое конкретное значение и их иерархию. Сравним дефиниции слова *success* в толковых словарях английского языка (в дефинициях жирным шрифтом выделены лексемы, фиксирующие основные семы, репрезентирующие значения слова *success*, и лексемы, являющиеся его синонимами):

Oxford Dictionary Online [19]: 1) the *accomplishment* of an aim or purpose (*synonyms*: *successfulness*, *result*, *successful outcome*, positive *result*, *victory*, triumph); 1.1 the *attainment of fame*, *wealth*, or social status (*synonyms*: prosperity, prosperousness, successfulness, wealth, life of ease, the good life); 1.2 a *person* or *thing* that *achieves desired aims* or *attains fame*, *wealth*; 2) archaic the good or bad *outcome* of an undertaking

Cambridge Dictionary Online [13]: 1) the *achieving of the results* wanted or hoped for; 2) *something* that *achieves positive results*

Collins Dictionaries Online [16]: 1) the *favourable outcome* of something attempted (*synonyms*: *victory*, positive *result*, favourable *outcome*, *successfulness*); 2) the *attainment of wealth*, *fame*, etc. (*synonyms*: prosperity, fortune, luck, wealth, fame); 3) an action, performance, etc., that is *characterized by success* (*synonyms*: hit, *winner*, smash, triumph, best seller); 4) a *person* or *thing that is successful* (*synonyms*: big name, star, celebrity)

Macmillan Online Dictionary [18]: **1)** the *achievement* of smth., that you planned to do or attempted to do; **2)** a plan or an attempt that *achieves good results*; **3)** the fact that *you are successful in your career or profession*, especially when you become rich, famous, respected

The Synonym Finder [21]: attainment, accomplishment, *achievement*; hit, smash, sensation, *winner*, best seller; triumph, victory

На основании анализа дефиниций слова *success* были определены лексемы, зафиксированные в большинстве словарных дефиниций: *успешное завершение деятельности, успешный человек, успешный предмет, богатство, слава*. Анализ лексем-синонимов, используемых в дефинициях значений слова *success*, а также их фиксация непосредственно в словаре синонимов, позволил выделить маркеры, которые были положены в основу отбора ФЕ, репрезентирующих концепт «успех».

В роли маркеров в отборе материала исследования использовались лексемы *achievement, victory, winner* и лексемы, связанные с ним деривационными отношениями.

В результате сплошной выборки из словарей «Oxford Idioms Dictionary» [20], «Collins Cobuild Idioms Dictionary» [15], «Longman Idioms Dictionary» [17] и «Cambridge Idioms Dictionary» [14] было отобрано 604 ФЕ. Это такие разные по структуре единицы, как: *an ace in the hole; an albatross around sb.'s neck; to be in the bag; to do a land-office business; the sky is the limit; smash hit; the early bird catches the worm* и др.

Исследование ФЕ, отобранных для анализа, проводилось в два этапа. На первом этапе ФЕ были распределены по тематическим группам, каждая из которых представляла один из характерных признаков концепта «успех». В некоторых тематических группах, в свою очередь, выделялись подгруппы ФЕ, в которых помимо основной семы определялись и частные семы. На втором этапе исследования ФЕ – члены разных тематических групп – анализировались на предмет формирования их актуального значения. В трактовке А. Н. Баранова и Б. О. Добровольского категория порождения актуального значения «может использоваться в лингвистике как одна из возможных эвристик в исследовании плана содержания идиом» [4, с. 227]. При исследовании данной категории авторы предлагают рассматривать операции, осуществляемые над прототипом ФЕ при переосмыслении начальных значений используемых элементов для порождения актуального

значения соответствующих метафор в процессе взаимодействия знаний, относящихся к области источника и области цели. В ряде случаев можно выделить наиболее частотную модель, по которой происходит совмещение знаний из двух областей (области-источника и области-цели), и порождается актуальное значение определенной ФЕ.

Рассмотрим пример анализа порождения актуального значения ФЕ:

a smash hit *informal* (of a record, play or film / movie) very popular and a great success [20, с. 365].

Актуальное значение ФЕ *a smash hit* – *огромный успех* порождается на основе совмещения области-источника «движение» (резкий, сильный удар) с областью-цели «результат успеха» (вещь, пользующаяся успехом). Значение «резкий удар», которое заимствуется из области-источника «движение» проецируется на область-цель «результат успеха», таким образом актуализируется значение *сбивающий с ног* → *ошеломляющий* → *очень успешный*. Образ «резкий удар» обеспечивает интенсификацию значения ФЕ (появляется интенсифицирующая сема в значении ФЕ «very»).

Анализ дефиниций ФЕ в специальных словарях позволил выделить тематические группы, репрезентирующие отдельные характеристики концепта «успех» (необходимо отметить, что некоторые ФЕ входят одновременно в несколько групп). Исследование плана содержания внутри тематических групп позволило выделить определенные метафорические модели, задействованные в формировании значения ФЕ данной группы.

Тематическая группа «**result of success**» (результат) – 87 ФЕ. Выделены следующие подгруппы:

- а) *успешный человек* (top drawer, a bright spark);
- б) *вещь, пользующаяся успехом* (smash hit, blockbuster, flash in the pan);
- в) *успех, как абстрактное понятие* (a feather in one's cap, success story);
- г) *успешная жизнь или успешный период жизни* (halcyon days, an Indian summer, a one-day/nine-day wonder).

В дефинициях данных ФЕ присутствует сема «результат», имеющая следующую лексическую представленность: *achievement; success; to be exciting; to be admired; popular and successful; something that is extremely successful; a person who has achieved a position of authority;*

win the respect of other people; someone who has achieved a lot; status or wealth; to attain; manage to achieve; reach goal.

Для демонстрации анализа «порождения актуального значения» ФЕ данной группы рассмотрим следующий пример:

a feather in your cap – an achievement, a success or an honor which you can be proud of [20, с. 121].

Данная ФЕ относится к ФЕ с немотивированным значением. «Под немотивированностью значения понимается отсутствие деривационной связи между значением ФЕ и значением ее прототипа», т. е. «определяющую роль при переосмыслении играют экстралингвистические факторы» [9, с. 128]. В древности индейцы вознаграждались за свою отвагу в бою перышком, которое прикреплялось к головному убору как знак отличия. Соответственно, только учитывая этимологию ФЕ, мы можем предположить, с какой областью-источником соотносимо актуальное значение этой ФЕ. Актуальное значение ФЕ порождается на основе совмещения области-источника «награда» и области-цели «результат успеха». Знак отличия, означающий успех, в данном случае дает возможность гордиться своим достижением (метафорический перенос).

Наиболее распространенной метафорической моделью в данной тематической группе является «пространственная» метафора (*get your head / mind around smth., lay your hands on*). В отдельных случаях при образовании ФЕ используются «милитаристская» метафора (*go great guns*) и метафора «воды» (*make a splash*).

Тематическая группа «**situations which occur on the way to success**» (ситуации, возникающие на пути к успеху) – 204 ФЕ. Подгруппы:

а) **ситуации, способствующие успеху** (*an ace in your hole, push at an open door, like a dream, a chink in smb's armor*). Репрезентация таких компонентов концепта «успех», как *преимущество, легкость в достижении, близость к успеху, перспективность* подтверждается следующими лексемами, входящими в состав дефиниций ФЕ: *very nearly succeed in; likely to be very successful; advantage; very easy to achieve; without any problems; to help smb. to achieve* и т. д.;

б) **ситуации, препятствующие достижению успеха** (*go for broke, play hardball, a mountain to climb*). Репрезентация таких компонентов концепта «успех» как *сложная, опасная, рискованная ситуация* подтверждается следующими лексемами, входящими в состав

дефиниций ФЕ: *difficulties; take a risk; to harm; to be threatened; disadvantage* и т. д. Наблюдается фиксация разнонаправленности в ситуациях: сложности могут возникать не только на пути достижения успеха субъекта, но и сам субъект может создавать препятствия своим оппонентам (*queer smb.'s pitch*);

в) **вид деятельности, в которой человек стремится к успеху** (to do a land-office business, earn your corn, turn the corner, be / stay ahead of the game, wipe the floor with somebody, snatch victory, be ahead of the pack, sweep the board, the rat race). Репрезентация компонента концепта «успех» вид деятельности подтверждается следующими лексемами, входящими в состав дефиниций ФЕ: *money; business; job; economy; profit; to train; to hire; competition; to compete; competition; election; to win; sport; race; victory* и др.;

г) **критический момент** (hit or miss, sink or swim, suck it and see, try your wings). Репрезентация компонента концепта «успех» *критический момент* подтверждается следующими лексемами, входящими в состав дефиниций ФЕ: *equally likely to fail or succeed; way of measuring; depend on; see if you can succeed* и др.;

д) **удача, сопутствующая успеху** (every dog has its day, the best of British, fall on your feet). Репрезентация компонента концепта «успех» *удачный момент*, подтверждается следующими лексемами, входящими в состав дефиниций ФЕ: *luck; lucky*.

Для демонстрации анализа «порождения актуального значения» ФЕ данной группы рассмотрим следующий пример:

hit the jackpot – suddenly win, earn, etc. a lot of money; suddenly be very successful [20, с. 180].

Актуальное значение ФЕ порождается на основе совмещения области-источника «игра» с областью-цели «область деятельности, в которой человек стремится достичь успеха». Как в азартных играх выигрыш джек-пота означает «удача (успех) в выигрыше крупной суммы денег», так и перейдя в область-цель, данная ФЕ сохраняет это значение, распространяя его на уже широкий круг ситуаций. При образовании данной ФЕ была задействована «деятельностная» метафора.

Наиболее распространенными метафорическими моделями в данной тематической группе являются: «пространственная» метафора (a mountain to climb), «деятельностная» метафора (play hard ball) и «милитаристская» метафора (give smth. a shot).

Тематическая группа «**process of achieving success**» (процесс достижения успеха – *great oaks from a little acorns grow, the sky is the limit*) – 32 ФЕ. В дефинициях данных ФЕ присутствует сема «процесс», имеющая следующую лексическую представленность: *to become... richer; more successful; in the future; beginning; forward movement; leading to; leads to; get closer to; to develop; to progress; a continuous period* и т. д. Для демонстрации анализа «порождения актуального значения» ФЕ данной группы рассмотрим следующий пример:

great oaks from little acorns grow – people say great oaks from little acorns grow when they want to point out that something large and successful began in a small and insignificant way [15, с. 266].

Актуальное значение ФЕ порождается на основе совмещения области-источника «рост» и области-цели «процесс достижения успеха». Значение *рост дерева из маленького желудя* (область-источник «рост») в области-цели «процесс достижения успеха» актуализируется как *развитие большого успеха из чего-то незначительного*. При образовании данной ФЕ была задействована «природная» метафора.

Наиболее распространенной метафорической моделью в данной тематической группе является «природная» метафора (*put down roots*).

Тематическая группа «**transition from failure to success**» (переход от неуспеха к успеху – *come back from the dead, as one door closes, another one opens, rags to riches, an ugly duckling, rise like a phoenix from the ashes*) – 20 ФЕ. В дефинициях данных ФЕ присутствует сема «изменение неуспеха на успех», имеющая следующую лексическую представленность: *successful again after a period of being unsuccessful; although; even though*. Для демонстрации анализа «порождения актуального значения» ФЕ данной группы рассмотрим следующий пример:

an ugly duckling – someone who is not as attractive, skilful etc. as other people when they are young, but who becomes beautiful and successful later [17, с. 96].

Актуальное значение данной ФЕ порождается на основе совмещения области-источника «животный мир» с областью-цели «переходное состояние». Этимология данной ФЕ известна всем – сказка о гадком утенке, превратившемся в прекрасного лебедя. В результирующей области «порождается» значение *стать красивым и успешным*,

несмотря на то что субъект был некрасивый и неумелый. При образовании данной ФЕ была задействована «природная» метафора.

Наиболее распространенной метафорической моделью в данной тематической группе является «природная» метафора. В отдельных случаях при образовании ФЕ используются метафора «смерти» (come back from the dead, rise from the dead).

Тематическая группа «**success preconditions**» (предпосылки достижения успеха) – 74 ФЕ. Подгруппы:

- а) *сотрудничество* (a dream ticket, give and take, work hand in hand);
- б) *тяжелый труд, как условие достижения успеха* (put your back into smth., fish to the death);
- в) *соблюдение правил* (play the game, marching orders);
- г) *внутренние характеристики человека, добивающегося успеха* (reach for the stars, play your card right);
- д) *желание добиться успеха, усилия, прикладываемые, чтобы добиться успеха* (set your heart on smth., get the bit between your teeth);
- е) *надежда на успех* (keep your fingers crossed, do smth. on a wing and a prayer). В дефинициях данных ФЕ присутствуют семы «условие», «сотрудничество», «тяжелая работа», «характеристика», «желание», «усилие» и «надежда», имеющие следующую лексическую представленность: *in order to; agree to; must; two or more people; together; two groups; work hard; skills; ability; ambitious; character; effort; want very much; determined; hope; possibility; chance* и т. д.

Для демонстрации анализа «порождения актуального значения» ФЕ данной группы рассмотрим следующий пример:

shake hands on something – you can say that two people or groups shake hands on a deal or an agreement when they conclude it successfully [15, с. 176].

В данной ФЕ представлены семы сотрудничества и результата, выраженные в лексемах *two people or groups, conclude a deal or an agreement*. Актуальное значение ФЕ порождается на основе совмещения областей-источников «части тела, сотрудничество и бизнес» с областью-цели «успех». Образ *рукопожатия* означает сотрудничество. В области цели «успех» актуализируется значение «успешный исход», предпосылкой которого явилась кооперация, а именно «заключение договора» или «соглашения». При образовании данной ФЕ были задействованы «антропоморфная» и «деятельностная» метафоры.

Наиболее распространенными метафорическими моделями в данной тематической группе являются: «пространственная» метафора (**set your heart on smth., get the bit between your teeth**), «антропоморфная» метафора (*keep your fingers crossed*), «милитаристская» метафора (*give your best shot*) и «деятельностная» метафора (*play ball, play your last card*).

Тематическая группа «**evaluation of success**» (оценка человеком своего или чужого успеха – *sour grapes, green with envy*) – 30 ФЕ. В дефинициях данных ФЕ присутствует сема «отношение к успеху» имеющая следующую лексическую представленность: *disapprove; satisfied; happy; jealous; proud; criticize; modest* и т. д.

Для демонстрации анализа «порождения актуального значения» ФЕ данной группы рассмотрим следующий пример:

green with envy – used in order to say that someone is very upset or annoyed because they wish they had someone's possessions, abilities, success etc. [17, с. 106].

Актуальное значение данной ФЕ порождается на основе совмещения области-источника «цвет» с областью-цели «оценка успеха». Зависть – это отрицательная эмоция. Зеленый цвет отражает отрицательные характеристики людей. С использованием метафоры «цвета» актуализируется значение «отрицательное отношение к чужому успеху».

Наиболее распространенной метафорической моделью данной тематической группы является «антропоморфная» метафора (*have a big head*). В отдельных случаях при образовании ФЕ используются метафора «еды» (*sour grapes*) и метафора «цвета» (*green with envy*).

Подводя итог проведенному анализу ФЕ, в которых представлен концепт «успех», можно констатировать, что выделение тематических групп позволяет выявить наиболее важные характеристики концепта «успех» для носителей английского языка. По количественному соотношению ФЕ, вошедших в тематические группы, наиболее многочисленными являются тематическая группа «ситуации, возникающие на пути к успеху» (204 ФЕ) и «результат успеха» (87 ФЕ). Таким образом, наиболее важными компонентами концепта «успех» являются успешный субъект или объект, а также ситуации, в которые данный субъект или объект вовлечены на пути к успеху. Самая малочисленная тематическая группа – группа «переход от неуспеха к успеху» (20 ФЕ). Внутри подгрупп рассмотренных ФЕ самыми малочисленными

являются «надежда на успех» (6 ФЕ), «удача» (13 ФЕ) и «сотрудничество» (12 ФЕ).

Фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «успех», в своем большинстве построены по определенным метафорическим моделям. За счет взаимодействия области-источника и области-цели достигается экспрессия, свойственная ФЕ. По сравнению с лексемами ФЕ, с одной стороны, более полно и ярко репрезентируют основные компоненты концепта «успех», с другой – дают возможность раскрыть коннотативные характеристики, присущие описываемому явлению. При образовании ФЕ, вербализующих концепт «успех», используются следующие метафорические модели разного уровня и степени абстракции:

- 1) «антропоморфная» метафора (find your feet, take heart);
- 2) «природная» метафора (an ugly duckling, every dog has its day, great oaks from little acorn grow, put down roots);
- 3) «пространственная» метафора (a mountain to climb, the sky is the limit);
- 4) «деятельностная» метафора (move the goal, play the ball, hit the jackpot);
- 5) метафора «еды» (bring home bacon, sour grapes);
- 6) «милитаристская» метафора (a flash in the pan, shoot for the same target, the battle lines are drawn);
- 7) метафора «воды» (be on the crest of a wave, make a splash);
- 8) «религиозная» метафора (the hand of God, sell one's soul to the devil);
- 9) метафора «цвета» (green with envy);
- 10) метафора «смерти» (rise from the dead, come back from the dead).

Наиболее частотными метафорами являются «антропоморфная», «пространственная» и «природная»; наименее распространенными – «религиозная» и «милитаристская» метафоры. Необходимо уточнить, что в некоторых случаях при образовании ФЕ может быть использовано несколько метафорических моделей (the rat race, shake hands on smth.).

В заключение следует подчеркнуть, что по сравнению с исследованиями, где рассматривались лексемы, репрезентирующие концепт «успех», нами было выделено меньшее количество тематических групп. Однако выделенные внутри их подгруппы и метафорические

модели, по которым построены входящие в них сложные языковые знаки, позволяют наблюдать динамику развития концепта «успех» в разных языках и культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адошина И. В.* Концепт успех в современной американской речевой культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Хабаровск, 2005. – 22 с.
2. *Андриенко А. А.* Концепт успех в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 21 с.
3. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_7.htm
4. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
5. *Болдырев Н. Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 25–30.
6. *Гордиенко Т. Н.* Идиоматическая представленность концепта «успех» в английском и русском языках (на материале пьес XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 24 с.
7. *Кубрякова Е. С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – С. 90–93.
8. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1972. – 289 с.
9. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
10. *Паршина Н. Д.* Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 26 с.
11. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
12. *Стернин И. А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 58–65.
13. Cambridge Dictionaries Online. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/>
14. Cambridge Idioms Dictionary. – 6th printing. – 2013. – 505 p.
15. Collins Cobuild Idioms Dictionary. – Glasgow, 2011. – 496 p.
16. Collins English Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>
17. Longman Idioms Dictionary. – Harlow, 1998. – 398 p.

18. Macmillan English Dictionary and Thesaurus, Free English Dictionary Online. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
19. Oxford Dictionaries. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
20. Oxford Idioms. – Oxford–NY : Oxford University Press, 2006. – 461 p.
21. Rodale, The Synonym Finder. – Warner Books–NY, 1986. – 1361 p.

УДК 81'37

Н. А. Стебелькова

кандидат филологических наук

профессор кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ

e-mail: stebelkova2010@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ФОРМЫ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются процессы концептуализации различных видов умственной деятельности и формы их вербальной репрезентации в английском и русском языках. Выделены некоторые базовые метафорические схемы, лежащие в основе значения языковых единиц, относящихся к концептуальной области «умственная деятельность человека». Показано, что каждый сегмент данной концептуальной области, представленный языковыми единицами разного уровня сложности, имеет определенные особенности концептуализации и языкового обозначения умственных действий.

Ключевые слова: концептуализация; сегмент ментального поля; концептуальная метафора; когнитивная модель; семантическая оппозиция.

Stebelkova N. A.

Ph.D, Professor

Chair of English Lexicology MSLU

CONCEPTUALIZATION AND VERBAL REPRESENTATION OF DIFFERENT TYPES OF MENTAL ACTIVITY IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article analyses ways of conceptualization and verbal representation of different types of mental activity in English and Russian. It reveals the existence of abstract metaphoric schemes underlying the meanings of language units making up the conceptual area in question. Each segment of mental field is shown to possess specific features of its own.

Key words: conceptualization; segment of the mental field; conceptual metaphor; cognitive model; semantic opposition.

Языковые единицы, относящиеся к концептуальной области «умственная деятельность человека», неоднократно привлекали внимание исследователей. Интерес к данной сфере лексической системы языка далеко не случаен и обусловлен прежде всего тем, что изучение

ментальной лексики способствует решению одной из центральных проблем общего языкознания – вопросу о взаимоотношении языка и мышления.

Среди целого ряда направлений изучения лексических единиц ментального поля, важное место отводится когнитивной парадигме анализа, которая способствует раскрытию особенностей концептуализации и языкового представления ментальных действий, процессов и состояний.

Повестка дня лингвистических исследований в рамках данного направления представляется нам достаточно объемной и разнообразной, включающей, в частности, изучение таких проблем, как:

- способы концептуализации и языкового представления тех или иных ментальных действий или операций (объектом наблюдений может служить любой сегмент ментального поля, например сегмент, репрезентируемый английской глагольной лексемой *understand*);

- особенности языкового кодирования и выражения основных параметров ментального действия;

- формы языкового представления и характеристики базовых компонентов пропозициональной структуры действия (субъекта, самого ментального процесса, объекта или результата);

- особенности обозначения качественных характеристик действия: интенсивности, оценочности, степени адекватности действительности и т. д.

Изучение способов концептуализации и языкового представления тех или иных ментальных действий может быть осуществлено в отношении каждого отдельно взятого сегмента ментального поля, в которое входят, по мнению В. Г. Гака, все лексические единицы, соотносящиеся с понятием «мыслить» [1].

Анализ языковых единиц, образующих сегмент ментального поля, идентифицируемый с помощью лексем *memory* и *remember smth.*, показал, что особенности концептуализации различных операций памяти неразрывно связаны с характером концептуализации работы сознания, поскольку память является одной из функций сознания.

Рассмотрение группы словосочетаний, включающих английские лексемы *mind*, *memory* и *head* выявило ведущую роль когнитивных метафор «сознание/память есть контейнер» и «объекты воспоминаний – суть физические предметы».

Процесс хранения и извлечения из сознания / памяти познанного или увиденного уподобляется действию по хранению или извлечению некоего физического предмета из контейнера. Например: *to store in the memory* (to keep something in your memory); *to carry smth. in your head/mind* (to remember information correctly without having to write it down); *put smb./smth. out of your mind* (to try to forget about someone or smth. unpleasant, even if only for a short time) [8].

Воспроизведение/воспоминание ранее познанного как ментальная операция может носить различный характер, т. е. быть сознательным действием субъекта умственной деятельности или действием, обладающим свойством события, которое происходит под воздействием какой-либо ситуации. В качестве семантического субъекта в этом случае выступает агенс-каузатор. В основе семантики единиц, обозначающих неожиданное воспроизведение в сознании человека образов или событий прошлого лежит концептуальная метафора «воспоминание есть движение», например: *to come/spring to mind* (if something comes to mind, suddenly you remember it or start to think about it) [8].

Аналогичным образом, забывание может быть действием произвольным, неконтролируемым и целенаправленным, продиктованным желанием субъекта вычеркнуть из памяти пережитое событие. В том и другом случае ведущая роль в концептуализации операций памяти отводится концептуальной метафоре «сознание/память есть контейнер», е. g.: *to slip your mind* (if something slips your mind, you forget it): *I meant to invite him, but it completely slipped my mind* [8].

Вышеназванное словосочетание *to put smb. (smth.) out of your mind*, иллюстрирующее намеренное действие субъекта.

В русском языке значение «совершенно, совсем забываться» представлено устойчивым словосочетанием с достаточно обширным вариативным рядом глагольных лексем: *вылететь (выскакивать) / улетучиваться из головы*. Варианты опорного глагольного компонента в своем буквальном значении обозначают «быстрое действие, свойственное одушевленному лицу или неодушевленному объекту». Таким образом, концептуальная метафора «воспоминание есть движение» может представлять предмет мысли в качестве персонифицированного движущегося объекта.

Как только я остался один в этом тихом уголке, вдруг все мои прежние мысли и воспоминания *выскочили у меня из головы* [4].

В основе значения словосочетания *держат в голове/уме/мыслях, постоянно помнить, думать о ком-либо или о чем-либо* также, как и в английском языке, лежит концептуальная метафора «вместилище». Вариативность именного компонента обусловлена наличием между ними метонимических связей.

Можно предположить, что каждый сегмент ментального поля, представленный языковыми единицами разного уровня, имеет определенные особенности концептуализации и языкового обозначения ментального действия. Из исследования фразовых глаголов (ФГ) концептуальной области «умственная деятельность», проведенного В. Г. Егоровой, следует, что сегмент ментального поля, обозначенный лексемой-репрезентантом *remember*, включает ФГ с частицей *back*, которая указывает направление движения мысли назад, в прошлое [2]. Автор приводит убедительные аргументы в пользу того, что метафорические преобразования в данных единицах носят множественный характер, т. е. концептуальная схема «назад – вперед» как бы включена в проекцию или пересечение концептуальных доменов-источника и цели; источником доменом являются концептуальные сферы движения, физической деятельности и восприятия. Во ФГ *to come back, come back to, cast back* и *look back* глагольные компоненты *come, cast* и *look* представляют вышеуказанные концептуальные области.

Более пристальный взгляд на данные фразовые глаголы обнаруживает существенные различия в образном основании или образном гештальте, что, в свою очередь, предопределяет специфику пропозициональной структуры каждой из рассматриваемых единиц. ФГ анализируемого сегмента образуют конверсивные пары *come back – bring back*, в роли семантического субъекта в данных единицах выступают абстрактные сущности, наделенные свойствами одушевленного лица, например: *The smell of these flowers brings back memories* [7].

Вернемся в своих рассуждениях об особенностях концептуализации мыслительного процесса к концептуальной метафоре «сознание есть контейнер/вместилище». Важно отметить, что продуктивность данной метафоры распространяется и на другие сегменты ментального поля. Так, анализ словосочетаний, включающих лексику *mind* и предлоги *on / off* позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая концептуальная схема существует в системе английского языка в двух модификациях: контакт или отсутствие контакта объекта с контейнером. При этом семантика словосочетаний с лексическими

компонентами *mind* и *on / off* основана на слиянии двух метафорических схем; в качестве второй выступает структурная метафора «мысли/идеи – суть физические объекты». Метафорическая схема «контакт с объектом» продуцирует значение «думать о чем-либо».

Work is very much on her mind at the moment [8].

You seem quiet today. Do you have something on your mind? [8].

What's on your mind, Bill? [5, с. 31].

She had mentional Rh factors and obtiously the subject was on her mind [5, с. 35].

Концептуальная метафорическая схема «отсутствие контакта объекта с контейнером» лежит в основе значения «перестать думать о чем-либо или о ком-либо» (*to make you stop thinking or worrying about smth*) [8].

Take him off Kathy's mind. I don't mind waiting [5, с. 14]

Действие по извлечению физических объектов из контейнера метафорически преобразуется в абстрактное ментальное значение «to stop thinking about them, or trying to farget about someone or something, particularly about smth. unpleasant» [4].

All this put it out of my mind [5, с. 63].

Анализ употребления словосочетаний с лексемой *mind* в тексте показывает, что рассматриваемая концептуальная схема воспроизводится и в ее образных модификациях.

He found himself about to express ideas which most of the time he kept locked in his own mind [5, с. 25].

В основе метонимического значения лексемы *mind* (thoughts, attention) лежит концептуальный вариант рассматриваемой метафорической схемы, в которой мысли, концептуализируемые как перемещаемые физические объекты могут находиться или не находиться в контакте с другим объектом, в случае с изучаемой в данной работе понятийной областью, – с объектом мысли. Например:

A good night will help take your mind off exams [8].

Рассматриваемая концептуальная схема задействована и в случае употребления метонимического коррелята лексемы *mind*, а именно – существительного *thoughts*.

The chief dietitian was not the only one in the hospital whose thoughts were on food [5, с. 53].

Интересно отметить, что словарь «Macmillan English Dictionary» наряду с концептуальной метафорой «сознание есть контейнер» фиксирует и метафору «сознание есть пространственная область» [8]. Мысли, идеи, рождающиеся в сознании человека в результате постоянной работы мозга, концептуализируются как одушевленные, движущиеся объекты, обладающие способностью перемещаться с различной скоростью, проникать или пересекать некое абстрактное пространство сознания. Например:

It crossed her mind that he was lying [8].

The idea never entered my head [8].

His mind is closed to any new ideas [8].

'I will remember later'. He seemed about to turn away when another thought came to him [5, с. 42].

Abruptly she stopped her thoughts, made them stand still, tried to clear her mind [5, с. 73].

Абстрактные сущности, какими являются мысли человека, представляются языком как физические предметы, которые могут подвергаться различного рода манипуляциям: их можно отложить в сторону, оттолкнуть, схватить, потерять, сломать и т. д.

He snatched his thoughts back to the papers in back [9, с. 25].

His thoughts were brought back to present by Ogden Brown [9, с. 91]

His thoughts were broken by the Viscount taxing in, the shrill whine of its motors drowning out the voices of those around him [9, с. 119]

Mike Seddons had been preoccupied all day; several times he had had to check himself and make a conscious effort to pull back his mind to the work he happened to be doing [9, с. 163].

Таким образом, мы видим, что язык наделяет сознание человека, его мысли свойствами одушевленного лица, которое способно говорить, двигаться, переживать что-либо эмоционально.

...his thoughts moving at a gallop, his hands underscoring points as he made them [9, с. 56].

Already her mind anticipating what might happen next [9, с. 116].

Last night he had scarcely slept... his mind turning over the full significance of the words written on the chart [9].

Опираясь на языковые данные, можно говорить о существовании в языке концептуальной метафоры «сознание / мозг человека – механическое устройство», которое способно «работать» в режиме:

«включено/выключено»; «исправно/неисправно»; «высокий уровень операционной эффективности»/«низкий уровень операционной эффективности» и т. д.

Alone in her hospital room, Vivian had been trying to read a novel, which her mother had brought, but her mind would not register the words [9, с. 20].

His brain clicked out a warning: be cautious of alliances with sub-ordinates – even one like this [9, с. 15]

Подводя итоги проведенного исследования можно сделать вывод о том, что мыслительная деятельность представлена в английском языке в виде следующих метафорических схем:

- сознание – контейнер / вместилище;
- сознание – пространственная область;
- сознание – одушевленное лицо;
- сознание – механическое устройство.

Лексемы *head* и *mind* в английском языке и коррелирующие лексемы *голова*, *ум* в русском обладают высокой фразообразовательной активностью, порождая большое количество устойчивых словосочетаний, анализ которых в обоих языках позволяет выявить черты сходства и одновременно определенные особенности в каждом из них.

В русском и английском языках лексема *голова* является символическим обозначением центра умственной деятельности, концептуализация которой в русском языке имеют много общего с английским. Голова как часть тела человека концептуализируется как вместилище, а продукты мыслительной деятельности как физические объекты, например: *держат в голове*, *уложить в голове*, *выбивать из головы*, *выбрасывать из головы*, *вбивать в голову*, *забивать голову*, *перебираться в голове* [4].

Мыслительный процесс в русском языке представлен как движение одушевленного объекта внутрь/наружу некоего замкнутого пространства или строения, например *приходить в голову*; *не идет в голову*; *лезть в голову*; *вылетать / выскочить из головы* [8].

Наблюдения над языковым материалом позволяют сделать предположение о том, что процессы концептуализации и языкового представления ментальной деятельности во многом детерминированы особенностями языковой системы. Так, наличие в английском языке семантической оппозиции предлогов *on/off*, сигнализирующей при-сутствии/отсутствии контакта с объектом, придает концептуальной

образ-схеме «ум/ сознание человека – контейнер» более выраженный характер.

Немаловажное значение имеет и семантика самих коррелирующих предлогов. В русском языке предлог *на* употребляется при обозначении поверхности, на которой сверху располагается или куда направляется что-либо [3]. Вторая часть дефиниции одного из значений предлога *на* в большей степени сфокусирована на идее местонахождения или местоположения.

Семантические структуры лексем *head* в английском языке и *голова* в русском совпадают не полностью. В русском языке существительное *голова* имеет значение «часть тела человека» и метонимическое значение «ум, разум» [3]. В английском языке *head* употребляется в значении: 1) *the top part of your body*; 2) *your mind and thoughts* [8].

Концептуально-логические связи, нашедшие свое отражение в семантике существительного *голова* – часть тела человека и вместилище разума, обуславливают появление в языке синонимичных устойчивых словосочетаний, различающихся соотносимыми по своему значению лексемами, например, *приходить в голову* (возникать, появляться в сознании) и *приходить на ум* (на мысль, на разум); *не идет в голову* (не усваивается, не запоминается, не воспринимается что-л.) и *не идет на ум*; *не выходит из ума / из головы* [8].

Анализ словосочетаний, включающих лексему *ум* свидетельствует о том, что в русском языке доминирует представление об уме (сознании) как о некоем абстрактном пространстве. При этом вариативность лексем, сохраняющих свое буквальное значение, смещает фокус метафоры на предикатное имя.

Постепенно одна за другой приходят на ум давно забытые горести [4].

Не отрываясь, глядела Ольга в окно, думая о родных местах. То приходили ей на память стычки на границе, то воспоминались любимые места Владивостока [4].

Необходимо отметить, что переносные значения языковых единиц различного уровня сложности в разных языках (в нашем случае – русском и английском) могут базироваться на одних и тех же когнитивных моделях. По мнению А. Пайвио, исследователи еще очень мало знают о существовании универсальных концептуальных метафор [9], чтобы делать далекоидущие выводы. Однако изучение языкового материала дает возможность выявить некую общую концептуальную

основу образования конкретных переносных значений. Так, у глагольных лексем *catch*, *get*, *grasp* словари фиксируют наличие переносного значения «understand smth.», например: *grasp the meaning/significance of smth.*, *grasp a concept/principle/point*; *get the joke*, *get it*, *get smb. wrong* [8].

В русском языке глагол *схватить* имеет переносное значение «усвоить, понять что-л.», например, *быстро схватить чужую мысль* [3]. Аналогично глагол *ухватить* также употребляется в переносном значении «быстро, сразу понять, уловить», ухватить мысль собеседника [3]. В данном случае мы можем констатировать наличие инвариантной метафорической схемы, в которой физическое действие метафорически преобразуется в абстрактное действие, относящиеся к области мыслительной деятельности.

Интересно отметить, что поверхностная семантическая структура в устойчивых словесных комплексах с семантикой «understand, realize smth» основана на образе-перцепции [8]:

to see both sides (understand both of the opinions or arguments in a situation);

to see the light (to suddenly realize or understand smth. usually in a way that improves your life);

to see smb. coming (a mile off) (to realize that someone is very easy to trick or cheat);

to see smth. coming (to notice or realize that something is going to happen).

Последний пример служит иллюстрацией того, как образ-перцепция индуцирует в семантику единицы компонент значения «увидеть или заметить что-л.».

В сегменте ментального поля, репрезентируемого лексемой *inderstand*, мы обнаружили языковые единицы, семантика которых базируется на интеракции концептуальных доменов «движение» и «мыслительная деятельность». Иллюстрацией действия данной концептуальной проекции могут служить в русском языке словосочетания с глаголом *доходить* / *дойти* (т. е. двигаясь или направляясь достигнуть чего-либо): *доходить умом*, *дойти умом* (додумываться до чего-л., уяснить что-л.), *доходить своим (собственным) умом* [4] и *to tumble to (realize or understand smth.)* – в английском [8].

В процессе освещения вопросов, относящихся к теме настоящей статьи, мы неоднократно приводили примеры единиц, которые

являются собственно фразеологизмами, т. е. образными устойчивыми словосочетаниями. Не вызывает сомнений тот факт, что ФЕ предоставляют интересный материал с точки зрения особенностей образного представления тех или иных видов ментальных действий, а также для проведения сопоставительного исследования на предмет выявления как общих черт, так и различий.

Не рассматривая подробно обозначенный вопрос, ограничимся лишь несколькими замечаниями. Так, тесно соприкасающиеся друг с другом процессы познания и понимания, в русском и английском языках концептуализируются в терминах категории «пространство». Вещи, недоступные для понимания, находятся на неопределенной точке за пределами некоего абстрактного пространства субъекта. В английском языке данное ментальное представление находит свое воплощение в образной единице *to be beyond someone, or above / over one's head*, а в русском – в устойчивом словосочетании нефразеологического характера: *это выше моего понимания* (т. е. за пределами, вне).

В заключение отметим, что вся совокупность фразеологизмов, входящих в изучаемую концептуальную область, может быть рассмотрена в соотношении с базовыми компонентами структуры ментального действия: субъектом, самим действием и его объектом или результатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гак В. Г.* Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. Ин-т языкознания РАН. – Вып. 6. – М.: Наука, 1993. – С. 22–26.
2. *Егорова В. Т.* Когнитивно-дискурсивные особенности английских фразовых глаголов концептуальной области «умственная деятельность»: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 200 с.
3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой – М.: Русский язык, 1981. – 814 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.
5. *Hailey A.* The Final diagnosis. – СПб.: Антология, 2006. – 284 с.
6. Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow: Longman Group Limited, 1979. – 387 p.
7. Longman Dictionary of Phrasal verbs. – Longman Group Limited, 1983. – 734 p.

8. Macmillan English Dictionary for advanced Learners International student edition. – Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1687 p.
9. *Paivio A.* Mental representation. A dual coding approach. – N 4. – Oxford University Press, 1986. – 323 p.

УДК 81'367

Л. А. Уралова

кандидат филологических наук

профессор кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ

e-mail: uraloval@gmail.com

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КАТЕГОРИИ ФРАЗЕОМАТИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

Автор статьи обращается к проблеме определения и изучения класса «фразеоматические сочетания». Дан краткий обзор истории вопроса. Представлены лингвистические и экстралингвистические характеристики, позволяющие говорить об устойчивости словосочетаний на фразеоматическом уровне, рассматривается их проявление на примере единиц деловой фразеологии.

Ключевые слова: фразеология; фразеоматические сочетания; устойчивость; лингвистические и экстралингвистические факторы; связанное значение; метафорическая модель; деловая фразеология.

Uralova L. A.

Ph.D, Professor, Chair of English Lexicology MSLU

PHRASEOMATIC UNITS: STATUS AND NEW DEVELOPMENTS

The article highlights the problem of distinguishing the category of phraseomatic units through establishing linguistic and extralinguistic factors leading to their stability. The paper traces new developments in the recent research carried out on different aspects of this type of word combinations and illustrates them by analyzing units of “business phraseology”.

Key words: phraseology; phraseomatic units; stability; linguistic and extralinguistic factors; bound meaning; metaphoric model; business phraseology.

Фразеология как отдельная наука об устойчивых словесных комплексах окончательно оформилась в исследовательских и теоретических работах российских ученых. Становление фразеологии как науки происходило в борьбе за доказательство своеобразия объекта исследования. С одной стороны, необходимо было доказать, что как объект науки фразеология обладает своими собственными характеристиками, отличными от свойств слова (включая сложные слова) как основного объекта лексикологии, с другой – что сверхсловные

образования, рассматриваемые во фразеологии, обладают свойствами языковых единиц и не могут рассматриваться как речевые порождения лексико-синтаксических моделей. Становление одного из разделов науки о языке через определение его объекта вполне закономерно. Процесс становления фразеологии был достаточно быстрым и бурным. Он был подготовлен всем развитием сопряженных отраслей лексикологии и синтаксиса.

Объектом фразеологии стало устойчивое сочетание слов, в котором переплелись лексические и синтаксические характеристики. Словосочетание продолжает оставаться основной единицей и синтаксиса, однако во фразеологии оно обретает статус языковой единицы и рассматривается как элемент системного построения. Закономерным было и стремление как можно более четко определить основные понятия, объем и задачи фразеологии. Объектом исследования становились, в основном, семантически преобразованные сцепления, соотносимые со словом и его синтаксическими функциями. За пределами внимания исследователей-фразеологов оставались паремии и устойчивые словосочетания нефразеологического характера. Для того чтобы считаться фразеологической единицей (ФЕ), словосочетание должно было обладать фразеологической устойчивостью не ниже определенного минимального уровня. Если словосочетание было устойчиво на структурном и семантическом уровне и на словосочетание и на слова, выступающие в роли его компонентов, накладывались определенные морфологические, синтаксические, лексические и семантические ограничения, данное словосочетание считалось элементом фразеологической системы языка. Словосочетания, не обладающие устойчивостью на фразеологическом уровне, оставались за пределами данной системы и трактовались как устойчивые сочетания нефразеологического характера. Как признавал один из ведущих отечественных фразеологов А. В. Кунин, при любом определении фразеологии, кроме предельно широкого, «всегда имеется остаток, в который входят устойчивые образования нефразеологического характера» [4, с. 212]. Следует сразу отметить, что исследователи всегда по-разному определяли и трактовали такие словосочетания. Они классифицировались как: *фразеологические сочетания* (В. В. Виноградов), *традиционные сочетания* (А. И. Смирницкий), *фразеолоиды* (Н. Н. Амосова), *составные термины* (В. П. Жуков), *аналитические*

конструкции (Б. И. Роговская), составные лексемы (Г. Н. Воронцова), словосочетания *полуфразеологического, полупродуктивного вида* (С. Г. Тер-Минасова, Э. М. Медникова), *рестриктивы* (С. Г. Гаврин), *фразеоматические сочетания* (А. В. Кунин) и другие. Многообразие предложенных терминов для идентификации сочетаний данного типа можно объяснить двумя основными причинами. С одной стороны, это разнообразие языкового материала, подвергающегося лингвистическому анализу при изначальной установке найти те параметры, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к единицам, входящим во фразеологию в ее «узком» понимании, с другой – постоянное развитие словосочетаний этого класса, проявляющееся в приобретении или утрате некоторых характеристик, оказывающих влияние на степень их устойчивости.

Неразрешенную проблему «узкого» или «широкого» понимания фразеологии пытался решить профессор А. В. Кунин, который предложил в рамках фразеологии выделить специальный раздел, который он назвал фразеоматикой. «Выделение такого раздела является необходимым, несмотря на некоторую расплывчатость его границ» [4, с. 268]. Фразеоматические словосочетания в иерархии словосочетаний языка занимают промежуточное положение, некоторые из них *сопряжены* с классом ФЕ, другие *примыкают* к классу переменных сочетаний слов. Среди массы фразеоматических сочетаний можно выделить основу, отнесение которой к фразеологии невозможно при соблюдении всех требований, предъявляемых к ФЕ как единицам языка и к переменным сочетаниям как речевым порождениям языкового механизма лексико-семантических моделей. Свойства словосочетаний, входящих в это ядро, и могут стать своеобразной точкой отсчета для всей массы фразеоматических сочетаний.

В «Англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина выделяются три типа устойчивых сочетаний слов: собственно фразеологические единицы, или *идиомы*, с полностью или частично переосмысленным значением; *идиофразеоматизмы*, имеющие и переносное, и буквальное значение, последнее при этом носит терминологический характер или является профессионализмом, и *фразеоматические единицы* с буквальным или фразеоматически связанным значением [5]. Как видно из приведенных типов устойчивых сочетаний слов, наиболее существенным признаком для их дифференциации

выступает характер значения единицы в целом или особенности значения составляющих компонентов. Устойчивость сочетаний считается величиной данной.

Тем не менее никто из исследователей последнего типа устойчивых словосочетаний, а именно фразеоматических сочетаний, не считает их обладающими той же устойчивостью, что и идиомы. Более логично, в таком случае, считать их обладающими устойчивостью другого порядка и связывать ее с целым набором лингвистических и экстралингвистических факторов, свойственных именно таким сочетаниям слов. Кроме этого, проводимые исследования сочетаний разных типов устойчивости позволяют говорить о двухуровневом характере фразеоматической устойчивости. Некоторые факторы устойчивости работают на уровне компонентов сочетания, другие – на уровне всего словосочетания. На настоящий момент выделены и в большей или меньшей степени изучены следующие:

- связанность значения одного из компонентов сочетания;
- ограничение сочетаемости компонентов до серийной или единичной;
- фразообразующее сцепление ряда дифференциальных сем компонентов сочетания;
- осложненность семантической структуры сочетания (компликативность);
- терминологичность общего значения сочетания;
- репрезентация специального понятия средствами языка;
- клишированность сочетания как традиционность употребления в заданном виде для выполнения заданной функции¹.

Среди специальных компликативных заданий наибольший интерес представляют: сообщение словосочетанию экспрессивно-образного качества и систематизация результатов познавательной деятельности человека.

На материале английского языка, в основном на сочетаниях структуры V + N, в исследовательских работах рассматривались компликативность грамматического значения устойчивого комплекса; компликативность лексического значения; смешанная компликативность. В рамках теории фразеоматических сочетаний в последнее время активно разрабатывается проблема роли слов-компонентов

---

¹ Подробнее см.: [6].

в формировании семантики фразеоматических сочетаний [1; 2]. В данных работах представлен новый ракурс рассмотрения с использованием положений когнитивной лингвистики. В настоящее время изучается и функционально-когнитивный потенциал фразеоматических словосочетаний, его развертывание в тексте, а также лексикографическая представленность фразеоматических сочетаний в толковых и переводных словарях и некоторые другие проблемы. Фразеоматические словосочетания часто становятся объектом и сопоставительных исследований, особенно в силу того, что они, с одной стороны, представляют определенные лингводидактические трудности при обучении иностранному языку, а с другой – являются тем учебным материалом, который позволяет обучать одновременно и языку, и культуре сообщества, говорящего на этом языке. Следует констатировать, что научный интерес к данному типу устойчивых словосочетаний возрастает. Объяснение этому надо искать, вероятно, и в том, что преобладающее в лингвистике в настоящее время когнитивное направление в исследовании отдельных языковых факторов позволяет по-новому подойти к трактовке некоторых факторов, участвующих в формировании фразеоматических сочетаний.

Одной из первых классификаций всей массы устойчивых словосочетаний, которая получила вполне заслуженное внимание и поддержку среди исследователей конкретного языкового материала, является классификация академика В. В. Виноградова. В выделенном им классе фразеологических сочетаний компоненты словосочетания могут сохранять свое собственное значение и в достаточно явной степени мотивировать значение всего словосочетания. Основные характеристики фразеологических сочетаний по терминологии В. В. Виноградова, в какой-то степени, соотносимы с теми характеристиками основной массы фразеоматических сочетаний, которые проявляются на уровне семантики лексем-компонентов. Устойчивость таких сочетаний считалась обусловленной языковым узусом, т. е. традиционностью появления определенных лексем в составе сочетания и невозможностью использования даже близких по значению слов в качестве их компонентов. При этом языковой узус, традиция употребления всегда оставалась трудно объяснимым явлением, не поддавалась детальному лингвистическому анализу. На определенном этапе исследования фразеоматических сочетаний выдвигалось предположение

о наличии фразообразующего сцепления ряда дифференциальных сем слов-компонентов в качестве фактора, обуславливающего устойчивость на фразеоматическом уровне. На основе общности дифференциальных сем компонентов словосочетания создается определенная синтагма, которая становится обязательным элементом семантической структуры данного сочетания слов, т. е. в сочетании фиксируется определенная семантическая константа, ведущая к его устойчивости. Например, в глагольных сочетаниях *to bring action, to bring charge, to bring accusation, to bring prosecutions, to bring a case, to bring proceedings, to bring a suit, to bring a complaint* отмечается семантическое согласование по линии дифференциальной семы «судебный характер действия», которая здесь выступает как связующий компонент. При этом семантическое согласование дифференциальных сем компонентов словосочетания может усиливаться средствами контекста. Так в глагольных сочетаниях *to wage war, to wage a campaign, to wage struggle, to wage a battle* семантическое согласование идет по линии дифференциальных сем «применение силы» и «продолжительность действия». Именно данные семы усиливаются и средствами контекста *people ... waged many armed struggles against the draft.; ... the day-to-day struggle ... waged by the union of the People's movement...*

Данный прием речевого использования фразеоматического сочетания по форме напоминает вклинивание во фразеологическом контексте. Однако здесь оно не является стилистическим приемом, а работает на устойчивость сочетания.

Возникновение и бурное развитие новой парадигмы знания в лингвистике – когнитивистике – позволяет по-новому подойти к рассмотрению некоторых параметров фразеоматической устойчивости. Соотнесение ментальных представлений с их вербальной репрезентацией открывает возможность изучать предпосылки ограничения внутренней сочетаемости лексем, когда они выступают в качестве компонентов фразеоматических сочетаний. Именно в последнее время в семантических исследованиях, проводимых на материале разных языков, широко представлены работы по изучению концептуальных структур, стоящих за отдельными значениями лексем этих языков. В рамках вопросов, связанных с дальнейшим изучением устойчивых сочетаний нефразеологического характера, появляется возможность рассмотреть более подробно такое языковое явление, как фразеоматически

связанное значение компонентов словосочетания. Под фразеоматически связанным значением будем далее понимать наличие в составе словосочетания компонента с ограничением сочетаемости от единичной до серийной при условии, что элементы серии могут быть объединены типовым значением. Примером серийной сочетаемости могут служить словосочетания *to freeze wages*, *to freeze prices*, в которых глагол имеет значение «удерживать на стабильном уровне». В толковых словарях современного английского языка в дефиниции данного значения неизбежно приводятся определенные лексемы, с которыми сочетается глагол *to freeze* в заявленном значении. Они не составляют закрытый список, в речи может происходить некоторое расширение серии, но только в рамках типового значения этой серии, в данном случае это «деньги». Интересно отметить, что в сочетаниях типа *to freeze credits*, *to freeze assets* и даже в словосочетании *to freeze construction* «приостановить строительство» присутствует или подразумевается сема «деньги», т. е. можно утверждать, что все эти сочетания суть речевые порождения модели *to freeze* (ЛСВ = удерживать в неменяющемся положении) плюс существительное, обозначающее денежную выплату. При этом в значении всех приведенных словосочетаний присутствует экспрессивно-образный элемент, идущий от семантики ведущего глагольного компонента «become rigid as result of cold» [9]. Показательно использование лексемы «заморозить» и в словосочетаниях русского языка, например, *заморозить зарплату*, *заморозить строительство*. Тем не менее как в русском, так и в английском языке значение второй лексемы сочетания начинает выходить за пределы типового значения серии и, соответственно, степень устойчивости всего сочетания падает. Однако в отдельных сочетаниях рассматриваемой серии можно наблюдать действие одного из экстралингвистических факторов фразеоматической устойчивости, а именно клишированности, когда первый компонент выступает в качестве своеобразного «стимула», а второй компонент – в качестве автоматической «реакции» на него. В данной серии это сочетания *to freeze wages* и *to freeze prices*, которые не только являются наиболее яркими представителями серии, но и наиболее часто используются в речи. Некоторые исследователи закрепляют за ними название «рекуррентные».

На уровне компонентов сочетания для многих устойчивых сочетаний характерна обусловленность выбора компонента-партнера

концептуальными признаками семантически ведущего компонента. В качестве примера рассмотрим сочетания с лексемой *mind*. По данным многих исследователей, в семантической структуре английской лексики *mind* соответствующий ей концепт представлен через предметную метафору как «вместилище», через предметную метафору как «механизм» и через объединение этих двух метафор при создании образа вместилища, заполненного результатом работы этого механизма [7]. В глагольных сочетаниях, например: *to come to mind*, *to have in mind*, *to creep into one's mind*, *to close one's mind to smth.*, *to put / set smb's mind at rest*, *the mind boggles*, *to read smb's mind*, *to give smb. a piece / bit of one's mind*, глагольный компонент ориентирован в своем значении именно на эти метафоры. Его семантика не только не противоречит концептуальной внутренней форме именного компонента, но и выступает в качестве связующего звена, обеспечивая определенную степень устойчивости всего сочетания. Естественно предположить, что большинство из таких словосочетаний будут частично или полностью мотивированными, но являются, тем не менее, устойчивыми, что подтверждается и их фиксацией в специальных словарях, в том числе и фразеологических.

Особый интерес для исследователей фразеоматических сочетаний могут представлять сложные словесные комплексы, которые условно относятся к деловой фразеологии. В своей преобладающей массе данные словосочетания обладают именно фразеоматической устойчивостью, которая и делает их особыми языковыми единицами, обслуживающими сферу бизнеса. Среди них определяются словосочетания, которые обладают всеми параметрами фразеоматической устойчивости или только некоторыми из них. Чем больше число параметров устойчивости отмечается в словосочетании, тем выше его устойчивость.

Следует сразу сказать, что в языке, обслуживающем сферу деловой активности человека, большое количество словосочетаний, которые устойчивы и на уровне фразеологии. В основном, это фразеологические единицы и идиомы, в основе которых лежат определенные метафорические концепты. Некоторые из них могут носить характер универсалий и встречаться в разных языках, что в значительной степени облегчает их адекватное восприятие в рамках межкультурного общения. Одними из наиболее востребованных в данном

случае выступают метафорические концепты BUSINESS IS WAR и OFFICE IS A BATTLEFIELD, что подтверждается выражениями типа *to have a shot at smth.*, *to be caught in the crossfire*, *to be second in command*, *to join forces*, *to take a lot of flak* и т. д. Вместе с тем, в английской деловой фразеологии широко представлены и такие концепты, как COMPANY IS A SHIP и ORGANIZATIONS ARE GARDENS [8], которым свойственна уже и некоторая национально-культурная специфика. Характерными именно для английского языка будут фразеологические единицы: *to be all in the same boat*, *to know the ropes*, *to run a tight ship*, *to get customers on board*, *to weed our poor staff*, *to plough money into smth.*, *to branch into new markets* и т. п. Большинство из таких фразеологических единиц относятся к общей фразеологии, но вместе с тем широко используются в деловом общении, особенно на неформальном уровне, так как обладают высоким эмотивным потенциалом.

В противоположность идиомам и фразеологическим единицам, устойчивостью фразеоматического характера прежде всего отмечены необразные штампы и предложно-именные сочетания с буквальным значением всех компонентов, широко используемые в деловом общении в его разнообразных форматах. Такие словосочетания имеют постоянный состав в силу того, что они институализируются и становятся своеобразными маркерами определенного жанра делового общения. Например, в текстах соглашений о найме на работу или оказании услуг, характеризующихся определенной структурой и специальной организацией информации, закономерно и, в какой-то степени, обязательно появление особых словосочетаний. Это такие сочетания, как: *to conclude the agreement*, *to take obligations*, *term of employment*, *on the basis of*, *in accordance with*, *to perform duties*, *commensurate with his position*, *by reason of*, *in recognition of*, *to terminate agreement*, *waiver of provisions*, *notwithstanding the forgoing* и др. Необразные штампы в силу прозрачности, однозначности своей семантики и повторяемости в типовых ситуациях позволяют самым экономичным способом наиболее полно передать информацию, исключая возможность ее разночтения или искажения. Предложно-именные сочетания берут на себя функцию определения причинно-следственных и временных отношений, в которые вступают подписывающие соглашение стороны. Таким образом, устойчивость таких сочетаний обусловлена и прагматическими задачами, которые преследуют авторы при создании

текстов определенных жанров в практике делового общения. В свете теории фразеоматики в данном случае мы имеем дело с такими параметрами устойчивости на уровне сочетания, как клишированность и институциональная закрепленность за определенной сферой общения, когда коммуникация проходит в заданных рамках статусно-ролевых отношений [3].

Факторы, обуславливающие фразеоматическую устойчивость на уровне компонентов словосочетания, можно наблюдать и на примере устойчивых словесных комплексов, выполняющих номинативную функцию в языковых подсистемах, обслуживающих определенные сферы деятельности человека. Наряду с собственно терминами и терминологическими сочетаниями к ним можно отнести и многие словосочетания с фразеоматически связанным значением одного из компонентов. Связанность значения компонента сочетания предполагает ограничение его сочетаемости в данном значении до серийной или единичной. В случае серийной сочетаемости типовое значение серии определяет группу лексем, которые могут выступать в качестве сопутствующих компонентов. Фразеоматически связанное значение одного из компонентов такого сочетания чаще всего носит метафорический характер. Из сферы финансовой деятельности для примера приведем следующие сочетания с серийной и единичной сочетаемостью первого компонента: *balloon loan*, *balloon maturity*, *balloon mortgage*, *balloon interest* (requiring a large, lump-sum payment at maturity); *mezzanine financing*, *mezzanine bracket* (second or third level financing of companies financed by venture capital); *seed money*, *seed capital* (the initial capital contributed by a project developer); *skip account* (delinquent borrower who moves without leaving a forwarding address). Так как образная основа семантики таких словосочетаний делает их более понятными и для неспециалистов в данной области, это обуславливает их повторяемость в общении на бытовом уровне в рамках соответствующей тематики и повышает степень их фразеоматической устойчивости.

При обсуждении, например, популярной темы «Work – Life Balance» традиционно употребляются такие сочетания, как *stress factor*, *stress symptoms*, *stress toll*, *stress disease*, *stress management*. Прозрачность суммарной семантики этой группы словосочетаний и практически неограниченная возможность ее расширения за счет второго именного компонента в структурной модели N+N не позволяет однозначно

относить их к устойчивым комплексам даже на фразеоматическом уровне. В то же время словосочетание *stress industry*, повторяя ту же структуру, характеризуется семантической осложненностью денотативного и коннотативного аспектов значения. Компоненты словосочетания вступают в семантические отношения более характерные для сочетаний *heavy industry*, *light industry* с фразеоматически связанным значением первого компонента и традиционно считающиеся устойчивыми. Сочетание *stress industry* зафиксировано в языке и словарях как «*term used by critics to refer to counselling, research, etc. done in relation to stress*». Словосочетания такого типа можно отнести к словосочетаниям с единичным семантическим результатом, что повышает их устойчивость на фразеоматическом уровне. Если связанное значение первого компонента модели N+N имеет метафорическую природу, закономерно также и повышение степени устойчивости всего словосочетания, как и происходит, например, в словосочетании *flagship brand*, которое номинирует наиболее важный, главный брэнд из нескольких брэндов, какими владеет компания.

Таким образом, связанность значения одного из компонентов словосочетания, единичная или серийная сочетаемость внутри сочетания, осложненность семантической структуры словосочетания вплоть до единичного семантического результата, закрепление словосочетания в данном значении за определенным семантическим полем и специальной сферой использования, преимущественное употребление словосочетания как профессионалами, так и непрофессионалами в типовых ситуациях общения способствуют становлению устойчивости словосочетаний деловой фразеологии на фразеоматическом уровне. Скорее всего, именно среди единиц деловой фразеологии можно выделить ядро фразеоматических сочетаний, обладающих максимальным набором параметров фразеоматической устойчивости.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что выделение класса фразеоматических сочетаний, их разноаспектное изучение необходимо по ряду причин. Фразеоматические сочетания являются устойчивыми образованиями на языковом уровне. Не обладая всеми параметрами фразеологической устойчивости, они, тем не менее, не конструируются в процессе общения, а используются в готовом виде. Фразеоматические сочетания высоко частотны в разных типах дискурса, так

как выполняют разнообразные коммуникативные функции и прагматические задания. При обучении иностранному языку фразеоматические сочетания представляются обучающимся в готовом виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батырова А. Ф.* Концептуальные признаки глагола в V+N фразеоматических сочетаниях: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 170 с.
2. *Калимуллина В. М., Латыпова Л. Ч., Батырова А. Ф.* Фразеоматические словосочетания: роль слов-компонентов в формировании их семантики // Вестник Башкирского ун-та – 2010. – Т. 15. – № 1. – С. 53–55.
3. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. *Кунин А. В.* Английская фразеология. – М.: Высшая школа, 1970. – 336 с.
5. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. Введение. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
6. *Урлова Л. А.* Опыт исследования устойчивости фразеоматических сочетаний: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 187 с.
7. *Соловьева Е. А.* Концепты mind, heart, soul в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 24 с.
8. *Idioms Organizer.* – Boston: Thomson / Heinler, 1999. – 296 p.
9. *The Concise Oxford Dictionary.* – Oxford: Oxford University Press, 1978. – 1368 p.

